

И. Ташнева
О. Губарева

В погоне за временем

6+

**Инна Ташнева
Оксана Губарева
В погоне за временем**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39832419

SelfPub; 2018

Аннотация

Главные герои повести становятся участниками невероятных приключений, которые связаны с расследованием событий давно ушедших веков. Преследуемые бандитами, они вынуждены искать таинственный город Китеж и пропавшие сокровища. Поиски приведут их в запасники Эрмитажа, подземные лабиринты Старой Ладogi, Кирилло-Белозерский монастырь и затопленный Крохин Посад. Книга понравится всем, кто любит читать о загадках русской истории.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	73
Глава 10	78
Глава 11	88
Глава 12	96
Глава 13	104
Глава 14	116
Глава 15	126
Глава 16	135
Глава 17	155
Глава 18	159
Глава 19	168
Глава 20	177
Глава 21	196
Глава 22	202
Глава 23	206

Глава 24	217
Глава 25	223
Глава 26	230
Глава 27	246
Глава 28	250
Глава 29	258
Глава 30	269
Глава 31	278
Глава 32	283
Глава 33	286
Глава 34	292
Глава 35	299
Глава 36	307
Глава 37	312
Глава 38	316
Глава 40	338

Глава 1

Шла пятая весна нового столетия... Россия. Санкт-Петербург. Если продолжить этот ряд первой пришедшей в голову ассоциацией, то непременно получится – дождь. Конечно, у людей, никогда не бывавших в этом городе, продолжением, возможно, будет слово «музей». Но для местных жителей выбора нет. Всегда дождь и пасмурно. Очень редкое солнце мгновенно улучшает настроение, и население города изо всех сил пытается найти возможность оказаться на улице.

Именно по этой причине симпатичная девушка по имени Елена Ивановна Соловьева, или просто Леля, ушла с работы пораньше и радостно цокала каблучками вдоль берега Невы. Все было великолепно. Яркое светило солнце, Английская набережная сменяла один дворец на другой и радовала глаз безупречностью стиля. На ногах были одеты новые замшевые туфли. Они чудесно сочетались с бежевой сумочкой и легким светлым пальто, и, без сомнения, очень нравились их владелице.

Настроение девушки было радостное, похожее на ожидание чуда. Просто пройти мимо Дворца бракосочетаний она не смогла. Ощущение праздника было так заразительно, что она в шутку пристроилась к группе гостей, делавших общую

фотографию на фоне Невы. Потом вместе со всеми покрывала «Ура!» запускаемым в небо воздушным шариком и даже бросила монетки, которые ей всучила какая-то дама, под ноги выходящих молодоженов.

Множество нарядно одетых гостей толпилось у входа. Огромные лимузины подъезжали к парадному входу, и оттуда выпархивали невесты и их подружки в ослепительных туалетах. На женихов смотреть было не очень интересно: все внимание забирали дамские наряды. Леля отметила наиболее понравившиеся платья, и тут ее посетила мысль, которая периодически отравляет жизнь всем современным женщинам:

– Почему сейчас так просто одеваются?! Такая роскошь и всего на один день!

Леля еще постояла немножко, разглядывая эту кружевную феерию, и пошла дальше по набережной в сторону Зимнего дворца.

– Да... Раньше было здорово! Каждый день, как на парад! – размышляла она. – Хорошо было бы жить в другом веке! Томная, красивая, в тонких кружевах и пышных юбках ты появляешься в высшем свете... а еще – драгоценные диадемы и длинные перчатки... Как бы я была хороша собой!

Великолепная Нева переливалась на солнце бриллиантовой россыпью и будоражила воображение.

Вначале, в своих мечтаниях, она выбрала XVII век, но почти сразу передумала, вспомнив какой-то голливудский

фильм, где все достоверно ходили без зубов и не мылись. Восемнадцатый век выглядел в ее представлении лучше, но вроде Петербург еще не был толком застроен, наводнения и прочие неудобства, и поразмыслив, она решила остановиться на начале 19 века. Лучшее время! Пушкин и литературные салоны, богатые выезды и сплошные балы. Ничего противного не вспомнилось, и она уже радостно прикидывала, где бы ей хотелось точно жить, как ее мысли прервала толпа экскурсантов, которая крутила головами и фотографировалась на фоне Невы. Группа с камерами заняла все свободное пространство гранитной набережной, и Леле пришлось перейти на другую сторону дороги и пойти вдоль домов.

Блики на воде стали видны хуже, но красота реки тут же была восполнена красотой старинных зданий. Мысли от драгоценностей повернули в сторону архитектуры.

– Вышла бы замуж за какого-нибудь графа, и жила бы во дворце, – продолжала фантазировать девушка, представляя себя выходящей из парадного входа, в окружении верных слуг.

– Да, непременно в большом, роскошном дворце!

Она бросила внимательный взгляд на дом, мимо которого проходила:

– Вот, кстати, хотя бы в этом.

Леля решительно притормозила перед лестницей с мраморными львами, которые мирно дремали у входа.

– А почему бы и нет?! – сказала она сама себе. – Как го-

ворила моя бабуля: «губа – не дура».

Леля хорошо знала этот дворец. Маленькую, бабушка иногда водила ее по городу и рассказывала о домах всякие невероятные истории. Про этот она, например, говорила, что он принадлежал потомкам Синей Бороды. Бабушка уверяла, что Синяя Борода жил на самом деле, звался Жиль де Лаваль, барон де Ре, и в XV веке его сожгли на костре за колдовство и злодейство. У потомков отобрали баронство, и они стали просто Лавальями. Бабушка была убеждена, что именно они проживали в знаменитом Доме Лавалей на Английской набережной.

– Нет уж, – шутливо решила она, – замуж за Синюю бороду, пожалуй, не пойду. Хотя львы у входа такие безобидные, дрыхнут себе тихонечко. Сразу видно, что потомки были не так круты, как предок, в смысле кровожадности.

Помечтав на пороге, она собралась уже идти дальше, как вдруг поймала себя на мысли, что ей очень хочется заглянуть внутрь. Ну просто очень, очень хочется.

Здравый смысл предлагал идти дальше, но несерьезное настроение опять взяло верх, и она смело пошла к двери с видом человека, который знает куда идет. Это всем известный и не раз проверенный трюк: всегда можно потом сказать, что ты ищешь Иван Ивановича, или что-нибудь в этом роде. Выгонят, но не сразу. Поэтому Леля вполне уверенно зашла внутрь, и разочарованно хмыкнула. Внутри ничего роскошного не оказалось: было пусто и шел ремонт. Пахло

сыростью и цементом.

Интерес сразу пропал. Захотелось вернуться на солнышко к чудному весеннему дню. Она пошла было обратно и остановилась: ей вдруг показалось, что ее окликнули. Леля на мгновение замерла, прислушалась, и поняла, что зовут действительно ее. Точнее почувствовала, так как явных слов слышно не было. Удивленная девушка медленно обернулась. Интересно, кто мог ее здесь знать?

Глава 2

В первый момент Леля ничего не увидела, но потом разглядела в конце зала людей довольно странного вида. Они стояли небольшой группой и, как ей показалось, все были одеты в длинные белые балахоны. Девушка посмотрела на них внимательнее и тут до нее дошло, что это именно они зовут ее за собой.

«Что за цирк?» – вздрогнула Леля и попятилась.

Казалось, что их фигуры плывут по воздуху, как привидения. Ей стало не по себе.

«Пора на выход, и чем быстрее, тем лучше, – решила она, – а то мне мерещится всякая чушь».

Леля снова шагнула к двери и тут, к своему удивлению, почувствовала непреодолимое желание пойти вместе с этими странными существами. Желание было настолько сильным, что, решив не противиться, Леля покорно пошла следом, мысленно все же ругая себя за глупое любопытство.

Она вошла в небольшой зал, заполненный людьми в белых одеждах. Людей было много, они теснились между собой и зрительно сливались в одну массу, которая очень расплывчато делилась на фигуры. Скорее это были даже не фигуры, а только очертания, неясно обозначенные контурами. Их лица приветливо улыбались и почему-то были очень похожи между собой. У Лели создалось впечатление, что это огром-

ная толпа родственников, которые собралась вместе для какого-то праздника или ритуала. В голове пронеслась мысль про секту белого братства, но она тут же выкинула ее из головы как глупую.

Все, что происходило здесь, вообще мало походило на обычную реальность. Сердце подсказывало один ответ, но мозг отказывался его принимать. Она стояла и вежливо улыбалась, стараясь дышать глубже, чтобы унять биение в груди. Было не страшно. Ее состояние скорее походило на очень сильное волнение перед экзаменом.

Наконец навстречу ей двинулся старик очень величавого вида. Он слегка поклонился в знак приветствия и торжественно произнес:

– Хорошо, что Вы пришли, мы Вас давно ждали.

– Нет, вряд ли. Вы, наверное, ошиблись, – начала Леля растерянно, чтобы хоть что-то сказать. – Я случайно...

– Я знаю, кто Вы, – перебил ее старик, – думаю, Вы – не знаете своего предназначения.

– А–а, ну тогда понятно, – пролепетала она и отступила на всякий случай к выходу.

«Успокойся, успокойся. Очевидно, что это не люди. Но кто? – уговаривала она себя, изо всех сил пытаясь не паниковать, – привидения или духи? Наверное, духи. Слишком хорошие для привидений. Но духов видеть нельзя, это точно известно, у человека нет такого органа чувств. Может, тогда инопланетяне?».

Словно услышав ее, старик улыбнулся и покачал головой. Потом спокойно продолжил, отвечая на все ее вопросы:

– Да, Вы правы, мы – духи. Мы то, что составляет душу старого Петербурга, и это мы пригласили Вас сюда для важного разговора.

Он оглядел присутствующих. Духи согласно закивали головами. Они почему-то с ожиданием смотрели на девушку.

– Мы покидаем этот город. И нам нужно Ваша помощь.

– А зачем? Вас кто-то выгоняет? – Леля так возмутилась от этой мысли, что даже перестала психовать. – Как это возможно?!

– Это не имеет значения. Просто для многих из нас здесь не остается места.

– И что же? – сказала Леля, потому что сказать ей было нечего: ничего умного просто не лезло в голову. – Душа города просто умрет?

– Ну что ты! – вдруг весело вставил один из присутствующих, похожий своими кудрями на юного Есенина. – Душа бессмертна. Она может только отлететь.

Леля стояла в полном недоумении. Ее, столь несерьезную и безответственную, какой считала ее мама, духи великого города просили о сотрудничестве. Есть от чего удивиться! Она стояла и молча смотрела на них, пытаясь собрать мысли в голове в единое целое.

Наконец, старец вежливо продолжил: – Итак, милая девушка, я спрашиваю: готовы ли Вы помочь нам?

– Я не знаю... Если кроме меня никого получше не нашлось..., и вы ничего не перепутали... – проговорила она с большим сомнением.

– Для нас это невозможно, – серьезно ответил величавый старик.

– Вы – Соловьева Елена Ивановна, – утвердительно возвестил он.

Леля машинально кивнула головой.

– Ваш род по мужской линии отмечен великими праведниками. А Ваши прабабушки обладали особым даром и могли видеть духовный мир. Именно поэтому Вы на меня и смотрите.

– Ох, ничего себе! А почему я раньше никого не видела?

– Потому что это было не нужно, – спокойно ответил старик. – Человеку видеть духовный мир постоянно не полезно и опасно.

«Мамочка моя, какая ответственность! Они чего-то явно от меня ждут. А если я вообще не такая, как мои предки?! Они ведь небось и не догадываются, что я самая обыкновенная, не особо начитанная, и никаких способностей, тем более даров, у меня нет». В глубине души ей было как-то неловко: возьмется помогать, а потом все испортит.

Хотя ей очень хотелось оказаться именно такой, как надо! От духов исходила такая доброта, что она даже почувствовала гордость, что эти удивительные существа просят о помощи именно ее. Только что она реально может?! Решившись,

Леля вежливо спросила:

– Скажите, пожалуйста, что мне надо будет сделать? Вдруг я не сумею?

– Хороший вопрос. Но, прежде чем дать на него ответ, я должен получить ваше согласие. – Он широко улыбнулся, стал светлее и даже выше ростом:

– Итак, вы действительно готовы нам помочь?

– Ну, конечно! – сказала Леля более уверенно, – Мне очень любопытно, и к тому же я не сомневаюсь, что духи нашего города не могут попросить ничего плохого.

– Как и положено, спрошу в третий раз: беретесь ли Вы нам помочь, даже если это будет трудно?

– Да! – выдохнула она и, в ужасе от собственной смелости, огляделась.

Но все присутствующие духи не поддержали ее страхов и радостно заулыбались. Зала осветилась приятным теплым светом.

– Тогда, – начал старец торжественно, – Вы поможете нам найти и открыть вход в древний город Китеж. Там место всему духовному, что должно остаться на земле, но не находит на ней места.

– Чтобы далеко не уходить! – уточнил юный дух, – И потом быстро вернуться, если позовут обратно.

– Всего-то?! – Леля чуть не упала, пораженная задачей. – Вы шутите? Это же легенда, по ней даже оперу написали, Римский-Корсаков, кажется. Вы в курсе, что это было тыся-

чу лет назад и, скорее всего, неправда?

– Время – понятие недуховное. Для нас его просто нет, – все так же спокойно ответил старик. – Это понятие материального мира, а не нашего. Нам все равно, когда это было, уверяю вас. Вспомните лучше другую мудрость: дорогу осилит идущий. А вы боитесь даже шагнуть.

– Нет, я не боюсь! Я готова попробовать. Только... абсолютно не представляю, о чем идет речь. Честно сознаюсь, я эту оперу не смотрела. И даже плохо знаю сюжет.

Леля с сомнением покачала головой и нерешительно сказала:

– А с чего мне надо начинать? Это я сама должна решить?

– Не обязательно. Вы не будете одна на этом пути. С Вами будут двое из нас. Мокий – старец указал на юношу, – будет укреплять Вас, радовать и веселить. Он будет вашей поддержкой в трудную минуту. Молодость не может без улыбки.

Мокий вышел вперед и так радостно посмотрел на Лелю, что у нее тут же исчезли все переживания, и она заулыбалась в ответ.

– Вторым, – продолжил старик, – решено отправить Феодорита, хранителя Дома Лавалей, – дух, похожий на греческого философа, склонил голову.

– Он поможет мудрым советом, утвердит в правильном выборе. Феодорит во многом близок Вам, и Вы скоро поймете почему.

– Ой, как хорошо, спасибо, – Леля совсем успокоилась

и вздохнула свободнее. Мысль, что ей не придется искать неведомый город в одиночку, вернула ей радостное настроение. – Класс! Наверно, это будет лучшее приключение в моей жизни!

– Познавательное – точно, – улыбнулся в ответ старец, – если понадобится, я тоже к вашим услугам. Можете называть меня Карл Иванович, потому что вот уже 200 лет я храню творение великого Росси. Я дух Здания Сената и Синода.

Он торжественно поклонился.

– А сейчас Вам пора идти. Скоро сюда придут люди.

Леля нерешительно повернулась к двери. Но тут же остановилась в недоумении:

– Да?! А как мы потом увидимся? ... Я, конечно, могу подойти сюда завтра... Только меня могут не пустить, надо чтобы вы сами вышли ко мне.

– Мы можем только выплыть, не забывай. Духи бестелесны, – улыбнулся ей Мокий и серьезно добавил:

– Просто подумай: где и когда, и мы будем там тебя ждать.

Феодорит вежливо склонил голову в знак согласия и уточнил:

– В любом удобном для беседы месте.

Леля секунду поразмышляла и решила:

– Я, пожалуй, дам вам адрес одной квартиры. Раз вы бестелесны, то размещайтесь с удобствами. Сейчас там никто не живет, моя тетья Инна уже начала летний сезон и уехала на дачу. А я завтра возьму выходной и приеду прямо с утра.

И Леля отправила своих новых друзей в квартиру своей родной тетки, которая находилась сравнительно недалеко от ее дома на Большой Морской.

– Ну, тогда... Я пошла? ... Ой! Спасибо большое! Спасибо! – стала раскланиваться она, потому что духи заулыбались ей со всех сторон с добрыми пожеланиями.

И вдруг тишину здания нарушил топот ног и человеческий гомон. Казалось, в один момент весь дворец наполнился людьми. Дверь открылась, и кто-то заглянул внутрь.

– Здравсьте, – сказала голова, – бригадира не видали?

– Нет, – испуганно ответила Леля, и голова тут же исчезла.

А духи, как и положено, сразу растаяли в воздухе. Леля подождала немного, беспомощно покрутилась на месте, но никто больше не появился.

– Надеюсь, мне это все не померещилось, – подумала девушка и стала выбираться из здания с замученным видом курьера, забредшего не туда. Правда, кроме рабочих она никого не встретила, а им было все равно.

Глава 3

Простуженная мама уютно сидела в кресле с вышиванием в руках и каким-то отваром. Возбужденная Леля даже удивилась столь мирной домашней сцене: мама вышивает, ужин на столе, Машка уже всю болтает по телефону, и никто не спрашивает, что с ней сегодня произошло.

С трудом оторвав младшую сестру от очередной подружки, она быстренько заставила ее поесть и отпустила на свободу.

Самой есть не особенно хотелось, она даже думать ни о чем не могла, кроме как о необычных дарах, которые достались ей от бабушки. К тому же, как выяснилось, у нее еще были героические дедушки, а она и о них толком ничего не знала. Надо было все срочно выяснить и желательно со всеми подробностями.

Поэтому, помыв посуду, Леля тихонько зашла в мамину комнату и бесшумно села на табуретку рядом с пианино.

Леля очень не любила врать, но правду сказать было невозможно, поэтому она сидела и размышляла, как правильно задать вопрос, чтобы не получить в ответ: «А зачем тебе это вдруг понадобилось, милая?»

«Действительно – вдруг! Могла бы поинтересоваться и раньше своими предками», – мысленно отругала себя Леля, прикидывая различные варианты. Она уже придумала вполне удачный, как мама неожиданно сообщила неизвестно ко-

му:

– Наш город – самый непредсказуемый, никогда не знаешь, какая погода ждет тебя завтра.

Она помолчала секунду и добавила, задумчиво глядя на изнанку рукоделия:

– Хорошо бы посмотреть прогноз, чтобы не простудить ребенка.

Теперь она отложила вышивку в сторону и стала внимательно рассматривать рисунок, лежащий рядом на столике. При этом на Лельку мама даже не взглянула, полностью игнорируя ее присутствие.

Затем, все так же, не поднимая головы, терпеливым голосом сообщила:

– Сейчас главное – правильно одеваться, чтобы не охладиться и не заболеть. Очень важно знать точный прогноз погоды.

У нее была потрясающая способность говорить вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. Например, она любила вдруг произнести: «Хорошо бы кто-нибудь сходил за хлебом». Можно, конечно, сделать вид, что ты не понял и сказать: «Да, хорошо бы». Но опыт показывал, что мама не угомонится и будет вопрошать в пустоту до тех пор, пока твоя совесть не проснется. «Откуда у нее такие королевские замашки?» – вздохнула про себя Леля, и вслух произнесла:

– Конечно, мам, я посмотрю сейчас в Интернете.

– Ну и отлично, – улынулась мама, – а то тут по телеви-

зору такой кошмар наобещали!

Она окончательно отложила рукоделие и радостно сообщила, что, оказывается, идет циклон откуда-то с юга и почему-то несет холод и снег в начале мая. Мама не запомнила детали, поэтому надо было выяснить точно с какого числа. Леля послушно пошла в сторону компьютера и через пять минут прочитала сводку погоды на ближайшие дни. Ничего страшного не обещали, хотя снег действительно ожидался через день.

Довольная мама уютно уселась перед телевизором, и Леля в ужасе поняла, что еще секунда, и ее будет не оторвать от очередного сериала. Поэтому она решила: будь что будет, и задала прямой вопрос:

– Мамулик, а у твоей бабушки или прабабушки были какие-нибудь необыкновенные способности?

Мама от удивления даже отложила телевизионный пульт и переспросила:

– А что ты имеешь в виду?

– Да все, что вспомнишь! Короче, просто расскажи мне, что ты лично знаешь необычного или выдающегося про моих предков.

Леля уселась рядом с полной решимостью в крайнем случае наврать что-нибудь правдоподобное. Но врать не пришлось. По всей видимости, время до начала сериала еще было, поэтому мама даже обрадовалась возможности поболтать с дочкой.

– Я не очень много знаю, солнышко, – начала она ласково, – Ведь тогда были такие времена... За любые разговоры могли посадить, а то и расстрелять. Поэтому моя бабушка Тоня не имела привычки много болтать. Все истории из ее жизни я узнавала в качестве вечерней сказки.

Мама призадумалась и мечтательно проговорила:

– Эх, была у меня одна любимая история, очень необычная. Это рассказ про белую женщину и ее дар.

Леся затаила дыхание, чувствуя, что они сразу подошли к сути вопроса. Мама прикрыла глаза и погрузилась в воспоминания.

– Я обожала бабушкины истории про ее детство. Сидя под одеялом в кровати, я воображала себе огромную квартиру, в которой весело бегали дети, а за ними носились няньки. На кухне трудились кухарки и вкусно пахло обедом, а у подъезда дома стояла карета с кучером.

Бабушкины родители красивые и нарядные приезжают из гостей, и все дети выбегают их встречать в спальнях кружевных рубашках до пола, путаясь в них маленькими ножками и падая по дороге. За ними, ворча, торопится няня, родители журят малышей, очень довольные такой встречей. Я представляла себе длинный широкий коридор с картинами и зеркалами в золоченых рамах. Именно там моя бабушка часто видела даму в белом платье, одиноко стоявшую в углу.

Бабушка всегда с ней здоровалась и была уверена, что эта дама живет в их квартире постоянно. Маленькой она не за-

думывалась, откуда она взялась, а став старше, задала вопрос родителям, но увидев их удивленные взгляды, просто перестала спрашивать.

Они жили счастливо, хотя родители отца не признавали невестку и ее детей. Дело в том, что у бабушкиной мамы был серьезный изъян в биографии. Она была мещанка, дочь незаконнорожденного. А люди, рожденные вне брака неохотно принимались в приличном обществе.

А между прочим, ее отец был хоть и незаконным, но сыном графини и имел более чем приличное состояние. Я даже помню, как его звали – Александр Иванов. Фамилия с ударением на первый слог. Но дворянская честь в то время не позволяла иметь родственником не только самого незаконнорожденного, а даже его потомков.

Мама покачала головой и назидательно сказала:

– Представляешь, как все изменилось за сто лет! Теперь все почти с точностью до наоборот.

Леля срочно покивала головой в знак согласия и умоляюще посмотрела на маму, прося продолжения.

– Так, на чем я остановилась? Ах, да. Ну вот, дальше в рассказе следовала грустная часть о том, как внезапно умер отец. Я очень ее переживала, так как моя бабушка всегда в это месте вытирала глаза. Ну, не буду сейчас рассказывать подробности, там была жуткая трагедия.

Леля стала возражать, но маме не хотелось печальных воспоминаний, и она отмахнулась от нее.

– Потом расскажу. Короче, семья осталась совсем одна, и денег вскоре стало не хватать. Бабушке Антонине тогда уже исполнилось 14 лет и пришлось ей идти вместе с мамой на поклон к родителям отца. Они, кстати, были очень богаты и имели дом здесь недалеко, на Почтамтской улице. Но гордая родня не пустила их дальше крыльца и велела больше никогда не приходиться.

«Нет худа без добра» – всегда говорила мне в этом месте бабушка Антонина. И вот почему. Когда она, расстроенная, вернулась домой, то увидела, что белая дама, стоящая в коридоре, зовет ее жестом. И тут впервые бабушка услышала ее тихий проникновенный голос...

Я, конечно, когда подросла, из любопытства спросила, не веяло ли от нее могильным холодом, мне казалось, что дама вполне может быть привидением. Но бабушка немного обиделась и уверенно сказала, что голос был как теплый ветерок!

Белая дама сказала, что бабушка Тоня должна прислушаться к себе и научиться доверять своему внутреннему чувству. Дар Божий, на то и дар, сообщила ей дама, данный однажды, он остается навсегда, надо только быть готовым его принять и сохранить. Период испытаний только начинается, и она сможет помочь многим... Честно говоря, все это было очень таинственно, красиво..., но несколько сумбурно. Бабушка здесь явно чего-то не договаривала или считала меня маленькой для понимания.

Но и так известно, что вскоре произошла революция, гражданская, великая отечественная войны. И, самое интересное, что наша бабушка всегда чувствовала опасность заранее и, более того, быстро находила правильный выход из любой ситуации. Разных случаев из ее жизни накопилось великое множество. Послушать эти истории, так она спасла уйму народу. Думаю, что она научилась следовать своей необычной интуиции, полученной в подарок, правда... лично у меня ее никогда не было. Мне почему-то ничего не передалось, хотя может у меня и не было для этого особой нужды?

– А дальше? – потребовала Леля, чувствуя, что мама подвела итог.

– А что дальше? – мама пожала плечами, – Она выходила замуж дважды и каждый раз очень удачно. А вся семья дружно переезжала к новому мужу, который обеспечивал существование всем ее братьям и сестрам. Она действительно очень много помогала другим, хотя люди ее не всегда слушали... , впрочем, это естественно для людей. И, по ее словам, она больше никогда не видела эту необычную белую даму.

Она посмотрела на часы и в заключение вздохнула:

– А жаль, я бы не отказалась на нее взглянуть...

– А никто из родных ее больше не видел? – спросила Леля.

– Впоследствии, когда бабушка Тоня расспрашивала о ней близких, то выяснилось, что ее младшая сестра Маруся тоже ее видела, только она думала, что тетя не настоящая, а про-

сто стоит, как статуя. Хотя бабушке и этого было достаточно, чтобы не считать себя сумасшедшей.

Леля как-то видела в Интернете рекламу с Карлсоном, на которой было написано: «Если в детстве у вас был невидимый друг, свяжитесь с нами, и мы сможем вам помочь». Смешно, но, в общем объясняет, почему бабушка рассказывала об этом только в качестве вечерней сказки.

– Мамуль, а бабушкина интуиция еще у кого-нибудь из наших женских предков встречалась? – не отставала Леля, видя, что мама взяла в руки пульт от телевизора.

– Мы не знаем наших прапрабабушек, – терпеливо пояснила мама, – да и откуда? Александр был незаконнорожденным, и мы не знаем, кто его мать. Известно точно, что это была графиня и все. А у моей мамы не было никаких особых качеств, хотя она была великолепным врачом и диагностом. Впрочем, говорят, что для этого тоже нужна особая интуиция. В нашей семье выдающиеся люди были только по папиной линии. Священники и даже вроде священномученики. Но про них я мало что знаю. Погоди, вот папа придет... сам тебе расскажет. Уже немного осталось ждать...

Мама грустно вздохнула по поводу его отсутствия и, заканчивая разговор с дочкой, нажала кнопку на пульте. Леля смотрела, как она щелкает каналы, отыскивая сериал и думала, что хорошо бы папа был дома. Он бы точно рассказал кучу интересного. Но папа был капитаном дальнего плавания и ожидался домой не раньше конца мая.

Глава 4

На следующий день взволнованная Леля с самого утра явилась в пустую теткину квартиру. Квартира была примечательна тем, что сохранилась почти в том же виде, в каком, наверное, была до революции. Все комнаты в ней соединялись друг с другом какими-то загадочными поворотами и угловыми закутками; странные коридоры шли в никуда, а кухня была расположена почему-то в том месте, где ее меньше всего ждешь. Раньше это была густонаселенная коммуналка с перекрытыми межкомнатными дверями. Но постепенно все или разъехались, или вымерли. В результате к началу приватизации в квартире остались четыре одинокие старушки, да тетя Инна со своей семьей. Довольно долго они жили очень дружно, как родные люди. Поэтому умирая, соседки оставили любимой Инночке в наследство все свое имущество, включая комнаты. Особых денег у нее на ремонт и новую мебель не было. Поэтому обстановка квартиры сохранялась под стать ее планировке. Кроме разошедшихся старинных шкафов и тяжелых дубовых стульев ее наполняли разные статуэтки, картины, фотографии и лампы с замысловатыми выцветшими абажурами.

Дом находился на улице Большая Морская, был построен в 1865 году, и в свое время там жили представители таких фамилий, как Гончаровы, Демидовы, Строгановы. Тетя Ин-

на уверяла, что здесь когда-то квартировал даже знаменитый полководец Петр Иванович Багратион. Вот почему Леле не было стыдно отправлять сюда своих необычных гостей.

А теперь она стояла в пустой прихожей и не могла сообщить, как сообщить о своем приходе духам. Тишина была невероятная. Такая, что она почувствовала себя грабителем, забравшимся в чужой дом.

С утра она уверенно и непринужденно выдержала мамин взгляд, так, что та даже не спросила, зачем ей понадобились ключи от теткиной квартиры. Мама легко отвлекалась на более интересные вещи, и Лельке не составило труда переключить ее просьбой: поискать в книгах все, что найдется про город Китеж. А это, действительно, интересовало ее больше всего на свете.

Но сейчас в тишине квартиры, в которой должны были быть духи, непринужденность куда-то подевалась.

– Ау-у, есть кто живой? – тихонько пропела Леля, уверенная, что никто не отзовется.

Но вместо ответа она увидела своих гостей, которые внезапно проявились прямо перед ее носом.

– Доброе утро, Елена Ивановна! Очень приятно вас видеть в столь ранний час, – немного торжественно произнес Феодорит, показавшийся Леле похожим на античного героя.

– Здравствуйте, – проговорила Леля.

– Ура! Ура!! Наша команда в сборе, можно начинать поиски! – радостно возвестил Мокий.

– Можно, – согласно кивнула Леля, которая тут же пришла в такое же бодрое расположение духа. – А с чего начнем?

– С библиотеки! Феодорит утверждает, что там ты найдешь для себя много интересного.

– Справедливо. Надо хоть почитать про этот странный город, который мне предстоит отыскать.

– Про город мы можем и сами тебе рассказать. Но по объективным причинам все равно предлагаю начать наши труды с Публичной библиотеки. Если ни у кого нет возражений, – вежливо проговорил Феодорит, вопросительно глядя на Лелю.

Она пожала плечами, и так как других предложений не поступило, удивительная компания вышла на улицу и пошла в сторону Невского проспекта.

Главная улица города была, как и положено, заполнена народом. Поток куда-то несущихся горожан деловито обтекал неторопливую толпу гостей города на Неве. Эти два потока периодически смешивались между собой и создавали почти автомобильную «пробку», с той разницей, что пробиться все равно было можно, хотя и по одному. Люди для духов не помеха, и Леля с интересом наблюдала, как ее новые друзья беспрепятственно пропускают сквозь себя человеческие тела, даже не деформируясь в объеме. Она так загляделась на это зрелище, что сама дважды влетела кому-то прямо в живот, за что и была удостоена парой гневных взглядов. Пролетав вслед свои извинения, Леля попыталась сосредото-

читься и составить план поиска, но ничего не получилось – ни одной мудрой мысли в голове так и не появилось.

– Пока мы гуляем, может, вы поведаете мне про моих прабабушек? – почти жалобно попросила она духов. – Наверняка вы все про них знаете. Вдруг с них надо начинать?

– Да, честно говоря, мы и сами не очень-то много знаем, так, несколько фраз, – уклончиво ответил Мокий.

– Ну, хоть что-нибудь!

– Простите, Елена, но мне кажется, что вам надо самой разобраться, а то мы собьем вас с толку. Важно ваше восприятие, вдруг вы увидите что-то такое, что не увидели историки, – строго заметил Феодорит.

– Про моих предков писали историки? – Эта новость Лельку явно озадачила.

– Так уж получилось, что одна из твоих далеких прапрабабок была дружна с царицей.

У девушки похолодела спина. «Именно царицы мне не хватало для полного счастья, – подумала она. – И вообще... Какое у меня может быть «свое восприятие», если я даже не понимаю о ком идет речь? Вот попала в историю».

Но больше расспрашивать не стала, благоразумно решив подождать.

Совсем скоро они подошли к зданию Публичной библиотеки, Леля полезла в сумку за паспортом, и тут Мокий предложил пройти еще немного вперед, до угла Владимирского проспекта:

– Я, с удовольствием, покажу тебе мою прежнюю обитель, – пояснил он девушке. – Если, конечно, интересно.

Дом 49 по Невскому был когда-то родным для Мокия. А теперь, после реконструкции, старинное здание занимал роскошный современный отель.

– Отличная идея, – неожиданно для себя, согласилась Леля, – библиотека никуда не денется.

Феодорит удивился, но спорить не стал. Только выразительно посмотрел на Мокия, в том смысле: понимаешь ли, куда приглашаешь?

– Да пойдете, все нормально, – обрадовался Мокий. – В моем подвале много чего интересного осталось.

– Не может там ничего остаться – здание полностью перестроено, – сухо заметил Феодорит.

– Ну и что, они хоть все и разломали, но стены-то в подвале оставили! – казалось, Мокий был просто в восторге от предполагаемого похода.

– Там один тайник был, – доверительно сообщил он. – Хранились всякие вещи бывших владельцев. Нам-то, духам, они ни к чему. Так что будет лучше отдать все Леле. В безвозмездное пользование.

– А мне тоже ни к чему, я продать их не сумею, – бесхитростно ответила девушка.

– Ничего... Запомнишь, где лежит, а потом торжественно найдешь клад. За 25% сдашь государству. Или мои знания устарели? Может быть, теперь больше дают?

– Срок дают за нарушение прав собственника и разлом подвала, – мрачно пошутил Феодорит.

– Нет, нет, действительно... Ну что такого? Надо посмотреть, даже любопытно! Все-таки настоящий клад! – зажглась идеей Леля. – А кому принадлежал этот дом раньше?

– Изначально дом принадлежал князьям Шаховским, но думаю, тайник вряд ли их. Ведь лет через 30 дом купили купцы Ротины и открыли там гостиницу «Москва». Хотя в первые годы после постройки там жило много известных людей искусства. Например, Некрасов или Глинка. Нельзя забывать и то, что Шаховские ведут свой род от Рюрика, а фамилия всех русских царей до прихода к власти Романовых была Рюриковичи. И именно Рюриковичи царствовали во время исчезновения города Китеж.

Феодорит прервал этот исторический экскурс:

– Не увлекайтесь, вряд ли вам так сразу повезет, скорее всего, это простой купеческий клад с вещами, которые были ценны только для владельца спрятанного.

Феодорит, казалось, не очень хотел, чтобы Леля ползала по подвалам. Но молодежный энтузиазм был так заразителен, что он не стал возражать и заплыл вместе со всеми в щель, которую образовывала перекошенная подвальная дверь во дворе соседнего дома.

– Не забывай, Мокий, что человек не может пройти там, где проходит дух. Ему надо обеспечить человеческий проход.

– Вот я и обеспечиваю! К тому же она худая, вполне пролезает, – отпарировал Мокий.

Леся на самом деле была очень похожа на худенького мальчика и как все маленькие женщины в 21 выглядела на 16.

– А в 50 буду выглядеть на 30, – утешала она себя, но втайне жалела, что не родилась высокой длинноногой блондинкой. Однако сейчас, протискиваясь в отверстие, предложенное для прохода как человеческое, она порадовалась своим размерам.

Компания оказалась в темном подвале, который скудно освещался солнечными лучами через щели в заколоченных окошках. Приятным открытием было то, что духи стали слегка светиться в темноте и вполне уютно освещали дорогу. Было сыро и прохладно. Облупившаяся штукатурка обнажала кладку из темных, будто полированных кирпичей. Они выглядели такими крепкими и надежными, что не было сомнений: 200 лет для них не срок.

Как удивительно устроен старый Петербург! Лишь отойдешь в сторону от центральных улиц, как тебя начинают увлекать таинственные подворотни, заманивая в мистическую запутанность бесконечных Петербургских дворов.

Двор, плавно перетекающий в другой двор, потом в третий и четвертый, и так целые кварталы, расходящиеся вглубь от центральных улиц и вынырывающие на свободу в со-

вершенно неожиданных улочках и переулках. Эти проходы и проходные дворы кем-то закрывались, но находились другие. Обнаруживались лестничные клетки, через которые можно было попасть в бывшие дворцы с какого-то необъяснимого входа, чердаки, выходившие на соседние крыши, подвальные переходы, выводящие в огромные вестибюли, украшенные разноцветьем полуразбитых витражных окон.

Леля любила эти дворы, потому что сама выросла среди их строгих стен, чахлой зелени и длинных коридоров подворотен. «Неужели все это теперь исчезнет в мертвом бетоне современных строений? Как скучно станет в Петербурге. Бессмысленный типовой комфорт для скучных одинаковых людей», – такие мысли витали у Лели в голове, пока Мокий вел ее тайными проходами из подвала в подвал, соединенными в одну хитрую систему, не подвластную человеческому пониманию. Но результат стоил того: в конце концов они оказались в зале с красивыми арочными сводами. На стенах зала полностью облезла штукатурка, и в красных кирпичах он выглядел, как французский винный погреб.

– Здорово – восхитилась она, – а что сверху?

– Сейчас ничего интересного. Раньше был купеческий ресторан. Этим подвалом не пользуются. Проход знают только бомжи, но и они сюда не ходят – сыро и нет отопления. Зато здесь есть общая стенка с подвалом Дома Шаховских, и мы достанем клад с этой стороны.

Мокий был шутивно деловит, а сама Леля пребывала в

полном восторге от новых впечатлений. И только Феодорит оставался, как обычно, спокойным и задумчивым, но вдруг, и он насторожился. Потом обеспокоенно посмотрел на Мок-ия и обернулся на странный неприятный звук. От неожиданности, что сюда идут, Леля испуганно рванула прятаться за какой-то ящик. Но ей не повезло и, с бесшумностью падающего слона, она рухнула куда-то вниз.

Рефлекс есть рефлекс, поэтому вопль был неизбежен.

Леля приземлилась во что-то мягкое и мокрое,

– Мамочка! Где я? Вытащите меня отсюда, я бою-юсь!

Но в ушах тут же прозвучал успокаивающий голос Мокия:

– Не бойся, я здесь. Руки, ноги целы? Вы люди такие хрупкие. Давай-ка поднимайся.

Над головой послышался какой-то шипящий противный звук.

– Это змеи? – пропищала она от ужаса.

– Да, нет, откуда тут змеи? Мы ведь не в Африке. Здесь кое-что попротивнее. Это бесы.

– Кто?!

– Бесы – падшие духи, но они не только падшие, они еще очень мерзкие и вонючие. Да ты не трясись – встречаться с ними не стоит, конечно, но и бояться тоже не надо. Ведь с тобою мы, ангелы.

– А вы что – ангелы?!?!

– А кто же еще? Есть только ангелы и бесы. Ну, давай руку, я тебе помогу.

Мокий легко оторвал ее от грязной кучи, на которой она лежала, и заметил:

– Как удачно здесь опилок набросано, видно воду пытались собрать.

Наверху раздался гнусный голос. Именно гнусный: ну никак по-другому не назвать.

– Ух-ты! Кого мы видим, кого мы лицезреем!

Леля сразу представила себе пьяного матроса, идущего вразвалочку. Но ничего не было видно.

В ответ раздался голос Мокия:

– Странно, что ты еще здесь, Сайгон, твоя резиденция давно закрыта.

– И твоя тоже, но ты же здесь. Чего тебе надо, позволь полюбопытствовать?

У Лельки в ухе зазвучал голос Феодорита:

– Это бес – куратор «Сайгона», так в народе называлось местное кафе. Извечный противник Мокия. Встреча с ним некстати. Они привязчивые и любопытные – эти кафешно-ресторанные бесы. Постарайся не обращать на него внимания. Именно через внимание бесам легко уловить человека.

Но Сайгон явно рад был встрече, ему было скучно. И, конечно, Лелькин вопль не остался незамеченным.

– А кто это с вами? – Бледное лицо, но не пьяного матроса, а наркомана с блестящим взглядом, наклонилось сверху. – Человек, который видит духов, и даже держит их за руку?! –

это слишком интересно, чтобы пропустить.

– Петух! Дуй сюда – здесь надо разобраться.

Послышалось змеиное шуршание, и в проеме наверху показалась другая голова, на этот раз похожая на свое имя.

– Здрасьте, – улыбнулось чудище пустым ртом. – Девушка, а как вас зовут? Меня – Петушок. Будем дружить?

Леля зажмурилась и изо-всех сил старалась заткнуть уши, но противные голоса будто звучали у нее в голове.

– Ангелы, помогите! – прошептала она.

И тут из темноты вышли Феодорит и Мокий. Они светились сильнее обычного, и Леля впервые увидела у них за спиной крылья.

– Уходите!

– Только не надо никого пугать, – снова голосом пьяного матроса заговорил Сайгон, – никаких претензий, мы уже удаляемся. Нам бы только познакомиться, и то из вежливости – все-таки дама. Мы всегда же при культуре были, вот и Петух знатный ресторан держал. Все купцы московские у него кушали и довольны бывали. А вы сразу так грубо, может мы поговорить только или послушать мечтаем. Да и заранее интересуемся: может, чем помочь потерпевшей?

– Как всегда кривляешься, Сайгон? Убирайся, – грозно сказал Мокий.

– Пусть дама попросит, мы сразу уйдем, – ласково прошипел бес.

– Молчи, – раздалось в Лелином ухе – беса никогда ни о

чем просить нельзя, он ничего просто так не сделает.

– Ну, так как? – улыбались довольные собой рожи, – договоримся?

Но тут Феодорит выступил вперед, стал больше ростом, разлил вокруг яркий свет, и, гневно сверкнув глазами, произнес: «Изыди!»

Бесы зажмурились, съежились и с противным шипением исчезли за один миг, остался только вонючий запах.

– Теперь от них трудно будет отвязаться, – серьезно проговорил Феодорит.

– Не думал я, что они до сих пор тут, – с горечью сказал Мокий. – Оба ресторана давно закрыты. Хотя они могут теперь и на гостинице паразитировать. Ангела Хранителя нет, вот и болтается всякое.

И, уже улыбаясь, ласково продолжил:

– Давай, Леля, выбирайся оттуда, будем клад доставать. Пока ты лежала в опилках, я нашел заветный кирпичик. Встреча была для всех неприятная, но не будем о ней думать, своих дел полно.

Но Лелина голова думала не о кладе. «Как же так? – думала она, – если все Ангелы Хранители старого города уйдут, везде такие сайгоны разведутся. Кошмар! Надо как-то обсудить этот вопрос: может они передумают? А она еще содействует их уходу. Или делает вид, что содействует, потому что ее задача ей до сих пор неясна. Зачем она вообще понадобилась им для этой миссии, не из-за бабушки же. Если они

самые что ни на есть ангелы, (а она в этом уже убедилась, – вон как выгнали бесов одним своим светом.) – то, – продолжила она мысль, – они и сами прекрасно могут без нее куда угодно попасть, не то, что в Китеж, хоть на Луну. Да, надо обязательно обсудить этот вопрос при первом же удобном случае», – решила она.

То, что сейчас случай не подходящий, было ясно хотя бы потому, что она была вся мокрая и грязная. Надо забирать клад и выбираться отсюда, пока бесы снова не появились. Или дворники, что тоже не лучший вариант.

Клад достали без приключений. Как положено, кирпичик вынулся, щель образовалась, ниша за щелью нашлась. А в нише лежали упакованные в сверток какие-то вещи. Леля не стала смотреть, все равно темно. Сунула все в сумку и пошла за Мокием таким же длинным и замысловатым путем. Правда, вышла она почему-то не в старый двор из подвала, а на Владимирский проспект из парадной, совсем как приличная дама. Немного мокрая, но непобежденная трудностями. Так, во всяком случае, ей казалось.

Глава 5

Добравшись до теткиной квартиры, Леля сразу вспомнила, что она человек, а не герой приключенческого романа, потому что ей хотелось пить, есть и мыться. Спасибо милой и родной тете Инночке: она не страдала экономией электричества и не выгребала весь холодильник, оставляя его выключенным. Тетя любила поесть, и ей не нравилось, вернувшись с дачи, оказаться перед пустым источником пищи современного человечества.

Леля отпраздновала банкет в одиночестве, ангелы, как выяснилось, не ели даже за компанию. Помывшись, согревшись, свернувшись на диване и ощутив, наконец, себя счастливой, она решила, что пора выслушать хоть какую-то историю на выбор: или про город Китеж, или про прабабушку.

О чем она и сообщила своим новым друзьям.

Мокий повздыхал и сказал, что он лучше поставит ловушки для Сайгона и Петуха, если они все-таки решатся за ними проследить. Надо подстраховаться, дабы они не залезли к ним в гости посреди ночи и не напугали бедную девочку. А историю расскажет Феодорит, его, как известно, Карл Иванович и послал как мастера рассказов. Вот и пусть он себя проявит, раз представилась такая возможность. И Леля, наконец, услышала удивительную историю из уст настоящего ангела.

История Феодорита о граде Китеж

История о чудесном городе сейчас воспринимается людьми как легенда. Вот и ты сомневаешься, Лелечка, что это правда. Но если бы ты сама решила прочитать летописи, в которых подробно описаны эти события, то сразу бы удивилась тому, что их авторы не сомневаются в этом ни на секундочку.

Это было очень естественно в те времена. Ведь все чудеса даются по вере, а вера русского человека тогда была крепче камня. Крещение Руси произошло совсем недавно. Люди верили в особое предназначение своей земли, они строили Святую Русь. Всюду возводили храмы и монастыри. Христианская вера наполняла сердца людей своей красотой.

Вера – это дар Божий человеку.

А уж если дар получен, то с каленым железом его не отберешь. Дар Божий настолько силен, что люди никогда от него не отказываются. Просто не все этот дар получают. Его попросить надо.

В 11–12 веке на Руси еще не было царей – были Великие князья.

Княжил тогда Великий князь Георгий Всеволодович.

В самом начале своего княжения он построил множество городов и церквей. Приехав на Волгу, князь выбрал красивейшее место для монастыря. Он решил его построить для хранения Феодоровской иконы Божьей Матери, привезен-

ной из самого Царьграда. Эта была почитаемая икона, от которой людям являлось много чудес. Они были очень нужны для укрепления духа русского народа перед испытаниями, которые вот-вот должны были начаться. Поэтому Великий князь Георгий Всеволодович решил, что просто храма будет недостаточно, надо построить монастырь и большой город, чтобы как можно больше людей могло прибегнуть к помощи Богородицы.

Ведь храмы и иконы нужны людям для общения с Богом, а не Богу. Это языческим богам нужны жертвы и восхваления, а христианскому Богу нужна только любовь. Значит, разумно рассуждали ваши деды, рядом с храмом должны жить люди. Языческие капища строили в стороне, а церковь ставили в центре города. Вновь построенный город называли Городец, он и сейчас красуется на Волге.

По вдохновению, его посетившему, князь решает посмотреть и на великолепное озеро Светлояр, которое было сокрыто от всех в лесах. Блестящая и неподвижная гладь озера, белоснежные березы, тишина и удивительная чистота этих мест покорили сердце властителя. Он велел построить на берегу сразу шесть церквей с великолепными куполами и особой красоты звонницами и вознести вокруг них город. Этот город и называли Китеж-град.

Все было замечательно: князь правил мудро, города развивались, но тут и было попущено Господом испытание для всего русского народа. Именно так, смиренно пишут в лето-

писях, начиная рассказ о походе монгольского хана Батыея на Русь.

Воины Золотой Орды не знали, что значит милосердие, не знали они и сострадания. Они убивали всех без разбора, сжигая и уничтожая все на своем пути.

Не было на Руси тогда единого войска, способного противостоять нашествию, не было опытного полководца.

Кроме храбрости, ничего не могли принести русичи на поле боя. Им еще только предстояло стать единым мощным государством, хранителем православия, а для этого надо было пройти через все трудности этого пути. Из младенца вырасти в достойного сына. Все победы были впереди, а пока только храбрая смерть на поле боя доставалась в награду.

Великий князь собрал свое войско и сражался до самой смерти. Вся его семья погибла, а ему самому отрубили в бою голову. Разорив Городец на Волге, хан прознал про чудесный город Китеж и решил его захватить.

Далее летописцы пишут о предателе Гришке Кутерьме, который показал монголам дорогу через непроходимые чащи. Но, между прочим, пишут без злобы, а с состраданием, потому что он долго держался, но не выдержал пыток. Им его жаль: ведь достойная смерть не менее важна, чем достойная жизнь.

И хан пошел на Китеж с намерением снести его с лица земли.

В потаенном среди лесов городе оборону строить не было

смысла. Обычно просто выставляли дозорных на тропях, ведущих к нему. Когда ханские воины подошли близко, то они встретили лишь дозор из трех человек, с которым был маленький мальчик. Отец велел ему бежать к городу и предупредить людей. Но татарская стрела впилась отроку в спину. Мальчишка все равно добежал, громко крикнул: «Тати!», и упал замертво. В том месте, где погибли трое дозорных теперь, как образ вечной жизни, бьют ключи, а на месте смерти ребенка до сих пор стоит крест. Это символы народной памяти, чтобы никто не забыл, что здесь произошло.

Дальнейшие события в летописи описываются по-разному, потому что правда перемешалась с народной выдумкой. Что вполне объяснимо. Ведь основными свидетелями происшедшего были монголы. Они и рассказали то, что каждому из них было дано увидеть.

Монгольские воины вышли к городу и в изумлении остановились: жители, вместо того, чтобы защищаться, молились. В воздухе стоял сильнейший колокольный перезвон, который начал стремительно усиливаться. Да так, что у монголов заложило уши и началась паника. И тут вокруг города забили ключи, все стало заполняться водой. И город на глазах у завоевателей исчез. Здесь и появляется разночтение. Кто-то пишет, что он ушел под землю, кто-то, что его затопило озеро, кто-то, что он растаял в воздухе. Но все одинаково говорят, что город исчез, растворившись, как сахар. Какое-то время было видно его отражение в воде, маковки

церквей, кресты на куполах. А потом – исчез, – закончил Феодорит. – Был – и нет.

– Но кто-то должен знать, куда он испарился? – не выдержала девушка.

– Истина, как и положено, очень проста. Только ее надо увидеть, – философски изрек ангел.

– А как твое внутреннее чувство, что шепчет? – вступил в разговор, возвратившийся Мокий.

– Оно шепчет, что я плохо училась в школе.

– Может, это Феодорит тебе нашептывает? Он любит сразу в ухе зафиксироваться и поучать.

Леля рассмеялась.

– Да уж, меня точно стоит поучить! Но все-таки какая удивительная история. И люди до сих пор помнят!

Она задумалась, представляя себе картины прошлого.

– Ладно, – очнулась она, – пойду, позвоню маме, чтобы не беспокоилась.

Спрыгнув с дивана, Леля поискала сумку с телефоном, и глаза ее засверкали – она вспомнила о кладе, лежащем там.

Пять минут она боролась с желанием вскрыть его сразу, но ответственность победила искательницу приключений. Леля нашла в себе силы вполне спокойно поговорить с мамой. Наконец, повесив трубку, Леля торжественно достала заветный сверток.

– А теперь давайте изучим наш клад, – с замиранием сердца проговорила она.

– Клад, кстати, не наш. Но все равно изучим, – без особого энтузиазма отозвался Феодорит.

– Ну, нет, кто нашел – тому и клад.

– Кто нашел, тому только процент и то, если на ничейной территории. А остальное – собственность государства. Ты не в ладу с законом, Лелечка, надо исправляться.

– Я буду над собой работать! – торжественно пообещала она.

Настроение у Лели было отличное. Открывать клад! Да это мечта любого человека. Все в детстве мечтали найти сокровища, читали о них и придумывали свои приключения. А тут реальность превосходила мечты. Клад, да еще два ангела в придачу, сидят рядом и светятся.

Наконец Леля медленно развернула старый сверток.

Глава 6

Содержимого было немного. Был старинный кошель с небольшим количеством монет, которые Леле показались на вид не особо ценными. Так, обычные монеты. У Лели был знакомый нумизмат, и она как-то смотрела его коллекцию. Одна монета ей показалась чудо какой красивой, так нет, оказалась – обычная, и стоит 500 руб. за 2 шт.

Было в кладе несколько царских ассигнаций или каких-то похожих бумаг. Изучать их она не стала, потому что ее внимание уже было полностью захвачено очень симпатичными сережками в красивой коробочке с вензелями.

Было там замечательное мужское кольцо с камнем, похожим на топаз или хрусталь в толстой серебряной оправе. Оно так и просилось на могучий купеческий палец. Внутри была надпись с какими-то инициалами, видно, памятная вещь.

Была еще печать очень старинного вида. Настолько старинного, что все рядом с ней выглядело новым. Она висела на массивной золотой цепочке и имела очень таинственный вид.

В общем, Лельке сразу стало ясно, если хоть что-то из этого клада имеет отношение к 11 веку, так это только эта печать. Ассигнации при ближайшем рассмотрении были конца 19 века, а сережки и кольцо, судя по изящности исполнения, были сделаны тоже не так давно.

Подняв печать повыше, чтобы рассмотреть ее со всех сторон в висячем положении, Леля предложила ангелам высказать свое мнение.

– Не знаю – честно ответил Мокий – никакой идеи нет. Она, очевидно, не русская.

– Зато я знаю, – Феодорит, как обычно, чуть грустно улыбнулся, – это византийская вислая печать. В свое время вполне распространенная вещь. Ее носили на поясе богатые византийцы и использовали по назначению, то есть ставили печати.

– А как она могла попасть в купеческий клад 19 века? Зачем ее туда положили, чем она может быть так ценна?

– Ценности особой в ней немного, таких печатей полно в Эрмитаже, – ответил Феодорит. – Может, ценность во владельце? По печати иногда можно определить, кто был владельцем. Тогда, думаю надо идти в Эрмитаж к специалисту по печатям. Кроме того, у нас есть важное дело в Публичной библиотеке.

– А что с твоим внутренним советчиком, Лелечка? Что ты-то сама думаешь? – Мокий оживился. Его стремительная натура требовала передвижения, и он был уже готов идти в Эрмитаж или куда угодно.

– Вопросов многовато. Все-таки научиться пользоваться прабабушкиными способностями довольно сложно. Слушать свой внутренний голос как-то глупо. Иногда его просто нет, а иногда он выдает весьма неуместные советы.

– Например?

– Например – не сразу идти в Эрмитаж. А звонить бывшему однокласснику и приятелю моего старшего брата – Сереге Виноградову. Он иногда занимается старинными монетами. Хотя, очевидно, монеты не так интересны, как печать. Но почему-то эта мысль не идет у меня из головы.

Слова Феодорита про Публичную библиотеку Леля пропустила мимо ушей.

– Ты же должна будешь ему объяснить, где взяла эти монеты, – заметил Феодорит.

– Придумаю что-нибудь, – беспечно ответила Леля, – а может, он и не спросит. Ведь много всяких монет сохранилось. Даже у меня дома целая куча старых бумажных денег и какая-то мелочь времен Петра Первого. Особой ценности старые деньги не представляют. Это ведь не марки, вот они очень ценные бывают.

В ответ на это ангелы переглянулись, но ничего не сказали.

А девушка ничего не заметила. Она уже увлеченно переписывала на бумажку надписи с каждой монетки. Ведь нумизмату не обязательно смотреть на саму монету, достаточно взглянуть на ее данные.

– Вдруг там есть монета из города Китеж, – фантазировала Леля, – ведь были же деньги с гербами городов.

Но монет было мало и с надписью «Китеж» вообще ни одной.

– Но ведь не зря же мне эта мысль пришла в голову? Конечно, не зря, – уговаривала она саму себя. – Я увидела монеты и подумала о Сережке. И ничего здесь интуитивного нет. Просто он единственный мой знакомый, который хоть как-нибудь разбирается в нумизматике и даже закончил исторический факультет.

Может, не надо ему звонить, – тут же засомневалась она, – может, Феодорит прав, и я сделаю глупость. Но, с другой стороны, что-то все-таки делать надо. Известно, что под лежащий камень вода не течет. Мудрость хоть и не новая, но шевелиться заставляет.

Она подняла голову и встретила успокаивающий взгляд Феодорита.

– Напиши ему только про три монетки, все не надо рассказывать, меньше вопросов будет, – посоветовал он.

– Да, – вдруг поддержал его Мокий, – все-таки клад нелегальный, а ты юридически безграмотная. Слушай, а ты вообще кто по специальности? – заодно поинтересовался он.

А Леля первый год работала инженером-программистом. Она только что закончила обычный технический вуз. Уникальными талантами не обладала, торговать не умела, и поэтому пошла туда, куда ринулось большинство ее сверстников, а именно в компьютерные разработки. Ничего сложного она не делала и со своей работой легко справлялась. Коллектив был дружный. И хотя все целый день сидели в наушниках и смотрели в монитор, при малейшей возможности все

вместе болтали и хохотали за чашкой чая.

Девушка подумала, что, наверное, она с большим удовольствием работала бы в более интересном месте. Например, на телевидении или в кино, но там вакансий программистов не было, а больше она ничего не умела.

– Я специалист по информационным технологиям, – важно ответила Леля.

– Ух, ты! – восхитился Мокий, – красиво звучит. Феодорит, а ты в курсе что это такое?

– В курсе, – коротко ответил Феодорит и невозмутимо вернулся к прежнему разговору. – Ну, так что, Лелечка, ты решила, что мы будем делать?

– Да, я звоню Виноградову, и мы пойдем в Эрмитаж. Думаю, сегодня мы успеем до закрытия.

– Ну что ж, – согласился Феодорит. – Звони.

Разговор с Сережей занял минут пятнадцать. Пока они обсудили всех знакомых, встреченных и не встреченных за последнее время, перейти к делу они не смогли. На Лелькину просьбу Сережа откликнулся с удовольствием, данные переписал и сказал, что посмотрит по каталогам завтра в клубе. Но ему кажется, что там есть одна очень интересная монетка, но все – завтра. Распрощавшись, Леля радостно повернулась к друзьям и никого не увидела.

Духов в комнате не было.

– Куда же они делись, – подумала она и почему-то насто-рожилась. В квартире было как-то странно тихо. Она, как

и все девочки, сразу пугалась тишины, поэтому тихонько и жалобно позвала:

– Феодорит, Мокий! Вы где?

– И чего я шепчу, – мелькнула мысль, но громче крикнуть не решилась. Раз испарились, значит надо. Она неуверенно пошла по коридору этой невообразимой квартиры.

Посреди коридора стоял огромный металлический герб, снятый с Кировского театра. Его выкинули на помойку, а дядя Саша его подобрал и под восторги супруги установил в коридоре. Там, как будто специально для него, была сделана весьма странная ниша. Наверное, когда-то в ней висело зеркало, но теперь торжественно красовался герб СССР размером со шкаф.

А рядом с гербом стояла сама тетя Инна с выпученными от ужаса глазами.

– Милиция, – тихо шептала она, – грабят! Было очевидно, что от страха у нее пропал голос.

– Тетя Инночка, не волнуйся, это я – Леля, – ласково проговорила племянница.

Тетя Инна замерла на мгновение, потом облегченно вздохнула и шутя погрозила ей кулаком:

– Напугала до смерти! Сама с собой, что ли, разговариваешь? Уйди с глаз долой, кошмарное создание!

Племянница нежно обняла тетушку, и мир был восстановлен. Леле приятно было вернуться в обычную жизнь: пойти пить чай на кухне и обсуждать нормальные вещи, вро-

де погоды или здоровья. Ей даже показалось, что ничего не было. Ни встречи с духами, ничего.

И когда она уже совсем расслабилась, окруженная заботой своей тетушки, которая даже не спросила ее о цели визита, на кухне показалась голова Мокия и рука, постукивающая по запястью, в смысле – давай, времени мало. Все вернулось на место, вспомнился культпоход в Эрмитаж.

– Тетя Инна, у вас вроде знакомая работала в Эрмитаже, или я путаю?

– Да нет не путаешь. Мадлен там работает. Ее, конечно, давно надо бы отправить на пенсию, но от таких ценных кадров не избавиться, им просто нет замены. Да ты ее помнишь, она была у меня на дне рождения неоднократно. Черненькая такая, в очках и с курносим носом.

– В таком строгом платье с кружевами?

– Да, да, милая такая дама, большая умница, муж был генералом, а сын уехал в Америку, и теперь она всегда на работе, бедняжка.

У тети Инны все были бедняжки или бедолажки, включая ее саму.

– Тетя Инна, мне надо попасть в византийский отдел Эрмитажа, проконсультироваться по одному важному вопросу.

– По какому? Шучу, мне неинтересно. И вообще, я приехала только за очками. Представляешь, забыла их в городе – полная трагедия. А как твоя мама? Не хочет ли ко мне в гости – бедолажка, замучилась с вами, небось.

– Ой, здорово, тетя Инна, пригласи их с Машкой в гости на майские, а то и на подольше. У меня столько дел накопилось... Потом первый класс заканчивает учиться уже 15 мая. Погода хорошая, чего в городе сидеть? Да и, вообще, не буду за них волноваться.

– Ну-у, затараторила. А они поедут?

– Смотря как пригласишь. Ну, тетя Инночка, мне очень надо.

– Надо, так надо.

Огромное счастье, что тетя Инна была весьма нелюбопытной особой. Ей вполне хватало своих забот и интересов, чтобы не жить чужой жизнью. Она с легкостью, без всяких вопросов согласилась помочь и с Эрмитажем, и с дачей, тем более, что искренне обрадовалась возможности за кем-то поухаживать. Это она любила, и именно за это и получила всю эту огромную квартиру в собственность.

– Ладно, ладно, пойду, позвоню твоей матери, заберу их сегодня, не возражаешь?

– Буду счастлива! Правда, мама говорила, что по прогнозу может быть снег.

– Не переживай. Перебоев с электричеством больше нет и с дровами тоже, не замерзнем. Тем более, что все соседи уже приехали, будет не скучно.

Тетя Инна искренне не представляла, как можно жить на даче без соседей и возможность жить в особняке за высоким забором казалась ей ужасной. А тут вышел на крылечко –

справа Марья Ивановна, слева – Анна Петровна, есть с кем поговорить и все обсудить. А теперь как живут? Построят огромный забор и даже не знают, кто сосед. Удивительно. И хотя у Лельки было абсолютно другое мнение, она не спорила, у каждого поколения свои привычки, ничего не поделаешь.

Глава 7

Леля втайне ликовала: «Тетя Инночка, тебя прислал Бог мне в помощь, это точно. Можно теперь спокойно заняться своими делами. Возьму на работе отпуск за свой счет, сейчас работы мало, и ребята не обидятся».

Она прислушалась, как тетя Инна беседует с мамой, и поняла, что они уже договорились о главном и обсуждают детали. Дождавшись окончания беседы, Леля получила заветный телефон Мадлен, которая на самом деле оказалась Мариной Николаевной. Попросив тетю Инну ей позвонить, она пошла собираться. В коридоре из стены материализовался Мокий и глазами показал, что они ждут ее на лестнице.

Подождав минут десять, Леля поняла, что разговор с Мадлен затягивается и уходит в бесконечность. Поэтому она тоже глазами получила подтверждение того, что Мадлен на работе и ее ждет. Леля схватила сумку и понеслась вниз по лестнице, с воплем: «Спасибо, до вечера!».

Печать лежала в сумке, остальные части клада спрятаны за гербом, (тетя Инна точно туда не полезет), Марина Николаевна ждет, мама с Маруськой пристроены, по крайней мере, на две недели. Пока все удавалось.

– Жизнь прекрасна? Да! – поговорила она сама с собой и, очень довольная, перемигнулась с духами. – Вперед!

– Тормози на поворотах, – шепнул Мокий, – куда летишь?

– Как куда, – удивилась она, – в Эрмитаж, конечно. А что, есть другая идея?

– Да, у Феодорита есть одна мысль.

В это время у Лели зазвонил телефон.

– Надо же, – подумала она, – целый день молчал.

– Леля! Очуметь! Ты где взяла эти монеты? – послышался в трубке знакомый голос, – Я посмотрел в каталоге и чуть не упал. Это ведь очень редкие экземпляры, все три очень ценные, а одна просто шедевр.

– А что в ней такого?

– Сам толком не знаю, но я позвонил своему знакомому антиквару, который занимается монетами, так он предложил мне сразу приехать. Короче, он ждет нас сегодня. Обещал все рассказать про них. Если тебе интересно, то можно рвануть прямо сейчас.

– Я тебе перезвоню через секундочку, – торопливо проговорила Леля, потому что услышала крик откуда-то сверху.

– Леля! Стой, ты все не так поняла, – кричала из форточки тетя Инна, потом сообразив, что вид снизу на стоявшую на подоконнике солидную даму не очень приличный, слезла с окна и со звоном его приоткрыла.

– Мадлен не может сегодня тебя принять, – продолжила она, – у них выставка завтра открывается, и сейчас там обычный дурдом творческих работников. Просила тебя ей перезвонить вечером, она будет ждать. Поняла?

– Да! Спасибо, я тогда только вернусь на секундочку, кое-

что забыла, – в ответ проорала Леля и оглянулась, увидев, что тетя Инна сигналил ей говорить потише.

Леля имела семейную привычку кричать очень громко. Ее бабушка был глуховат к старости и всегда переспрашивал. Вот она и научилась орать так, что «мертвые услышат», так обычно выражалась ее мама. Говорила-то она нормально, кричала очень громко. И сейчас все прохожие оглянулись в замешательстве, что такое могло случиться. Леля сразу всем виновато улыбнулась и побежала обратно.

Тетя Инна, оказывается, все еще говорила по телефону, поэтому она не обратила внимания на Лелькины поиски за гербом в коридоре. А она тем временем положила печать и взяла все три монетки, но тут голос Феодорит остановил ее: «Не надо, возьми только одну, ты ведь не знаешь куда пойдешь».

Леля молча согласилась, кивнув головой, взяла одну, по-красивей и, послав воздушный поцелуй тетке, побежала вниз по лестнице.

– Ну, – спросила она друзей, – какая у вас мысль возникла, а то телефон нас перебил?

– Наверное, уже неважно. Как я понимаю, мы идем к твоему другу Сереже, – проговорил Феодорит.

– Да, надо идти с ним к антиквару, мы там сможем что-нибудь узнать, – подтвердила она.

– Я бы не советовал тебе это делать, но раз ты считаешь, что это правильное решение, тебе виднее. Не всегда безопас-

ный путь самый правильный. – Феодорит был серьезен.

– А что там может быть опасного, я Сережку знаю много лет. Он меня в обиду не даст. Он, помимо нумизматики, занимается спелеологией. А это очень опасное увлечение. Надо быть не только физически, но и психологически очень крепким человеком. Ах! Вот кто сможет оценить клад по достоинству! Ведь они под землей путешествуют, исследуют новые проходы и все время что-нибудь находят. Он вообще-то больше интересуется не природными пещерами, а рукотворными. Теми, которые люди сами выкопали. Знаете, как их много? Целый подземный мир катакомб создан человеком для своих нужд. Длинные ходы, подвалы для сокровищ и даже целые города с запутанными переходами. Так здорово! – Лелькины глаза горели. Было видно, что идея ползать по катакомбам ее очень вдохновляет.

– Так в чем же дело? Почему ты не работаешь в метро? – улыбнувшись, спросил Мокий, – вот уж рукотворные катакомбы, лучше не придумаешь, а главное, не такие опасные.

– Ну, ладно издеваться, я серьезно, – Леля вздохнула. – На самом деле я боюсь тишины и темноты, поэтому для меня только теория замечательно выглядит, а на практике я слабая и неспортивная.

– Не грусти, – весело поддержал ее Мокий, – на твою долю приключений хватит с лихвой, поверь моей интуиции. А где живет твой героический нумизмат? Может, ему перезвонить, раз уж ты идешь в гости?

– Ой! Я забыла, вот ворона, – Леля схватила телефон.

– Сережа? Это я. Я уже иду в твою сторону и буду минут через двадцать. Да, взяла. Будет, что показать. Да, хорошо, зайду. Ну, жди.

Она отключила телефон и сунула его в сумку.

– Надо зайти за хлебом, а то у него закончился, а ему сегодня лень лишний раз с шестого этажа бегать.

– А ты говорила, что спортсмен, – заметил Мокий.

– Ты не видел эту лестницу, – покачала головой она, – когда увидишь, сразу поймешь. Чтобы жить в такой квартире, надо быть мастером спорта.

Купить хлеб в центре города оказалось не так просто. Продуктовых магазинов нигде не было видно. Везде приглашали бесчисленные салоны красоты и кафетерии, где вместо обычного хлеба предлагали кондитерские изделия. Вдоль узких улиц сияли окнами медицинские центры с обещаниями вылечить всех со скидкой в десять процентов. В роскошных витринах магазинов стояли пластмассовые дамы в белье или платьях, тоже чаще всего со скидкой. Город-музей выглядел, как большой торговый центр, но никакой обычной еды, вроде молока или хлеба почему-то не продавалось. Отчаявшись, Леля снова набрала Сережин номер, но он не ответил. Странно, подумала она, не мог же он уйти, ведь мы договорились. Наверное, просто бросил трубку где-нибудь на кухне и не слышит. Она набрала городской номер, но он тоже не

отвечал. Внутри зажглась тревожная лампочка.

– Почему он не отвечает? – Леля забеспокоилась, но, вспомнив недавнюю встречу с тетушкой в коридоре, улыбнулась. Главное, не нервничать раньше времени, объяснение есть и очень простое. Не мог же он заснуть? Просто не слышит.

– Лелечка, я нашел тебе магазин с хлебом, – радостно оповестил ее Мокий, – правда, на магазин не очень похоже, больше на ларек, встроенный в парадную дверь, но хлеб есть, это точно.

– Ура, – ответила Леля, – у нас есть хлеб, можно идти в гости.

Покупка хлеба прошла успешно. Гороховая улица пройдена почти до конца, вот и вход в Сережкин двор. Точнее, это был вход в галерею дворов, один из которых вел в нужном направлении. Место было в своем роде замечательное. Кто не знает, что значит двор-колодец, должен побывать в Петербурге, пока не поздно.

Колодец – это небольшой квадратный дворик, с входом из-под низкой арки и окнами, выходящими друг на друга. Но встречаются и дворы-колодцы, в которые выходят только окна, а входа нет. Поэтому мусор, который в них валяется, вполне может быть двухсотлетней давности, ведь убрать его оттуда просто невозможно. Именно здесь живут любители Петербурга Достоевского, к которым и относил себя исто-

рик, спелеолог и нумизмат Сережа. А еще здесь живут поневоле и мечтают уехать хоть куда-нибудь на свет Божий. Потому что в колодцах мрачно, грязно и темно. Во многих домах до сих пор нет горячей воды и ванной. Бани тоже нет. Потому что районная баня понадобилась для каких-то серьезных нужд города и приватизирована под банк.

Жизнь в трущобах культурной столицы не проста и требует особых качеств от граждан. А именно: психологической и физической выносливости спелеолога. Лестница, которая вела в Серезину квартиру, являлась частью испытательного полигона. Она была почти отвесной, а часть ступенек на поворотах – неудобно узкими и стертymi. Поэтому подъем был серьезным барьером для непривычного человека. Но, под поддерживающие шутки Мокия, Леля взобралась туда довольно бодро. Она нажала на звонок, под которым была подпись из четырех фамилий с указанием, кому сколько раз звонить.

Правда, Леля знала, что Сережа давно живет один, все остальные соседи уже разбежались. И так как комнаты было не продать, он наслаждался своим Петербургом Раскольников в гордом одиночестве.

Глава 8

Но на этот раз Сережа оказался не одинок. Дверь открыл какой-то мужчина средних лет с очень вежливым лицом.

– Прошу вас, проходите, мы давно вас ждем, – проговорил он, внимательно оглядывая Лельку. Потом быстро окинул взглядом лестницу, словно убеждаясь, что она пришла одна. И сделал приглашающий жест внутрь квартиры.

Тревожная лампочка загорелась с новой силой.

– Простите, а где Сережа?

– Он здесь. Ждет вас, не дождется, – раздался высокий мужской голос из комнаты. – Что-то вы задержались, милая.

– Я не могла найти булочную, – машинально отозвалась девушка, чувствуя, что что-то не так.

– Извинительно в наше время.

Встревоженная, она зашла в комнату и ахнула. Виноградов сидел, привязанный к стулу, с кляпом во рту. Он напоминал пойманного тигра, который только и ждет неловкого движения своих мучителей. Гнев переполнял его изнутри, он буквально излучал его, как батарея. А рядом с ним спокойно стоял мужчина в красивом сером костюме. Рот его был растянут в улыбке. Но казалось, что он не улыбается, а непонятно зачем демонстрирует свои зубы. Из-за этого он слегка смахивал на добермана. Но, что совсем невероятно, этот человек держал в руках пистолет.

Исключительно оттого, что рядом она видела своих ангелов, Леля не особо испугалась. Всегда приятно знать, что ты не одна. Но тут, в довершение картины, она услышала змеиное шипение, и за спиной Виноградова увидела беса по кличке Сайгон, который делал приветственные жесты. Он, очевидно, торжествовал и наслаждался ситуацией.

– Ну, сейчас мы все узнаем, – просипел он. – Как поживаете, мадам?

Сообразив, что отвечать ему нельзя, Леля сделала вид, что его не видит. Феодорит легко выплыл вперед, и в тот же миг все злые духи исчезли.

В ее ухе прозвучало: «Договаривайся, не спорь и лишнего не болтай. Мы рядом».

Слегка кивнув, Леля глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Что вы хотите и за что связали Сережу? – вежливо спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Сердце колотилось, как бешеное. Почему-то вспомнился мамин совет: собаке нельзя показывать, что ты ее боишься, иначе она набросится и укусит. Ситуация казалась ей аналогичной. Только вместо дворовых собак были люди. Но такие же опасные и непредсказуемые.

– Мы хотим получить монеты, которые ты принесла. А также хотим знать, где ты их взяла.

– Я принесла только одну монету. Другие брать с собой не стала. Но, очевидно, что теперь я смогу их отдать только вза-

мен на полную безопасность меня и Сергея. У меня, правда, могут возникнуть еще условия, – твердо сказала Леля.

– Почему ты решила, что мы будем с тобой договариваться? – искренне удивился Доберман.

– Может, мы просто пристрелим твоего приятеля. И ты сама нам все отдашь. Я не люблю растягивать проблемы, давай закроем тему по-быстрому, – добавил его дружок.

– Вряд ли сможете. Здесь все друг друга знают, а ваша машина в этом двореике выглядит весьма импозантно. Вам придется перестрелять всех здешних обитателей, потому что они уже знают ее номер наизусть, да и вас запомнили, не сомневайтесь. А испугать их нельзя, им терять нечего. А вот гадость вам доставить – за удовольствие почтут.

– Да, сглупили. Надо было оставить машину на улице. Ну что ж, давай монету сюда, не заставляй применять силу.

Лельке было совсем не жалко этой монеты, было жалко только Сережкино самолюбие. Оно сильно пострадало, и все из-за нее. Казалось, что от него сейчас пар пойдет, так он был оскорблен всем, что происходило.

Леля достала монету, повертела ее в руках и бросила дядьке в костюме.

– Вы обещали рассказать, что это за монета, мы ведь ничего про нее не знаем. Вы, насколько я поняла, и есть знакомый антиквар. Хотя такое знакомство обычно называют сомнительным.

– Историческую справку тебе даст твой приятель. А я дол-

жен отвезти монетку на экспертизу. Может, это умелая подделка. Могу сказать только, что тебе она ни к чему, это вещь для специалиста. Хотя, – он опять гадко обнажил зубы, – стоит примерно триста тысяч евро, – и обернулся к своему подельнику:

– Ремонт, свяжи ее, пусть посидят тут, поболтают с кляпами во рту. Мы вернемся часика через два максимум. Не скучайте, голуби. За это время, надеюсь, ты вспомнишь подробности. Ибо, если монета окажется подлинной, придется дать ответы на многие вопросы.

«Ну и кличка!», – думала Леля, пока Ремонт связывал ей руки и ноги, усадив напротив товарища детства и засунув в рот какую-то немислимую тряпку. Было больно и обидно, но плакать даже не хотелось. Гнев более сильное чувство, чем жалость к самому себе.

Хлопнула дверь, ребята остались одни и в Лелином ухе прозвучало:

– Надо отсюда выбираться. Я не могу развязать узел, я могу только подать тебе руку, причем только тебе, не забывай об этом. Сейчас Мокий попробует внушить мысль соседу, чтобы он очень захотел заглянуть в окошко. Хорошо, что здесь до соседнего окна метра три, не больше. Просигналь другу, чтобы он до него допрыгал. Сосед уже виднеется.

Девушка замотала головой в сторону окна и выразительно замычала. Сережа понял ее идею и, напрягая всю мускулатуру, начал передвижение в нужном направлении.

– Здоровый, лось, – восхитилась Леля, наблюдая за его гармоничными движениями.

Процесс занял от силы пять минут, и вот уже она разглядела обалдевшее лицо соседа, который, вытянув по-гусиному шею, изумленно пытался понять, что же происходит в квартире напротив. Надо отдать ему должное: он сообразил, что у него просят о помощи, довольно быстро.

Исчезнув из окна, он уже был у них в комнате буквально через минуту.

– Ну, Сережа, круто! – восхитился он. – Просто как в кино! Кто это вас так?

Сосед выглядел, как настоящий питерский алкоголик. Очевидно, что пропито было почти все, но некоторая изысканность в манерах и одежде, выделяла его среди собратьев. Он был даже неплохо образован, потому что, развязывая им руки, почему-то с завыванием, читал стихи Марины Цветаевой:

*Ах, сколько их исчезло в этой бездне, зияющей вдали
Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли...*

– Ну, ты, Аркадьевич, перегнул: нас только связали. Убивать обещали только в крайнем случае, – Сережка был очень рад свободе и разминал руки и ноги.

– Кошмар, вот влетели в историю! Извини меня, Лелишна, я даже представить себе не мог, что он связан с антикварной мафией. На вид вполне приличный дядька. Ну, мы консультировались с ним, когда находили что-нибудь любопыт-

ное. И всегда все было без ужасов. А тут, вот урод! «Я проезжал мимо, решил сам заскочить», – тощим голосом передразнил Сережка, – и я как дурак поверил. Надо было догадаться, что он по моей лестнице не стал бы карабкаться без особой необходимости.

Весь этот скорбный монолог Леля слушала с кляпом во рту. Наконец, руки-ноги были свободны, и она с трудом вытащила противную тряпку. Шмыгнув носом, страдальца побежала полоскать рот и мыть лицо, чтобы никто не заметил предательски выступивших слез.

Сосед же Аркадьевич был в восхищении, он вертел головкой и как будто ждал продолжения фильма.

– Все, дружище, сеанс окончен, – пошутил Сережа, – спасибо огромное! Выручил, за мной не пропадет. А сейчас мы будем отсюда эвакуироваться по-быстрому. Рекомендую тебе тоже пойти погулять до вечера. Эти ребята вернутся, начнут искать виноватых, и главное, чтобы им не оказался ты. И закрой капитально проход между нашими квартирами, чтобы они его не нашли. Со своей стороны, холодильник поставь, что ли. Пусть думают, что мы ушли по лестнице.

– А мы как пойдем? – спросила Леля.

– Мы пойдем по крышам, – спокойно объяснил спелеолог на глазах бледнеющей приятельнице.

Не обращая внимания на ее ужас, он стал быстро кидать в рюкзак какие-то вещи. Походная сноровка была заметна по быстрым и четким движениям рук, отсутствию суетливости

и трезвости мышления.

Он вытолкал в какой-то раздолбанный стенной шкаф в коридоре своего спасителя и велел ему быстро дуть на прогулку. После чего завалил шкаф вещами. Леля видела, как он сунул соседу в руки пакет с едой, собранный за какие-то секунды, и несколько сотен. При этом он все делал так быстро, как будто отход у него был отрететирован заранее. Она беспомощно оглядывалась, в надежде увидеть своих друзей, но они не показывались. Она не успела даже заметить, как Сережка, уже в полной боевой готовности, открыл в потолке потайной люк. Ловко подтянувшись наверх, он протянул ей руку: – Хватайся, живо!

Понимая, что выбора у нее нет, она послушно подняла руку и удивилась, что ей хватило роста. В этой части кухни потолок почему-то опускался ниже двух метров.

– Весьма странное местечко, – подумала она, вылезая на чердак. А дальше они задвинули крышку люка, забросали сверху каким-то хламом и побежали... Они бежали очень быстро, так, во всяком случае, казалось Лельке. Было пыльно и грязно. Но Сережа крепко держал ее за руку и буквально волочил за собой.

И все было ничего до того момента, пока им не пришлось вылезти на крышу.

Тут ее сознание, к сожалению, включилось.

– Не полезу по крыше ни за что! Мы и так уже далеко ушли, давай спустимся вниз и пойдем по улице, – взмолилась

она.

– Это невозможно, здесь все подвалы превращены в торговые точки или склады. А по улице далеко не уйдешь, они ведь рванут на машине нас искать. Найдут человека, который знает здесь все проходные дворы. Нас вычислят моментом. Ты не представляешь реальную мощь этой организации. Ведь это целая мафия со связями и большими деньгами. Я даже не знаю, куда тебя можно спрятать. Одно хорошо – им понадобится время, чтобы выяснить, кто ты такая. Так что не спорь, на пререкания нет времени. Поверь, Лелишна, драпать надо, драпать.

И начался тихий кошмар. Крыши были большими и вполне плоскими, но это не упрощало задачу. Некоторые части кровли выглядели совершенно прогнившими. Под ногами возникало ощущение полной ненадежности. Местами листы железа торчали в разные стороны, оставляя дыры. Ржавая и скользкая, крыша цеплялась за брюки и подставляла подножки.

Только на секунду Сережа отпустил ее руку, чтобы разгрести путь, заваленный ящиками, – и откуда только взялись? – как Леля отчего-то поскользнулась и поехала вниз по скату. Скат был очень маленький, всего-навсего небольшой наклончик, но Лельку почему-то несло по нему, и она никак не могла остановиться. Очень хотелось закричать, но страх не позволял ей сделать даже этого.

Сережка рванул за ней:

– Фиксируйся, найди точку опоры! – кричал он, – Цепляйся руками, давай соображай, быстро!

На ходу он ловко скинул свой рюкзак, достал веревку, накиннул ее на торчащий кусок антенны и, проверив надежность фиксации, быстро побежал за ней.

И тут Леля почувствовала, что ее кто-то крепко держит за руку и направляет в сторону, где крыша приподнимается вверх.

– Не бойся – услышала она тихий голос Мокия, – я с тобой. Леля почувствовала, как в ее руку вложили какую-то торчащую из крыши железяку. – Держись за нее крепко. Твой спортсмен уже рядом.

Страх отпустил ее, и она уверенно укрепилась на крыше и даже стала давать советы, как удобнее ее спасать.

– Ты молодец! – Сережа улыбался во весь рот, – в такой ситуации главное не паниковать, а искать точку опоры, иногда даже ниже по склону, направляя туда свое движение. Ехать, как мешок, опаснее всего. А ты, умничка, как здорово спланировала на этот уступ. Даже я его не сразу заметил. Сашка бы тобой гордился.

От мысли, что он чуть было не угробил сестру друга, Сереже стало нехорошо.

– Слава Богу! Все закончилось благополучно. Пожалуйста, не отпускай мою руку. На сегодня у меня уже нервы кончились.

Кошмар бега по крышам продолжился, но Леля уже не

волновалась. У нее тоже «кончились нервы», и она почувствовала себя спокойно и уверенно. Все, что могло, уже случилось. Бабушкины способности определенно работали.

Наконец они стали спускаться вниз. Здесь чердаки выглядели очень прилично, а лестница, по которой они, наконец, спустились, была отремонтированной и почти роскошной.

– Мы идем к моей тетке, она, даже если дома, свой человек и ничего не спросит, – твердо сказала Леля.

– У меня есть тоже неплохой вариант, – заупрямился Сережа.

– Нет, для этого есть еще пара причин, и одна из них – там спрятан мой клад.

– Клад?! Ты ничего не сказала про клад, – остановился он в изумлении.

– Потом расскажу, только обещаю, что будешь мне верить и не станешь звонить в психиатрическую помощь.

– После такой просьбы желание сразу возникает, – засмеялся он, – но как старший друг я попробую, даже если ты будешь кидаться с ножом.

– Я сама во все до конца не верю, – вздохнула девушка.

Идти было недалеко, и вскоре она показала на тетушкин дом:

– Нам сюда...

Они молча зашли в парадную и поднялись по лестнице.

– Надеюсь, нас никто не видел, – выдохнул Виноградов.

Глава 9

По дивному запаху с кухни Леля поняла, что тетушка Инна еще дома. Как обычно, не удивившись, она обрадовалась Сереже, как родному. Сразу вспомнила, как он с Сашей ездил к ней на дачу копать огород. Умилилась и стала хлопотать, приговаривая:

– Проголодались, небось, бедняжки. А тетя уже приготовила вкусный пирог с картошкой. Собиралась его взять с собой на дачу, но оставляю вам. Приеду, еще сделаю, мы ведь решили сегодня поехать. Ты не возражаешь, Лелечка? Твоя мама сказал, что согласна, им скучно сидеть дома одним, и просила, чтобы ты позвонила. Кстати, звони, пока я накрываю. Дядя Саша уже за ними поехал, так что давай быстрее. И если они еще не ушли, попроси привезти тебе чистые брюки, а то эти – суший позор. Садитесь, Сереженька, не стесняйтесь. Я налью вам чаю, мы будем его пить и беседовать. Расскажите мне, чем вы сейчас занимаетесь? Берите пирожок, он еще горячий, последнее время я добавляю в картошку молоко, и он стал еще вкуснее. – Речь тети Инны лилась без остановки, и Сережа, не успевая вставить слово, послушно кушал пирожок и пил чай.

Леля побежала звонить маме, думая, что она на нее сердится. Но та очень деловито принялась выяснять, что надо взять с собой на дачу, а что привезти Лельке прямо сейчас

и отдала трубку Маруське.

– Лелик, я поеду на дачу к тете Инне, ты будешь скучать?

– Конечно, я уже скучаю.

– Ну и хорошо, – удовлетворенно ответило маленькое чудо. – Я буду тебе звонить, договорились?

Тут Леля вспомнила Добермана и поспешно заговорила:

– Нет, нет, я сама тебе буду звонить. А то у меня много работы. У меня трубка будет стоять без звука, могу не услышать. Вы с мамой начнете нервничать. Так что давай договоримся – звоню я.

Они еще поболтали о Машкиных делах в школе, о дне рождения, который скоро, и надо уже думать о подарке. О том, что подарит папа, когда придет, и о том, что надо срочно покупать собаку, иначе жить неинтересно.

Тут за ними приехал дядя Саша, и они пошли грузиться в машину.

На кухне все было отлично, тетя Инна ухаживала за Сережкой, а тот, отвыкший от внимания, млел от удовольствия.

Леля вышла в коридор и подошла к гербу. Рядом тут же появился Мокий и поинтересовался:

– Надеюсь, ты убедилась, что Феодорит всегда прав. Надо его слушать. Ты со своим внутренним чувством еще не умеешь договариваться. Сидели бы сейчас в библиотеке и читали книжки! И Сережа избежал бы стресса.

– Ну уж нет. Вместо такого приключения – какая-то библиотека! – Тут она удивилась, – А зачем мы собирались в

библиотеку? Про Китеж вы мне и так рассказали.

– Мы решили восполнить пробелы в твоём образовании. Шучу. Хотели показать тебе очень интересный текст, написанный твоей родней в древности. Феодорит считает, что это может быть важно.

– А так рассказать нельзя? Я хорошо запоминаю на слух, – удивилась она.

– Самой увидеть всегда полезнее, вдруг ты что-то почувствуешь важное, – рядом показался Феодорит. – Кстати, нам пора обсудить сложившуюся обстановку. Все несколько осложнилось.

– Я тоже обратил внимание, – заулыбался Мокий, – особенно интересно посмотреть, как ты будешь объясняться со своим другом – спелеологом.

– Я просто скажу ему правду, может, он мне сразу поверит.

– Будем надеяться – проговорил спокойно Феодорит, – в любом случае, он в опасности до тех пор, пока все это не закончится. Его бросать нельзя. Хочу тебе сказать еще одну неприятную новость. На крыше подножку тебе подставил Сайгон. Они с Петухом все время следили за нами. Им не влезть в эту квартиру, мы поставили защиту. Но на улице они нас подслушали. И вот результат.

– Ужас какой! До чего противно. Ладно, я отправлю всех на дачу и приду к вам на военный совет. Предлагаю его провести в гостинной. Действительно, пора во всем разобраться.

Леля, расстроенная из-за вмешательства бесов, пошла на кухню пить чай с тетей Инной. Там все было по-прежнему. Только пирога стало намного меньше. Сытый спелеолог был тих и счастлив. Тетя Инна обладала даром утешения. Леля тут же попала под ее гипноз и минут через двадцать выглядела так же. Она уже подремывала, когда раздался звонок в дверь, и приехала ее семья. Мама с Маруськой одетые по-спортивному, были очень довольны предстоящей поездкой. Лельке даже стало завидно, так ей захотелось сесть в машину и поехать на тетину дачу вместе со всеми.

Родные ее расцеловали, обещали хорошо себя вести, весело загрузились в автомобиль и укатили. Грустно улыбаясь, Леля стояла на крыльце, когда ее вдруг резко затащили внутрь.

– Ты чего тут застряла? Вообще нельзя было выходить, тебя могут увидеть. Вот Балда Ивановна, – в сердцах отругал ее Сережа.

– Прости, что-то задумалась, – Леля сама испугалась, побледнела и заперла крепко дверь. – Сегодня столько всего произошло, я уже плохо соображаю.

– На сытый желудок все плохо соображают, – утешил ее приятель, – я тоже спокойно тебя отпустил на улицу прощаться, надо было сразу тормозить. Слушай, а можно я где-нибудь прилягу? Твоя тетка меня усыпила.

– Ей в этом вопросе нет равных, – улыбнулась Леля, – Пойдем, постелю тебе в кабинете. Я и сама без сил.

По дороге в кабинет, к полному удивлению Сережи, она заглянула в гостиную и сказала кому-то:

– Простите меня, давайте перенесем разговор на завтра, что-то я очень хочу спать.

Сережа посмотрел на нее с сочувствием, но вспомнив просьбу про скорую помощь, решил удивиться завтра.

Глава 10

Назавтра он проснулся от яркого света, бывшего прямо в глаза. Между штор был всего один просвет и он, по закону подлости, пришелся именно на лицо. Сев на кровати, он взглянул на часы. Они показывали восемь утра. Прямо на часах сидел бронзовый ангелочек, который прижимал пальчик к губам. «Тише, не шуми, может, все еще спят», – кокетливо предупреждал он.

– Классные часы, – подумал Сережа. Он осмотрелся вокруг и пришел в восхищение. Ему здесь нравилось все.

Кабинет был квадратной формы, и диван, на котором он проспал эту ночь, занимал почти целую его сторону. У стены напротив расположился резной дубовый письменный стол. Ничего более грандиозного он давно не видел. Стол был очень старым, местами с него облез шпон, ножки кое-где заляпаны чернилами. Но от этого он не выглядел хуже, может, даже наоборот. В этом столе была какая-то своя, удивительная жизнь. Столешницу закрывало толстое стекло, под которое были засунуты всякие бумажки и фотографии. Сережа отметил, что это намного удобнее и аккуратнее, чем бумажки, приколотые кнопками по всей стене. Вместо них над столом висел красивый пейзаж в массивной золоченой раме. Убранство завершала старинная лампа в виде цветка.

– Как хорошо мне тут спалось, – подумал он. – Все-таки

быт дворян 19 века мне тоже очень нравится. Похоже, пора менять место жительства и начинать читать Толстого.

Улыбнувшись этой мысли, он, потягиваясь, подошел к окну, откинул штору и в изумлении уставился во двор. Все кругом было белым от снега. Еще вчера яркое солнце и весна, а сегодня в одночасье – зима. И это май месяц! А с неба издевательски сыпались белые хлопья, делая снежное покрытие все толще и надежнее.

Возмутившись природному беспределу, он решил пойти поискать ванную комнату. Взяв полотенце, брошенное Лелей на стул, Сергей выглянул в коридор. Там он увидел два одинаковых прохода – один направо, другой налево. Оба они резко поворачивали за угол, и непонятно было, какой выбрать.

– Как в пещере, чтобы не заблудиться, надо ставить метки, – усмехнулся он про себя и устремился в один из проходов. Как сразу оказалось – неправильно. За углом был тупик, в изысканной арке которого находился чулан. По всей видимости, раньше квартира была намного больше, но в результате советского уплотнения поделена на несколько частей. Для этого построили стенку, и изысканная арка досталась чулану и украшала вид на пылесос. Второй коридор привел-таки Сергея к ванной, но тоже не сразу. Вчерашний опыт посещения этого места начинался от кухни, а вот кухню он никак и не мог обнаружить. Открывать все двери подряд он стеснялся: вдруг Лелишна еще спит. Наконец, – ура! – все нашлось,

и он уверенно определил дверь в гостиную, с чьей пустотой перед сном поговорила Леля.

Взявшись, было, за ручку, он услышал там тихий разговор. Вспомнив, что собирался удивиться, Сережа прислушался. Говорили почти шепотом, и, как ему показалась, только одна Леля.

– Может, у меня глюки? Может, и снега за окном нет, и я просто сплю, – сказал он сам себе, – А что? Это кое-что объяснило бы.

Он улыбнулся и открыл дверь, не ожидая там кого-либо увидеть.

Но действительность оказалась другой: Леля сидела в кресле и, смеясь, говорила кому-то:

– Мокий, брось шутить, я и так чувствую себя полной дуручкой. Мы же собрались на военный совет, так что давайте говорить серьезно.

Тут она обернулась и, увидев Сережу, сказала:

– Доброе утро, как спалось?

И снова обращаясь в пустоту, добавила, покачав головой:

– Могли бы предупредить. Он ведь неизвестно что про нас подумает!

Потом улынулась и смешно сморщила нос непонятно кому.

– Ну, ладно, ладно, про меня подумает, – невидимый диалог продолжался.

Сережка печально посмотрел на девушку и спросил:

– Слушай, а ты с кем разговариваешь?

– Со своими друзьями. Я тебя сейчас познакомлю.

– Спасибо.

Он помолчал с минуту и добавил:

– Я... – он запнулся, потом поднял руки и сделал успокаивающий жест, – ты только не особо удивляйся. Просто я хотел спросить: ты снег сейчас видишь?

– Ну да, конечно, – улыбаясь, ответила Леля.

– А ты его где видишь? За окном? – уточнил он.

– Сережка! Ты что? Конечно, за окном! – Леля вскочила, встревоженная, с кресла. – Эй! С тобой все в порядке?!

– Надеюсь... – он пожал плечами и вяло улыбнулся. – Ладно. Я, пожалуй, пойду... попью чайку. Что-то я недоспал или переспал, еще не понял.

И Сережа неуверенно вышел из комнаты.

– А ты говорила: психологически устойчив, – улыбнулся Мокий.

Но Лельке шутку не поддержала:

– Тут уже не до смеха. Ладно, пойду его покормлю и все расскажу, а там посмотрим. Он же вас не видит и не слышит, а тут еще этот снег, как снег на голову. Он решил, что я сумасшедшая, это точно.

– По-моему, он решил это про себя. Иди скорей, а то он не может сообразить, как у тети Инны газ зажигается, совсем расстроился, бедняга.

Зайдя на кухню, Леля обнаружила Виноградова, пыта-

ощегося найти спички или что-нибудь еще, чтобы зажечь огонь на плите, причем под электрическим чайником. Леля посадила растерянного приятеля на стул, включила газ, приготовила яичницу и разогрела пирог, заботливо оставленный им тетей Инной. Налив ему большую кружку чаю, она очень спокойно произнесла:

– Я была уверена, что ты удивишься, но не подумала, что ты можешь принять это так близко к сердцу и, тем более, на свой счет. Так вот: ты абсолютно нормален, у тебя нет галлюцинаций и никогда не было. Просто я могу общаться с духами. Это у меня по наследству от моих предков, понимаешь?

Сережа улыбнулся:

– Вполне. Мне стало легче. Ты хочешь сказать, что псих – ты, а не я? Приятно слышать... Не бойся, я не буду тебе вызывать скорую. Если вызову, то себе. – Он пожевал яичницу с пирогом, глотнул чаю, поковырял в сахарнице и, наконец, сказал:

– Я отлично тебя знаю, Лелишна, знаю твою семью, вы все абсолютно нормальные ребята. Ты не можешь разговаривать с невидимыми друзьями, и снег в мае не идет.

Леля со всей убедительностью, на какую была способна, стала объяснять:

– Снег идет в мае, потому что циклон пришел, и по телику об этом предупреждали. Но вы же презираете телевизор и сводку погоды только перед спуском читаете. Откуда же вам знать, великим спелеологам, о таких вещах? Да, я признаю,

что разговаривала с невидимыми друзьями. Но только я их вижу, пойми.

– Бедная Леля, и давно это у тебя? – без тени юмора спросил Сережа.

– Недавно, всего один день.

– Ну ничего, может, ты переработала, чувствуешь себя одиноко, все пройдет. Ты не бойся, я никому не скажу, – голос Сергея звучал уже вполне уверенно. Все вставало на свои места, он снова чувствовал себя сильным героем, который должен кого-то спасать.

Леля безошибочно угадала его настроение и вздохнула:

– Пойми, меня спасать не надо, я больше не падаю с крыши. Все, что мне надо, это чтобы ты меня выслушал.

Сережа, приняв участливый вид, сказал:

– Конечно! Может, мы пойдем в комнату, ты присядешь в кресло, расслабишься и все мне расскажешь.

Леля с ненавистью взглянула на него:

– Только не строй из себя американского психотерапевта. Терпеть не могу, – и поднялась с табуретки.

Сережа послушно кивнул головой. Ни говоря больше ни слова, они прошли в гостиную. Там Леля села в кресло и на одном дыхании рассказала своему другу все, что произошло с ней до вчерашнего звонка по телефону.

Закончив, она встала, принесла ценности, спрятанные в кладе и разложила их на столе как подтверждение своей истории. Виноградов молча переваривал информацию, но бы-

ло ясно, что он не может придумать, как ему правильно отреагировать, чтобы не раздражать больного.

Леля жалобно посмотрела на духов, Феодорит грустно пожал плечами, и они с Мокием исчезли.

– Знаешь, Леля, у меня в жизни тоже была ситуация, с которой я долго не мог справиться, – начал Сережа издали.

– Помнишь, я отправился исследовать подземный ход в Старой Ладогге? Открылся какой-то новый проход и ребята рванули туда, пока не засыпало. Я даже кое-что рассказывал вам с Сашкой. – Он уселся поудобнее и зажмурил глаза, словно хотел усилить свои воспоминания.

– Я был еще совсем зеленым. Меня взяли как стажера. Я тогда начитался легенд и наслушался замечательных рассказов о подземных ходах. Особенно мне нравилась легенда о четырех крестах. Древняя история утверждает, что Россия запечатана четырьмя крестами в виде подземных ходов. Эти ходы соединяют все самые старые города Руси. На месте пересечения этих ходов стоят церкви, с выходами наружу. И именно там спрятаны все тайны древности. Например, библиотека Иоанна Грозного или золотой гроб Рюрика. Где-то в подземелье висит на цепях гроб Вещего Олега. В общем, очень интересно. По легенде, целые города были построены с подземными храмами. Я и сам видел засыпанный ход из Ладожской крепости на другую сторону Волхова. И как могли наши предки его построить? Ума не приложу. Ведь у них, кроме лопат и кирок, ничего не было.

Короче, никто толком не исследовал этот огромный тайник. Нет, конечно, там работают археологи, но входы во многие подземные ходы давно утеряны. Да их и прятали, маскируя могильными плитами или строениями. Сейчас Староладожскую крепость, конечно, подновили, но так, туристов ради. Там еще столько загадок осталось – на 100 лет хватит.

Леся заинтересовано спросила:

– А почему же никто не исследовал подземные ходы раньше?

– Потому что это очень опасно и страшно. Мы боимся подземного мира, потому что мало про него знаем. Глубоко внизу живут существа, о которых мы имеем только смутное представление. Танечкины пещеры, например, рядом с церковью Иоанна Предтечи охраняют стаи летучих мышей. Их там тысячи. Есть еще крысы размером с собаку и всякие другие мерзкие твари. А страх заблудиться, задохнуться, провалиться?

Обычно в газетах 50-60-х годов встречаешь: копали что-нибудь и случайно провалились в выложенный кирпичами подвал с ходами. И, как ты думаешь, что сделали? Закопали обратно, от греха подальше. Вот обычная реакция людей на подземелья. Кстати, давно хотел тебе сказать, что люди изучающие подземные ходы, а не природные пещеры, называются спелестологами, а не спелеологами. Ну, это так, для общего развития. Я ведь хочу рассказать тебе историю, про то, как я встретился с духами.

– Не может быть?!

– Вот именно. Но, что есть, то есть. Я тогда очень хотел отличаться. Хотел, доказать, что я уже готов к самым сложным проходам. Не буду подробно рассказывать, до сих пор стыдно. Короче, я провалился в колодец, достаточно глубоко и главное – проход за мной завалило, и остался я в крошечной темноте. Лампочка не горит, фонарь куда-то упал, короче, от страха меня парализовало. Сажу в полной тишине и вспоминаю истории, которыми меня щедро снабдили мои товарищи. Про женщину, которая появится, если позвать ее: Эва! Вначале поможет выбраться, но потом окажется злобной старухой и убьет. Или про шубина, который обязательно с маленькой буквы пишется, потому что это злой дух в шубе. И он, если захочет, то поможет, а если нет, то «шубин тебе будет», в смысле конец. Но, на самом деле, сажу, стараюсь не падать духом и жду, когда меня спасут. Я в этом не сомневался. У спелеологов закон взаимовыручки на первом месте. Но тишина такая, кажется, просто оглох.

Не знаю, сколько времени прошло, а вдруг я слышу голоса и вижу, что проход в какую-то пещеру будто освещенный изнутри. Я подполз ближе, смотрю – древние воины в латах и с мечами складывают какие-то доспехи, одеяния, и старик весь в белом держит в руках золотую чашу и ставит торжественно на пьедестал, а вокруг расставляют огромные тяжелые сундуки.

Несколько воинов привели женщин и задушили веревка-

ми. Они, бедняги, совсем не сопротивлялись. Их уложили, завернув в роскошные покрывала. Горят факелы, а старик совершает какой-то обряд, вроде погребения. Я знал, что в пещерах бывают галлюцинации. Но, говорят, сначала появляются слуховые, а потом только зрительные. Эта же была очень явная, совсем настоящая. Потом все ушли. А я сижу и не могу шевельнуться, ни то что на помощь позвать. И вдруг вижу лицо этого старика, так близко от меня и злобно так смотрит. Я думаю – все, конец, убьет, не пожалеет. И тут, на мое спасение, голоса: «Инженер, ты здесь?» Это меня так ребята зовут. Старик пропал, а я от радости чуть не плачу. Ну, меня вытащили, потом сказали, что для этих мест это обычный глюк. Я долго потом не мог себя перебороть, все старика этого встречал. Иногда даже на улице в городе мерещился. Но сейчас прошло. Вот такая история.

Сергей замолчал.

Глава 11

Теперь Леле категорически было неясно, что делать дальше. С одной стороны, он хотел ее утешить, дав понять, что верит ей. Но выяснилось, что верит он совсем не так, как хотелось бы. Сережа видел в ней товарища по несчастью, и только. Пока Леля размышляла, как все-таки поступить, Виноградов вполне вернулся в образ спасителя.

– Лелишна, нельзя грустить, давай лучше рассмотрим, что у нас есть. А есть у нас коллекция монет, потрясные сережки, колечко, – он одел его на указательный палец, и постучал по столу, – и, наконец, странная печать. Очень древняя, хотя оправа у нее совсем не старая.

– Как это – не старая? – Леля искренне удивилась.

– А вот так. Это век девятнадцатый, не раньше. Смотри – видишь серебряная оправа и колечко как аккуратно сделаны. Тут нужен хороший инструмент. И цепочка тоже у хорошего ювелира заказана, причем специально для этой печати. Определенно интересная вещица, надо ее показать специалисту. Хотя клад весь очень ценный. Сдается мне, что этот булыжник в кольце вовсе не топаз.

– А что? – Леля окончательно обалдела от знаний своего приятеля.

– Бриллиант. Каратов на пятнадцать, не меньше.

– Здорово! Но что это нам дает?

– Наверно много денег, если умудриться его продать. Ведь такую вещь в комиссионку не отнесешь. Надо документы делать. Лучше тебе этот клад сдать государству, хоть деньги законно получишь.

Сережа постукивал пальцем по столу и смотрел, как красиво играет камень. Столик, по которому он стучал, был из тетушкиной коллекции раритетов, и кольцо на его фоне выглядело бесподобно.

– Наплевать на деньги. Займемся тем, что нам сможет помочь в разгадке тайны Китежа.

Леля снова взялась за печать.

– Да вы упогствуετε, мивочка, – картаво сказал Сережа женским голосом, копируя их школьную учительницу по истории. – Нельзя ги не отвгекаться от темы?

Это было неожиданно и смешно. Леля прыснула, вспомнив историчку по прозвищу Кромвель. Это была колоритная особа с красной помадой на губах и в красном костюме «джерси». Она забавно картавила, и ее бесконечно цитировали и передразнивали.

В этот несерьезный момент Леля увидела Карла Ивановича – главного духа Здания Сената и Синода.

– Здравствуйте, – прошептала она, вставая. Мама всегда учила ее, что старших надо приветствовать стоя. И это вошло в привычку. И хотя она могла уже считаться дамой и оставаться сидеть, ее как будто подкидывало снизу. Вот и теперь, она и не заметила, что уже здоровалась стоя. Краем

глаза Леля увидела, как напряглось лицо у Сережи, и ей стало его жаль. Он так старался отвлечься от темы галлюцинаций. А она опять за свое.

– Я думал, вы расстроены, а вы смеетесь. Искренне рад – произнес, слегка кланяясь, Карл Иванович. – Меня позвали потому, что ваши изыскания встретили серьезную проблему в лице этого молодого человека? Но я думаю, что проблемы больше нет, и он уже по-другому смотрит на столь щекотливую ситуацию, не правда ли, мой юный друг? – Карл Иванович выразительно посмотрел на Сережу.

Леля только собралась попробовать что-то объяснить, как услышала охрипший от волнения голос:

– Невероятно, это просто невероятно... Лелишна, а групповое помешательство бывает?

– По-моему нет, – пролепетала она.

– Тогда я тоже вижу и слышу твоих друзей. Мамочки! Я так рад! Как радостно вас видеть, – искренне признался он.

Ангелы молчали и улыбались, предоставляя ребятам, перебивая друг друга, освоиться с новой ситуацией.

Когда они, наконец, перестали обмениваться восклицаниями, типа: «Ну, я же тебе говорила», или «Да, но откуда я знал!», – Феодорит с неизменной вежливостью сообщил им, что в результате того, что ситуация могла навредить одному из людей, а это невозможно допустить со стороны ангелов, Сереже временно предоставлена возможность видеть духов, но только тех, кто захочет этого контакта сам. Весь мир ду-

хов им видеть не разрешено, поскольку от этого страдает человеческая психика. Кроме того, в сложившейся обстановке они в любой момент могут отказаться от поисков. Опасность действительно серьезная, и они готовы вернуть Елене Ивановне данное слово, отказавшись от ее помощи.

– Ни за что! – вскричала Леля, – Я ни за что не откажусь от своих слов. Я обещала помочь и сделаю все, что смогу.

Карл Иванович ласково посмотрел на нее и произнес:

– Ты храбрая девочка, я всегда удивляюсь: на что бывают способны люди, столь негероические с виду. А что твой друг?

– Если я откажусь, то буду жалеть об этом всю жизнь, – серьезно ответил Виноградов и весело добавил, посмотрев на свою приятельницу, – к тому же, Лелишне без меня не справиться. Вдруг придется опять по крышам бегать, кто ее тогда потащит?

Все заулыбались и вопрос был решен.

– Вы что-нибудь хотите у меня спросить или я могу вас покинуть? – Карл Иванович выразительно посмотрел на вновь сформированную команду.

– У меня есть один вопрос, – сказала Леля. Она замялась, не зная, как повежливее его задать. – Я хочу спросить, но во все не потому, что отказываюсь, а просто так, для общего развития.

– Да, говори, не стесняйся, – подбодрил ее ангел.

– Ведь вы ангелы, вы все можете, вы живете вне времени.

Так зачем я вам понадобилась? Точнее, зачем для этой миссии вам нужен человек?

Возникла пауза.

Тут Мокий не выдержал и сделал страшные глаза:

– Как, ты еще не догадалась?– сказал он завывающим голосом, – мы принесем тебя в жертву, произнесем магическое заклинание, и дверь в Китеж откроется! – Он поднялся в воздух, театрально размахивая руками.

Ребята расхохотались и захлопали в ладоши.

– Ну а теперь серьезнее, – сказал Карл Иванович, когда Мокий закончил представление и вернулся на место, – вопрос, действительно, по существу. Видишь ли, Лелечка, мы – ангелы, служение которых – на земле, и мы должны оставаться здесь. Но мы не выше людей и не можем воздействовать на них по нашему усмотрению. Мы только помогаем людям, если нас просят, и если мы знаем, что этим не повредим. Никто из духовного мира не может вмешиваться в свободную волю человека, не может ничего сделать с человеком без его согласия. Даже на вочеловечение Христа требовалось согласие человека – Девы Марии! Говоря короче то, что сделано людьми, невозможно изменить ангелам. Изменить может только сам человек. Поэтому ты и нужна. А почему выбор пал на тебя, ты знаешь. Надеюсь, я ответил на твой вопрос? А что тебе предстоит сделать, в этом и загадка. Мы сами пока не знаем.

– Но узнаем, – сказала Леля, – обязательно!

Она была даже воодушевлена этой речью. Все-таки здорово, когда твоя задача, пусть и неясная, является важной и выполнить ее можешь только ты.

Она гордо посмотрела в сторону Сережи, чем вызвала у ангелов улыбку:

– Как вы, люди, любите быть первыми, просто даже странно. У нас вот все наоборот. Кто первый, тот на самом деле последний.

Карл Иванович стал раскланиваться и прощаться. И, пожелав всем успеха, исчез с глаз.

Леля, которая сразу потеряла горделивый вид, пригласила всех присесть для проведения «военного совета».

Но обсуждения не получилось, потому что у Сережи прошел первый информационный шок, и он решил начать беседу с выяснения вопроса, который его стал волновать с того момента, как он перестал сомневаться: «Почему Ангелы Хранители решили покинуть город? И есть ли способ их удержать?»

– Леля, – начал он, – ты сама мне говорила, что если все ангелы уйдут, то весь город заполонят бесы, вроде Сайгона и Петуха. А смогут ли люди жить в таком городе?

– Во-первых бесы – тоже ангелы, только падшие, – стал объяснять ему Мокий. – И, как все ангелы, они не могут ничего сделать с людьми без их согласия. А Ангелы Хранители ведь не уйдут насовсем. Поэтому Господь нас и посылает в Китеж, а не призывает к Себе. При первой возможности мы

все вернемся. Просто тому, что строится на месте старого города Ангелы Хранители пока не нужны. Нас не зовут. Но когда позовут – мы придем, не бойтесь.

– А если не позовут? – печально спросил Сережа.

– Мы же верим в разум людей, – произнес Феодорит. – Хотя многие и пытаются заменить его образованием и интеллектом. А некоторые даже хитростью и изворотливостью. Разум – это то, что делает человека человеком, это его способность оценивать свои поступки, это его связь с духовным миром. Тем, кто отказывается от разума, не нужны ангелы. «Сон разума рождает чудовищ», Аристотель был прав. Чудовища нуждаются в чудовищах. Человек, как всегда, выбирает сам. Но мы верим: вы найдете правильный путь. Любую ошибку можно исправить, надо только научиться ее видеть. А сейчас, извини, решение принято, задача ясна, давайте подумаем, что делать дальше.

Сережа молча кивнул. Леля, чтобы закрыть сложную тему, произнесла:

– Значит надо звонить Мадлен и идти в Эрмитаж. Там-то всегда чувствуешь, что люди способны на более прекрасные вещи и ангелы там, наверняка, на месте. Не то, что в наших новостройках с надписью: эксклюзивный комплекс бизнес-класса с роскошным видом на город. При этом какой вид они сами обеспечивают городу, никого уже не интересует.

Она вздохнула и, не ожидая ответа, пошла звонить тетушкиной подруге.

Сергея, тем временем, рассматривал коллекцию монет, восхищенно качая головой. Он поднял глаза и увидел, что духи с интересом наблюдают за его присвистами коллекционера.

– Я уже устал сегодня удивляться и восхищаться. Если бы я раньше увидел эти монеты, моя реакция была бы более бурной. А сейчас уже все воспринимаю как норму. Даже бриллиант в пятнадцать карат меня не потрясает, – сказал он смущенно.

– Меня последнюю тысячу лет тоже ничего не потрясает, – доверительно сообщил ему Мокий. – И ничего, привык.

Сергея не нашелся что ответить, и тут на помощь ему пришла Леля.

– Ура! Нас пригласили в Эрмитаж на выставку. Идем прямо сейчас!

– Нас тоже? – спросил Мокий, понизив голос.

Но Леля на провокацию не поддавалась и пошла послушно выполнять совет Феодорита, который предложил все вещи из клада спрятать за гербом СССР, а с собой взять одну печать.

Глава 12

Отсутствие связанных по рукам и ногам пленников несколько расстроило владельца солидного антикварного салона. Похожий на ухоженного добермана, продавец старины имел столь же выразительное имя – Лев Григорьевич. На этом его любовь к животному миру заканчивалась и начиналась почти безграничная любовь к денежным знакам.

Сейчас чувства Льва Григорьевича двоились. С одной стороны, у него на руках была монета стоимостью в триста тысяч евро. И эта мысль приятно радовала его сердце. Но с другой стороны, его огорчало то, что возможность выяснить, не было ли там еще чего, столь же нужного Льву Григорьевичу, убежала непонятно как. А все, что было непонятно, его раздражало. Юные годы Лев Григорьевич провел не в тех университетах, которые приносят высшее образование. И со временем этот пробел биографии стал беспокоить его все больше. Ему казалось, что многие коллеги тайно намекают на этот его недостаток, специально употребляя в речи термины, которые могли быть непонятны Льву Григорьевичу. Он ненавидел умные разговоры, интеллектуальные беседы вел только сам, и не терпел, когда разговор уходил в сторону, где он чувствовал себя неуверенно. Его занудные поучения раздражали коллег, которые, чаще всего, были не осведомлены относительно его дипломов. Но именно этот тайный ком-

плекс заставлял Льва Григорьевича принижать значимость собеседника и ставить в неловкое или зависимое положение всех, с кем он общался.

И сейчас, глядя на пустые стулья в доме у этого спелеологического умника, он тихо произнес:

– Как, куда и где? На эти три вопроса ответ должен быть через час. Я жду у себя.

Он развернулся и, скользнув белыми от ярости глазами на свою команду, быстро вышел из квартиры.

Ремонт покачал головой и пнул ногой стул.

– Какие есть идеи?

– Сами развязались, – лениво предположил парень с рыжими длинными волосами, в очках в тонкой золотой оправе. Он был одет в стиле расслабленного иностранца и имел соответствующую кличку.

– Интурист, ты, как всегда, удивляешь своими способностями, – презрительно глянул на него Ремонт, – хоть иногда в твоей башке мелькает мысль?

Интурист выразительно поднял веревку, валявшуюся на полу и показал, что она разрезана ножом.

– Тебе, гению, надо было проверить, где у него ножи лежат, – хрипло ответил он.

– А как идея, что им кто-то помог? – поинтересовался большеголовый и лобастый парень по имени Жора, явно член сборной по регби. Он покрутил шеей и предложил проверить соседей на всякий пожарный случай.

Ремонт прошелся по кухне, сунул нос в холодильник:

– Жвачка была, теперь нет.

И издевательски произнес:

– Покушали перед уходом. Как думаешь, Интурист?

– С собой захватили: отсидеться надо. – Рыжий сидел на столе, покачивая ногой в кроссовке. Он, видно, привык к подколкам Ремонта и не реагировал на них.

– А что? Простой вариант – самый верный. А уходили как?

– А как насчет соседей-то? – вернулся к своей версии Жора.

– Так чего, они были заперты и дверь закрыта снаружи, я все лично проверил. Костян дежурил во дворе, я сам шефа отвозил и привозил. Соседей, конечно, проверить можно, но у них по одной квартире на этаже. В этом жутком местечке соседи только напротив живут и смотрят на стенку противоположного дома. Тут он резко замолчал и, насвистывая, подошел к окну.

– Сходи-ка, Жора, действительно, побеседуй с соседями. – Взглядом он показал на окна напротив, – а мы пока тут поищем.

Согласно кивнув, Жора застучал ботинками вниз по лестнице. Через пару секунд, раздался сдавленный крик и нецензурные выражения.

Сообщники дружно заржали.

– Не долмай лестницу, Жора! Нам еще спускаться.

И, довольные собственным остроумием, они стали обыскивать квартиру.

Пятнадцать минут из выделенного часа ушло на то, чтобы разгромить Сережкину квартиру. Еще двадцать – на то, чтобы вспомнить про последний этаж и обнаружить ход на крышу.

Жора, на счастье Аркадьевича, никого не нашел и вернулся ни с чем: соседи, оповещенные по тревоге, разбежались кто куда.

Еще после десятиминутного обсуждения команда сошлась на версии, что развязались сами с помощью ножа, ушли по крышам – уже не догнать. Через час они звонили в дорожную дверь антиквара с готовым докладом.

Лев Григорьевич с большим скепсисом выслушал восстановленную версию событий, но спорить и никого наказывать за плохо связанные руки пока не стал. Потом весомо произнес, что на первые два вопроса он, худо-бедно, ответы получил.

Остался третий: где они сейчас?

– Отдали в разработку в аналитический отдел. Известно, что она училась с ним в одной школе. Завтра, думаю, будет домашний адрес и сотовый телефон.

– Заплатите больше и попросите через два часа, – он отпустил всех жестом.

Лев Григорьевич был в нетерпении.

Очевидно, что она нашла клад. Причем госструктуры не оповещены, иначе он был бы уже в курсе.

Его мысли прыгали:

– Она не может быть связана с черными археологами, это очевидно. Хотя, все бывает. Когда случайно находят клад, сразу всех оповещают. А здесь клад бесценный, и никто не в курсе, – пытался рассуждать он. – Инженер наверняка не знает, он бы мне сказал. Ему известно только про три монеты. Но клад с тремя монетами найти невозможно, это чушь. Значит должно быть что-то еще.

Жадность уже нарисовала картины размером с гробницу Тутанхамона.

Однако, решив, что благоразумнее будет подождать результатов поиска, Лев Григорьевич стал собираться на встречу с покупателем. На сегодня был заказан ужин в ресторане, а он не умел опаздывать.

– Серьезный продавец не может позволить себе опаздывать, – всегда говорила ему бабушка. – Это может позволить себе только очень богатый покупатель, потому что ему придется за это заплатить.

Он был серьезным продавцом и, если покупал, не любил переплачивать. Именно поэтому ровно в восемь вечера он сидел за столиком в отдельном зале для важных персон.

Его собеседником был уважаемый в определенных кругах общества представительный антиквар. Правда он работал в

основном с черными археологами, но был мил и вежлив в общении, и все называли его просто Ровшан. Сегодня Ровшан выступал в роли возможного покупателя найденной монеты, хотя Лев Григорьевич прекрасно понимал, что интерес его гораздо глубже.

Беседа потекла как обычно. Начав с погоды и здоровья, они постепенно перешли к главной проблеме сегодняшней встречи. Найденная монета взволновала Ровшана не меньше, а может даже больше, чем Льва Григорьевича. И уж точно больше, чем Лельку.

– Уважаемый, расскажите мне подробнее про эту иска-
тельную приключения. Мне очень интересно знать, из ка-
ких она кругов, – тягуче проговорил покупатель.

– Не из ваших, уважаемый Ровшан, – в тон ему ответил продавец.

– Откуда знаете? – настаивал азербайджанец.

– Я собрал информацию. К тому же ее приятель не при-
надлежит к вашим поставщикам. Он спелеолог, а они чаще
ладят с законом.

– С законом не ладит тот, кто деревья в лесу срубает, а не
тот, кто ямки копает. Сосну опять на пень не поставишь, а
ямку закопать можно.

– Если не рыть ямки в местах, где археологические иссле-
дования проводят. А то приходят археологи, а там уже ва-
ши ребята с миноискателями пробежались. Чего не взяли,
то разломали.

Ровшан удивленно поднял брови:

– Где это вы видели ученых-археологов? Наши едва успевают пробежаться перед тем, как бульдозер все сравнивает под дачки. Хоть что-то сохраняем для потомков. Работаем на пользу общества.

Лев Григорьевич лукаво улыбнулся и подвел итог этой части беседы:

– За это Вас ценит и уважает общество любителей старины. И я в их числе.

Ровшан понял, что девушку ему не получить и подробно-сти не выяснить.

Он разлил вино в бокалы и торжественно произнес:

– За Вашу удачу и нашу удачную сделку. Надеюсь, я буду первым, кто увидит все редкости, которые находит Ваша Лара Крофт у себя в квартире.

– Даже не сомневайтесь, – удовлетворенно проговорил Лев Григорьевич, – Извините, – он полез в карман пиджака, – мне надо ответить на телефонный звонок.

Потом неторопливо поднялся из-за стола и, нажав кнопку, сказал отрывисто:

– Да?

– Это Ремонт, мы все нашли, она на связь ни с кем еще не выходила. Дома никого нет, соседка сказала, что они уехали на дачу, но только ее мать с младшей дочерью. Сама Елена Ивановна дома не появлялась. Номер ее сотового взят на прослушку. Снять наблюдение с квартиры?

– Да.

Лев Григорьевич вернулся к ужину и остальное время провел в приятной беседе, объясняя Ровшану как правильно выбирать устриц и испанские вина.

На следующее утро он внимательно прослушал беседу Лельки с Мариной Николаевной.

– Чудно, – ослабил зубы Лев Григорьевич, – встреча с прекрасной коллекцией Эрмитажа пойдет вам, балбесам, на пользу. Чтобы все отработали без ошибок. Не засветиться, не подходить близко. Работает рядом только тот, кого не видели ни разу. Следить и слушать. Докладывать лично мне. Если упустите – кто-то труп.

– Кто? – не понял Жора

– Поживем – увидим.

Глава 13

Леля уже почти выбежала из квартиры, как ее нагнал укоризненный возглас Сережи:

– Стой, Лелишна, куда ты несешься в таком виде?

Леля удивленно оглядела себя

– А что со мной не так? Вчерашние брюки я передела.

Сережа закатил глаза, и возмущенно покрутил у виска.

– Причем тут чистота твоих брюк? Это может волновать только твою тетку. А я не твоя тетя.

– И даже не твой дядя, – вставил слово Мокий.

– Тогда в чем дело? – Леля остановилась и встала руки в боки, скорчив нетерпеливую гримасу.

– Ты прямо как ребенок. Тебя вчера чуть не убили, еле ноги унесли. Ты уверена, что мы туда вообще доберемся? Сама подумай на секундочку.

Леля вздохнула, и к ней вернулось чувство тревоги, которое не покидало ее со вчерашнего дня. Она надеялась, что оно связано с Сережей и радовалась, что так удачно все разрешилось. Очень не хотелось даже думать про этих бандюг. Ну чего им еще надо? Ведь уже получили ценную монету.

Она удрученно вернулась в комнату.

– Что ты предлагаешь? Сидеть дома? Кстати, – вдруг сообразила она, – они меня и не помнят вовсе, поэтому сидеть надо тебе, а не мне. Так что ты посиди, а я быстренько смо-

таюсь и вернусь.

– Я предлагаю – не предлагать глупости, а замаскироваться.

– Удивительную способность имеют эти мужчины сразу брать руководство в свои руки, – пожаловалась Леля духам.

– Феодорит предлагал пойти в библиотеку, а ты? К нумизматам ей надо, теперь не жалуйся, – примирительно произнес Мокий.

– На самом деле Сергей прав, – Феодорит утешающе заглянул ей в глаза, – элементарная предосторожность не повредит.

– Надо показать, что мы их не боимся, – упрямылась Леля.

– Они нас – еще меньше, – отпарировал Сережа и отправил ее переодеваться. – Ты же женщина – измени что-нибудь в себе, придумай.

Возмущенная Лелишна ушла в комнату тети Инны и в задумчивости остановилась у гардероба. Тетя хоть и была такая же маленькая, но уже не была такая же худенькая. На голову можно надеть платок, а на глаза черные очки, и уже никто не узнает. Но при этом, если ты в кроссовках и джинсах, то все будут думать, что у тебя болят уши и фингал под глазом. Надо обязательно юбку и туфли на шпильке. Тут она вспомнила, что дядя Саша лет 10 назад привез тете Инночке юбку из Франции, но она в нее не влезла и оставила полежать «пока похудеет». Чудо не произошло, а юбка должна была остаться. Леля перевероришила полку с пакетами и к своей ра-

дости обнаружила искомую вещь.

– Надо ее совсем забрать, а то она как укор лежит в шкафу. Кушай, дорогая тетя Инночка, в свое удовольствие, а источник несбывшихся надежд, глядишь, спасет твою племянницу, – размышляла Леля, надевая красивую вещь.

Покрутившись перед зеркалом, она покрасила губы помадой, которую нашла в комод. Помада была старая и невкусная, но сразу сделала из Лели взрослую даму. После этого она влезла в теткины туфли, постояла, но потом переобулась в сапоги. Не видно, что широковаты, да и снег на улице. С удовлетворением она посмотрела на себя в зеркало: удивительно, как меняются женщины, всего–навсего встав на каблуки. И, напевая, с высоко поднятой головой Леля вышла в гостиную, ожидая услышать аплодисменты и ... открыла рот от удивления. Если она превратилась в роскошную даму, то сопровождать ее должен был инвалид.

– Причем сразу по всем органам, – подумала она в полном ужасе.

Сережа не придумал ничего умнее, как забинтовать свою голову, закрыв один глаз. Левая рука в повязке висела на перевязи через плечо. Сверху был накинут парадно–выходной дядин пиджак. Хорошо, что брюки от этого же костюма были почти впору – это несколько исправляло ситуацию. Развязно покачиваясь, он неприятно подражал завсегдатаям пивных павильонов.

Леля покраснела от негодования.

– Я не пойду с тобой в таком виде, – категорично отрезала она, – Мадлен не пустит нас на вернисаж. И правильно делает. Ты вообще представляешь, что значит открытие выставки? Это вход только по пригласительным билетам, это избранная публика, причем в хорошем смысле слова. Это праздник, в конце концов, окончание долгой и кропотливой работы. У тебя совесть есть? – возмущению Лели не было предела. – Лучше сиди дома.

– Лелечка, ты не права, – проговорил бесстрастно Феодорит в то время, пока Мокий не мог сдерживать смеха:

– Вы будете смотреться великолепно! Прямо лиса Алиса и кот Базилио.

Тут Леля не выдержала и тоже рассмеялась.

В конце концов приняли решение: бинты снимаем, пиджак оставляем. Вызываем такси, чтобы не болтаться по улице. И через 30 минут, вполне респектабельная пара подъехала к главному музею города.

Выставка называлась «Немецкое серебро конца XVI – начала XVIII веков», и одним из ее составителей была Мадлен. В связи с этим к ней постоянно подходили разные люди и восхищались удачной экспозицией, выбором оборудования, выставленным светом или просто ею самой. Так что ребятам пришлось терпеливо ждать, пока Мадлен останется одна.

Но вскоре они перестали торопиться. Выставка действительно была интересной даже для несведущего человека. Сережа с удовольствием изучал серебро и потерял бдитель-

ность. Он не заметил, что рядом с ним все время ошивается один и тот же рыжий иностранец. Этот несколько развязный тип почему-то все время оказывался рядом и рассматривал те же, что и Сережа, витрины.

Леля всегда любила Эрмитаж. Ей нравилось все, что ее окружало. Даже неспешные люди, которые толпились группами вокруг экспонатов. Наверное, поэтому она сразу заметила долговязого иностранца, совсем не вписывающегося в этот мир и непонятно как попавшего на вернисаж. Здесь не могло быть случайных людей. А этот человек не только показался ей непохожим на других, ей не понравились и его упорные попытки выглядеть как все. И уж совсем ей не понравилось то, что он все время ходит вокруг Сереги.

– Становлюсь подозрительной, – подумала Леля, – но «береженого Бог бережет».

Она подошла к одной девушке и попросила ее:

– Извините, пожалуйста, Вы не могли бы мне помочь?

– Да? Слушаю Вас.

– Попросите, пожалуйста, вон того мужчину выйти в галерею, я не могу сама: его мама будет недовольна, а мне надо с ним переговорить, – она виновато опустила глаза, – если Вам не трудно.

– Да, конечно, не волнуйтесь, мне совсем не трудно.

Спрятавшись за колонну, Леля увидела, как Сережа вышел, озираясь в коридор рядом с залом и удовлетворенно поняла, что не ошиблась. Рыжий иностранец как будто невзна-

чай двинулся следом. Она прошла мимо Сережи и шепнула:
– За тобой рыжий хвост.

Ей стало страшно, – как быстро они их вычислили! Отвернувшись к стене, она произнесла:

– Феодорит, помоги! Скажи Виноградову, пусть идет в прикладной отдел. На вахте покажет паспорт и разрешение на вход, которое нам дала Мадлен. Скажет, что Марина Николаевна пригласила на встречу и просила подождать. Туда рыжего не пустят. Я попробую к ней подойти и, если получится, мы придем вместе.

– Лелечка, не волнуйся так, и имей в виду, что ищут они тебя, а не его.

– Спасибо, успокоил.

Собрав в кулак все свое мужество, она подошла к Мадлен и, улыбаясь, произнесла:

– Марина Николаевна, спасибо большое, замечательная выставка. Но у меня к вам конфиденциальное дело, можно мы уйдем отсюда, например, к вам в кабинет, мне надо показать вам одну вещь.

Она старалась говорить как можно тише, при этом делая вид, что чего-то докладывает начальству.

– Как таинственно, – улыбнулась Мадлен, – ну, конечно, пойдете.

От ужаса, что сейчас их заметят уходящих вместе, Леля пролепетала:

– Я чуть отстану, позову с собой Сережу.

Но Мадлен видно не зря дружила с тетей Инной, ее тоже ничем нельзя было удивить.

Поэтому она абсолютно спокойно кивнула головой и сказала:

– Не вопрос, подходите, я жду в отделе.

Сделав лишний круг по залу, Леля двинулась следом, изображая скучающий вид.

– Мокий, посмотри, там за мной кто-нибудь идет?

– Если ты будешь идти с такой странной улыбкой, за тобой пойдет охрана, – послышался в ответ голос ангела.

Леля еще поиграла в детектива, прячась за поворотами, но не заметила никого подозрительного.

Наконец они собрались в кабинете Мадлен все втроем.

– Ну, что тут у вас за тайны? – спросила Марина Николаевна, и улыбнулась, – ты стала такая красивая, такая взрослая, Лелечка. А Инночка мне говорила, что ты все как ребенок.

– Я хотела выглядеть понаряднее для вернисажа, – покраснела Леля. – Посмотрите, пожалуйста, вот это.

Она достала из сумки заветную печать и протянула ее Мадлен.

У той поднялись брови, когда она профессионально приняла в руки раритет.

– Великолепная византийская вещь, а серебро – позднее. Кто-то заказал оправу специально для этой печати примерно в 19 веке.

Сергея кинул на Лелю торжествующий взгляд, вроде: что я говорил?

Леля, пожав плечами, ответила недоуменным взглядом: а я что, возражала?

Мадлен не обратила внимания на этот безмолвный диалог, так как уже вооружилась лупой. Со скрытым восторгом она сказала, покачав головой:

– Надо же, здесь есть оттиск на колечке, какая-то птица. Очень любопытно, очень. Стоило бы подойти за помощью к нашему геральдисту. Правда, он всегда так занят.

Тут она подняла глаза и, прищурившись, произнесла:

– Кстати, сегодня удачный день для этого, он наверняка на вернисаже. Вдруг нам повезет, и он сможет посмотреть.

– Марина Николаевна, пожалуйста, так интересно! – искренне взмолилась Леля

– Мне самой интересно. К тому же сама печать! Она с рисунком. А я где-то его видела. Это большая редкость: орнамент на византийской печати. Мне надо вспомнить или, если не получится, – она выразительно постучала себя по голове, – показать в фондах. Там Ольга Петровна – она точно вспомнит.

– А сейчас, – бодро сказала она. – Пойдемте–ка, пока наша знаменитость не убежала, покажем клеймо на колечке. А уж потом – на поклон к Ольге Петровне.

Марина Николаевна взяла телефон и куда-то позвонила, переговорив пару минут, повернулась к ребятам и объяснила

ситуацию:

– На ваше счастье нас примут через 5 минут, все-таки я не зря всю жизнь работаю здесь, мне по возможности не отказывают в совете. Вы пойдете со мной?

– Нет, нет, вовсе не обязательно. Зачем толпой бродить, Вы, если можно, покажите сами, – стараясь быть ненавязчивой, проговорила Леля.

– Да, так будет проще и быстрее.

И она, не заметив тихую радость ребят, быстро куда-то ушла.

– Отлично, представляешь, мы бы все втроем потопали... Льву Григорьевичу на радость, – сказал Сережа.

– Лев Григорьевич? А–а... это тот, похожий на добермана, консультант по нумизматике? – подняв брови, иронически протянула Леля.

– Ладно тебе, Лелишна, я что? Специально? Откуда я мог знать, что он бандит?

– Да не обижайся. Надо подумать, как они нас вычислили, откуда они могли знать, что мы пойдём в Эрмитаж?

Сережа задумался и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Точно, у меня мозги набекрень от всех этих событий. Ты же звонила по мобильному телефону!

– Ну и что?

– Да, по сотовому тебя – три секунды просчитать. Они же мафия, у них связи везде. Как я не догадался сразу, эх... дурак!

Было видно, как он раздосадован.

– Ну что ты, в самом деле, Джеймс Бонд? Все просчитать должен? Даже смешно. Ты и так, вон сколько всего знаешь. Даже про оправу догадался – молодец, – оправдывала его Леля, – со мной не сравнить.

Она тоже расстроилась.

– Ну, зато я не умею программы для компьютера писать. Не могут люди все уметь. Будет неинтересно, – примирительно сказал Сережа, и было понятно, что он утешает и себя тоже.

Наконец, с торжествующим видом вернулась Мадлен.

Ребята почувствовали ее настроение и приготовились услышать что-нибудь потрясающее.

– Ну что? – почти шепотом спросили они в один голос.

Марина Николаевна довольно улыбалась, гордясь знаниями своего консультанта:

– Юрий Семенович сказал, что это герб «Слеповрон».

– Значит, фамилия владельца – Слеповрон? – переспросила Леля

– Ну, не так примитивно. Это теперь пишут прямо на чеке – вас обслуживал Вася Петров. А раньше все было сложнее. У каждого мастера было клеймо, а у дворянина – герб. Я думала сначала, что это клеймо мастера, изготовившего оправу. Но это не клеймо, а герб! Польский дворянский герб. У нас в России каждая дворянская семья имела свой герб. А в Польше было иначе. Все польские дворянские фамилии при-

надлежали к нескольким гербам. К гербу Слеповрона из известных семей, проживавших в России, принадлежала семья Коссаковских. Юрий Семенович также добавил, что недавно они делали работу для Пушкинского дома, и этот герб там фигурировал. В 19 веке граф Коссаковский, из древнего польского рода, женился на Александре, урожденной Лаваль. И они жили какое-то время в Петербурге, были знакомы с Пушкиным, хотя, по-моему, не дружны. Да, ее сестра, кстати, стала княгиней Трубецкой. – Исследовательский интерес прямо светился у Мадлен в глазах.

– Лаваль? Дом Лавалей на Английской набережной! Конечно, я знаю!! – воскликнула Леля и про себя подумала: «удивительно, все вертится вокруг этого дома...»

– И у Лавалей, – продолжала Мадлен, – была огромная коллекция живописи, фарфора и серебра. Они были известные ценители прекрасного. Может, эта вещь принадлежала Александре и, выйдя замуж, она заказала оправу и поставила на ней герб своей новой семьи? Хотя, предположений может быть много. – Мадлен одела на нос очки и стала рассматривать рисунок на самой печати. – Не дает он мне покоя, и все из-за того, что я никак не могу вспомнить, где его раньше видела.

– Мы же собирались к Ольге Петровне на поклон? – тихонько напомнила Леля, чтобы не обидеть Мадлен.

– Да, да, забыла вам сразу сказать – Юрий Семенович подписал вам пропуск в фонды. Так что вы сможете пойти со

мною.

– Ура! – дружно шепотом прокричали они, чем заставили Мадлен улыбнуться еще шире:

– Права была Инночка, ты все, как ребенок.

Лельку с Сережей переполняло счастье. Попастъ в фонды Эрмитажа совсем не простая задача. А если у вас там нет специального дела, то и вовсе невозможная. Только наличие хороших друзей может дать повод заглянуть туда на экскурсию, и то со специальным пропуском от руководства музея.

Поэтому ребята, радостно переглядываясь, пошли вслед за Мариной Николаевной, сразу забыв о бандитах.

Глава 14

Идти надо было по той части Эрмитажа, которая спрятана от посторонних глаз и называется служебной. Но атмосфера в этой рабочей части не особенно отличалась от музейной экспозиции. Вся мебель была века девятнадцатого и вовсе не выглядела офисной, хотя и использовалась для работы. На столах среди современной оргтехники вразнобой лежали бесчисленные музейные экспонаты, и красивая бездушность массового производства очевидно проигрывала их индивидуальной старине.

Леля взглянула на Сережу: тот тоже всю смотрел по сторонам. Было видно, что этот музейный мир восхищает его не меньше. У ребят возникло ощущение нереальности, какое бывает только в театре, когда вдруг попадаешь за кулисы. Ты тут же ощущаешь себя чужаком, случайно попавшим в неизведанный мир. Но когда они миновали заветную дверь в хранилище Эрмитажа, ощущение многократно усилилось. Кажалось, они перешагнули в другое временное пространство. Здесь было тихо, спокойно и размеренно.

Милые дамы без возраста, в уютных шالях на плечах, улыбкой приветствовали Мадлен. Они сидели в резных креслах с бархатной обивкой и перед ними, на дубовых столах, вперемешку лежали старинные фолианты, папки с бумагами и современные глянцевые книги. Стены на всю высоту

были застроены старинными шкафами из-за стекол которых виднелись книги, коробки, помеченные большими цифрами инвентарных номеров. На выступающем карнизе, который разделял шкафы на «верх» и «низ», Леля заметила небольшой деревянный ящик, заполненный медными и серебряными крестами. Их было очень много. И, хотя на каждом из них и висела бирка с инвентарным номером, выглядели они совсем не торжественно. «Доберманистый Лев, наверное, умер бы от жадности, увидев такой ящичек», – решила она.

Леля еще не успела подробнее осмотреться, как они остановились рядом с интеллигентной старушкой, которая и оказалась Ольгой Петровной.

– Ольга Петровна, дорогая, помогите нам, пожалуйста, – сказала Мадлен, протягивая ей византийскую печать. – Здесь какой-то рисунок, очень знакомый, или мне кажется?

Ольга Петровна положила печать под большую лупу, закрепленную в специальный штатив. И на экране монитора они увидели рисунок печати крупно и четко. Старушка оказалась отличным пользователем ПК, потому что с отменной скоростью отсканировала изображение и запустила его в компьютерный поиск. Через секунду компьютер уже выдал аналогичное изображение.

– Так я думала, – удовлетворено произнесла она. – Но, впрочем, чтобы зря не ходить, стоило проверить.

И, повернувшись к ребятам, которые стояли, открыв рты, пояснила:

– Это изображение почти полностью совпадает с изображением на костяной шкатулке, которая попала в фонды Эрмитажа из коллекции Николая Лихачева, знаменитого русского коллекционера.

Насладившись впечатлением, которое произвела, старушка улыбнулась и почти заговорщицки произнесла:

– Ну что, пойдём, посмотрим на шкатулку?

Леся с Серегой молча кивнули головами, потому что были слегка ошарашены. Они были оба уверены, что в таком месте ещё пишут гусиным пером по пергаменту, а тут такой прогресс, просто нет слов.

Мадлен, не обращая внимания на обалдевших ребят, с невозмутимым видом произнесла:

– Пойдите здесь, вам дальше нельзя. Мы ходим за шкатулкой, а вы ничего не трогайте на полках.

Леся не успела ответить, как Мадлен с Ольгой Петровной уже исчезли за бесконечными рядами стеллажей.

С любопытством она стала бродить по комнате, чтобы посмотреть поближе, что же всё-таки нельзя трогать.

– Сережка, ты только посмотри, какие ценности просто так стоят на полочках, – с восторгом воскликнула она. – Я думала, что все в сейфах хранится. А тут можно любую красоту в руки взять, повертеть и пощупать, восторг! Мамочки, это что же – чистое золото?!

– Нет, думаю, позолоченное дерево. Золото, наверное, всё-таки в спецхране лежит, – усмехнулся Сережа. – А как

эта бабушка с оргтехникой обращается?! Подросток позавидует.

– Да, обалдеть можно. Не могу в себя прийти.

– Я тоже. Ощущение, что пещеру Али–бабы инвентаризировали. И без пароля обратно не выпустят.

– Интересно, а почему печать имеет тот же рисунок, что и шкатулка?

– Может, тогда этот рисунок был в моде, – ответил Сережа, – или это знак мастерской того времени. Надо спросить у Ольги Петровны, она, похоже, все знает.

– Нет, – Леля почувствовала, как в голове растет уверенность, что разгадка именно в рисунке. – Они должны как-то соединиться. Непременно.

– Что должно соединиться? – раздался за спиной голос Мадлен.

– Шкатулка и печать.

– А что, неплохая идея, – добавила Ольга Петровна. – Ведь если присмотреться, то на печати рисунок чуть выпуклый, хотя традиционно все печати делались, как геммы, то есть рисунок был врезан.

Она поставила шкатулку на стол и открыла ее.

– Ох, какая красота, – восхитилась Леля. – А где рисунок?

– Посмотри внимательно. Он на дне шкатулки, изнутри. Видишь?

– Да, здорово! Можно, я попробую?

– Попробуешь что? – не поняла Ольга Петровна

– Приложить печать к рисунку.

Ее голос даже задрожал от нетерпения. Она была на сто процентов уверена в своей правоте.

– Ну, попробуй, – улыбнулась Ольга Петровна, – в тебе есть что-то от музейщика. Тот же исследовательский пыл.

Она пододвинула шкатулку под лупу, чтобы были видны все грани рисунка. Медленно, стараясь попасть точно по линиям, Леля приложила печать к рисунку на дне. Но ничего не произошло.

Все замерли в ожидании. Потом от отчаяния, что ошиблась, девушка прижала печать посильнее и чуть повернула. Раздался тихий щелчок и доньшко приподнялось.

– Сломала? – задохнувшись от ужаса, прошептал Сережа.

Дрожащей рукой Леля медленно вынула печать, и на экране монитора они увидели приоткрывшуюся щель, из которой торчали какие-то листочки.

– Ничего не трогать, – скомандовала Ольга Петровна и деловито добавила, обращаясь к лаборантке, – Светочка, звоните реставраторам бумаги, надо достать клад.

Старушка подмигнула Леле и, поджав от восторга губы, покачала головой.

– Сегодня потрясающий день! – значительно проговорила она, – Ты, девочка, разрешила настоящую загадку. – Она помолчала, сдерживая эмоции.

– Я всю жизнь мечтала найти клад! Но как-то не приходилось. Если и были шкатулки с секретами, то всегда пустые.

А тут?!— она еще раз восторженно покачала головой.

Леля с Сережей ощущали примерно то же. Новость разлетелась в один миг. И уже через несколько минут вокруг толпились сотрудники фонда и с интересом разглядывали находку. Но специалисты знали, что самим трогать ничего нельзя. Ветхая бумажка может рассыпаться от прикосновения. Все ждали экспертов. Наконец, они пришли и забрали все с собой, немало разочаровав Лелю. Она надеялась, что ей сразу все выдадут и прочитают. А тут надо ждать.

— Как долго? — нетерпеливо спросила она. — Так хочется поскорее.

— Не волнуйся, они сейчас будут заниматься только этим. Им ведь тоже интересно, — с пониманием объяснила Мадлен. — Пойдемте, пока чаю попьем, а Ольга Петровна нам расскажет об этой шкатулке поподробнее. Правда?

— Да, с удовольствием. И угощу сухим тортиком.

Они сидели в фондах Эрмитажа на замечательных креслах прошлого столетия и пили самый лучший в мире чай. Потому что он был налит хоть и из обычного чайника, но в самой необычной атмосфере. Они в одну минуту почувствовали себя своими в этом загадочном музейном мире. Их приняли, как своих. Пусть и ненадолго... И работа музейщика, такая скучная со стороны, им показалась самой интересной в мире.

— Эта шкатулка, как я уже говорила, — начала Ольга Петровна, — попала к нам в фонд после революции из коллекции

Лихачева. И у нас много ценностей, благодаря его таланту собирателя. Согласно описанию из его архива, он приобрел ее у Александра Александровича Коссаковского.

Она нахмурила лоб.

– Нет, не буду сочинять. Сейчас я поищу поподробнее.

И, встав, куда-то удалилась. Она вернулась минут через двадцать, когда Сережа уже исчерпал все темы для светского разговора, потому что Леля, услышав фамилию Коссаковского, впала в полную прострацию. Тень Лавалей снова упала на эту историю, и это уже точно не случайно. Она не могла ни о чем больше думать и в напряжении ждала Ольгу Петровну.

– Ну что? – почти вскрикнула она, завидев ее.

Ольга Петровна рассмеялась.

– Лелечка, Вы так нетерпеливы. Итак, Александр Александрович Коссаковский был незаконнорожденным сыном графини Коссаковской, урожденной Лаваль. Ее, кстати, тоже звали Александрой. Он жил в России на деньги матери, много пил и гулял, умер в молодом возрасте, имел двоих дочерей. И, кстати, Лихачев пишет, что он подписывал векселя фамилией Иванов, утверждая, что это фамилия его отца. Все это есть в архиве Лихачева. Он написал об этом так подробно потому, что приобретал у него ценные вещи неоднократно. По всей видимости, сынок прогуливал мамино наследство. А вот откуда шкатулка у мамы – непонятно.

– Но у Лавалей же была своя роскошная коллекция, – за-

метила Мадлен, – вполне возможно, что это часть приданного. Тем более, Юрий Семенович сказал, что на оправе герб Слеповрон, а он был гербом Коссаковских. Значит, она была уже замужем, когда заказывала оправу.

– Очень может быть, хотя зачем они тогда ее с печатью разделили? Они ведь должны были знать про тайник.

– Если бы знали, тайник был бы пустой, скорей всего. Хотя они могли и сами его использовать. Только бумага больно древняя, не 19 века.

Слушая эту беседу, Леля чуть не подпрыгнула, когда услышала фамилию Иванова. В голове четко всплыло, что найденные в кладе ценные бумаги были выписаны на имя некоего Александра Иванова. Значит, клад в доме Шаховских был спрятан именно им, внуком семьи Лаваль. Незаконным, но все же. Все удивительно сходилось в одну точку, а именно, к семье Лаваль.

В этот момент все вдруг зашевелились, и она увидела даму из отдела реставрации, которая несла с собой шкатулку.

– Ну, кто желает посмотреть? – торжественно спросила она и сунула флешку в компьютер. На экране отразились какие-то листы бумаги, с текстом на каком-то незнакомом языке. Все было именно какое-то неопределенное. Ничего четкого и понятного, вроде: «Лелечка, иди туда и возьми это», – не было.

– Кто-нибудь знает язык? – с надеждой в голосе спросила она.

– В нашем отделе нет, но не думаю, что это проблема, – спокойно ответила Ольга Петровна. – Это древнерусский, написано скорописью, полууставом. Пригласим эксперта и прочитаем, изучим бумагу, через пару недель будет окончательное заключение. Здесь еще много работы, – почти с удовольствием произнесла она.

«Но у нас нет столько времени», – подумала Леля и вслух сказала:

– А можно мне сделать копию текстов?

– Почему нет? Вы же у нас героиня дня. Только, пожалуйста, помните о том, что публиковать нельзя. Все права на публикацию у Эрмитажа. – И, рассмеявшись, добавила:

– Смотри, не подведи старуху.

– Ну что Вы, Ольга Петровна, какая Вы старуха?! Даже когда Вам будет сто лет, про Вас так нельзя будет сказать. Вы ведь такая умница!

– Ну да, я сама уже музейный экспонат! – улыбнулась она и, наклонив голову, спросила:

– А как насчет византийской печати, вы не оставите нам ее? Хотя бы на время.

– Я принесу ее вам и подарю Эрмитажу, честное слово! – Леля даже прижала руки к груди, чтобы быть убедительной. – Но, прямо сейчас никак не могу. Простите, пожалуйста!

– Ну что Вы, это же ваша вещь, я все понимаю. Только тогда я ее сфотографирую и составлю опись. Она может по-

надобиться экспертам.

– Конечно, делайте все, что надо – мы подождем.

– Это недолго, – произнесла Ольга Петровна, и положила печать под лупу, – буквально пять минут.

И ребятам была предоставлена возможность еще раз убедиться в ее удивительном профессионализме. Вскоре они уже сердечно попрощались со всеми, обещав обязательно созвониться.

Глава 15

Оставшись одни, они нерешительно остановились, не зная, что предпринять.

– Феодорит, Мокий, вы здесь? – машинально спросила Леля

– Все в порядке, мы знаем, что произошло, – послышался успокаивающий голос Феодорита.

– Вы сможете перевести древнерусский язык на современный? – произнесла она несчастным голосом. – Мы не знаем, что делать дальше.

– Ну, наконец-то вы наелись приключений! – обрадовался Мокий, – и настроение у вас как раз для Публичной библиотеки. Когда свой мозг устал, воспользуйся чужим!

– Да..., идем за знаниями. Ты абсолютно прав, Мокий, своих мозгов мне явно не хватает, – страдальчески согласилась девушка.

– Ну, не так критично. Как ты здорово про шкатулку сообразила – музейные дамы были в восторге. Да и мы тоже.

– Правда? Спасибо, – Леля вяло улыбнулась, – ну, наконец-то, и я пригодилась.

– К тому же, пора окончательно разобраться с графьями, да и с бабушками тоже, – подвел итог Сережа. – Вперед! Нас ждут великие дела. Не унывай, Лелишна.

– Это точно, – рассеянно ответила Леля. Было видно, что

она почти не слушает, машинально поддерживая беседу.

Глядя на нее, все замолчали. Девушка смотрела куда-то внутрь себя и ничего не замечала. Она казалась удивленной и расстроенной.

– Да что с тобой, Лелечка? – спросил Феодорит, – поделись с нами.

– Мне пришла в голову глупая идея, и я пытаюсь от нее избавиться, – прошептала она.

– Может, не надо? – посоветовал Мокий и шутливо добавил, – способность рождать идеи – это почти единственное, что отличает людей от обезьян. По крайней мере, так думают дарвинисты.

Сережка хмыкнул, а Лелишна даже не услышала. Она собралась с мыслями и обреченно произнесла:

– Мой прапрапрадедушка был незаконнорожденным сыном графини, фамилию которой я, правда, не знаю, но звали его Александр Иванов. И я думаю, что я незаконная правнучка графини Лаваль.

Она горестно вздохнула и подняла глаза, ожидая встретить сочувствующие улыбки. Но вместо этого увидела глаза Сережи, сверкавшие от восторга.

– Здорово! Вот мы и разобрались с бабушками и графьями одновременно. И не надо далеко ходить, красота! Ты молодец, Леля!

Он похлопал ее по плечу и даже сплясал пару па ногами. Но потом деловито спросил:

– А что это нам дает? Тут я чего-то недопонял.

– Я сама не понимаю, но что-то дает. Мы вернемся к Мадлен и все узнаем про Лавалей. Наверняка она что-нибудь расскажет. Ведь они имели огромную коллекцию.

И она решительно пошла обратно в отдел.

– Конечно, Лавали были известные меценаты и коллекционеры начала 19 века, – подтвердила Марина Николаевна спустя двадцать минут, несколько ошарашенная их повторным появлением. – Но я знаю только общую информацию. Подробности надо спросить у Риты Григорьевны. Сейчас я позвоню и попрошу ее помочь.

Она довольно быстро переговорила по телефону.

– Рита Григорьевна сказала, что сама зайдет через минутку, ей надо в наши края.

А пока я расскажу, что сама знаю. Итак, Александра Лаваль была дочерью Александры Лаваль, – она недоуменно замолчала и, рассмеявшись, добавила, – ну да, они все были Александры. Старшая Лаваль была дочерью Козицкого, статс-секретаря Екатерины Второй. Ее мать была из богатейшего рода горнопромышленников, и поэтому она была самой ценной невестой Петербурга. Но предпочла никому неизвестного француза по фамилии Лаваль, купила ему графский титул и прожила счастливо всю жизнь. У нее было пятеро или шестеро детей, но, по-моему, не все долго жили. Лаваль, про которую мы говорили в связи с печатью, ее

дочь, вышла замуж за графа Коссаковского. Очень знаменитый польский род. Коссаковский был русским послом в Италии и тоже коллекционером. Он увлекался Египтом и даже принимал участие в составлении египетской коллекции Эрмитажа.

Она пожала плечами, не зная, что еще сказать. И тут в комнату вошла какая-то сотрудница.

– А вот и Рита Григорьевна, – обрадовалась помощи Мадлен. – Дорогая моя, помогите мне пожалуйста. Молодежь меня замучила вопросами. И хоть у нас идет абсолютно неофициальное обсуждение, мы все равно нуждаемся в Вашем мнении. Как Вы думаете, откуда у Коссаковской, урожденной Лаваль, могла появиться наша костяная шкатулка? Вы ведь в курсе, что мы там нашли?

Рита Григорьевна оказалась маленькой, очень деловитой женщиной. Она сразу включилась в разговор без лишних предисловий.

– Да, конечно. Все уже в курсе, – она взмахнула ручкой. – Я прекрасно помню каталог по Лавальям, но там не было костяных шкатулок. В их коллекцию входили в основном рукописи и книги; живопись, причем очень дорогая, вроде Рубенса и Рембрандта. И античная скульптура, конечно. Здесь им не было равных. У них даже полы были из мрамора, привезенного из дворца императора Тиберия, – она улыбнулась этому чудачеству.

Затем задумчиво почесала переносицу и посмотрела на

ребят внимательнее. Видно, ее удовлетворил тот интерес, с каким они внимали, и она решилась продолжить. Неторопливо, чтобы не возникло ощущение, что она настаивает на своем мнении, Рита Григорьевна сказала:

– А вот по поводу шкатулки и печати у меня есть одна мысль. Почему они оказались именно у Александры, и она ими так дорожила, что даже сделала специальную оправу? Дело в том, что она воспитывалась в основном у бабушки. Значит, это мог быть подарок Козицкой своей любимой внучке, а вовсе не приданое от матери. К тому же, как известно, она с матерью была в натянутых отношениях. Так что, я думаю, – это наследство Козицких, а не приобретение Лавалей. Но это так, умозрительные заключения, не более того.

– А Козицкая имела коллекцию древностей? – спросила Леля.

– Точно неизвестно, она сама была из Симбирска, младшая дочь горнопромышленника Твердышева–Мясникова. Они были так же богаты, как Демидовы. За своего секретаря ее сосватала Екатерина Вторая. В этом роду был гениальный талант бизнесменов, а не коллекционеров. И женщины там были, несомненно, очень умны. Они сумели правильно воспользоваться своими деньгами. Породнились с Голицыными, Трубецкими, короче... составили светскую элиту общества.

А еще я фамилию Твердышевой встречала в связи с опальной царицей Евдокией Лопухиной. Она была монахи-

ней и находилась с ней в Суздале в Покровском монастыре в одно и то же время. Вдруг она родня Твердышевых–Мясниковых и шкатулка родом из монастыря? Все-таки византийская вещь. Там могли хранить какие-нибудь христианские святыни.

– Хотя ..., мы все любим пофантазировать. Но только на неофициальном обсуждении, – добавила она.

– А кем приходилась Твердышева Лопухиной? – почему-то взволнованно спросила Леля, чем вызвала удивленный взгляд Сережи. Но Рита Григорьевна спокойно объяснила:

– Да, может, никем. Там ведь следствие велось по делу Лопухиной, поэтому допрашивалось много народу. Есть документы, и в них фигурировала эта фамилия. Я тогда отметила в голове и вот вспомнила. Но это не мой период. Сходите в Публичку, там в отделе рукописей работает Наталья Александровна, она вам поможет, если интересно. Она по моему даже в Суздале исследовательскую работу вела, ну я имею в виду в самом Покровском монастыре, – пояснила она ребятам.

– Спасибо огромное, – с чувством сказала Леля, – восхищаюсь вашими знаниями! Правда, правда. – Она готова была расцеловать музейных дам.

– Ну что вы, всегда рады помочь. Звоните, приходите, проконсультируем с удовольствием. Да и вы, если что узнаете, не забудьте рассказать.

– Конечно, обязательно.

Наконец, все раскланялись. И ребята вновь оказались одни.

– Чего ты вдруг приклеилась к этой Твердышевой из монастыря? – удивленно спросил Сережа, – скорее всего, она просто однофамилица.

– Нет, – убежденно сказала Леля, – она общалась с царницей, была с ней в одном монастыре, я чувствую, что здесь надо искать. Даже если Лопухина ни при чем, то, что Твердышева держала эту шкатулку в руках, я просто в этом уверена.

Девушка выглядела намного лучше, чем полчаса назад. От ее несчастного вида не осталось и следа. Ей просто не терпелось срочно бежать в Публичную библиотеку. И она, потребовав у Сережи, чтобы он вызвал такси к служебному выходу, отошла в сторону переговорить с друзьями.

– Мокий, Феодорит, вы все слышали? Нам надо непременно найти информацию про эту монахиню или послушницу, кем бы она не была в Покровском монастыре!

– Да, Лелечка, – зазвучал ласковый голос Феодорита, – я и хотел, чтобы ты в библиотеке прочитала ее письмо.

– Так ты знал! А что же не сказал? Мы с него бы начали, – удивилась Леля.

– Сама подумай, прочитала бы ты его, и что бы поняла? Нет, все правильно и закономерно, ты идешь своим путем, мы не можем мешать.

– Тем более, что тебе уже раза три предлагали пойти и

прочитать его, – назидательно заметил Мокий.

– Но ты же упрямая, не остановишь, – добавил он. – И пока у тебя в голове нет новой идеи, предлагаю поспешить в нужном направлении.

– А где мне его искать?

– Тебе надо попасть в архив отдела рукописей Публичной библиотеки. Козицкая завещала туда свою библиотеку. Но там никто не разобрался толком. Я помогу тебе найти это письмо, не волнуйся, – разбивающим все тревоги голосом пояснил Феодорит.

Окрыленная Леля поспешила к выходу, где ее за рукав поймал бдительный Сережа

– Про рыжего забыла? Не торопись, надо осмотреться.

Но никого не было видно. И ребята спокойно прыгнули в машину, думая, что все обошлось. При всем желании, они не смогли бы заметить, как за ними, не спеша, отъехал припаркованный мерседес с затемненными стеклами и проводил их почти до дверей библиотеки. С пассажирского сидения вышла высокая дама в строгом костюме и проследовала за ними внутрь.

Лев Григорьевич, прослушав отчет о поездке в Эрмитаж, резюмировал:

– Они что-то накопили в этих фондах. Теперь главное – не спугнуть. Повторяю, для идиотов – он выразительно взглянул на свою команду, – на глаза не показываться. Работает

только Алла Сергеевна. Все остальные – помогают.

Она – дорогой специалист, а я не люблю бросать деньги на ветер.

Глава 16

Публичная библиотека, не так давно переименованная в Национальную, гордость Санкт–Петербурга, пребывала в состоянии ремонта. Внутри здание было покрыто лесами для реставрационных работ и возникало подозрение, что это надолго.

Центральная лестница была закрыта, и, пустившись в обход, ребята слегка заблудились. Дверей было множество, таблички все сняты, а пробежавшие мимо сотрудники улыбались и махали рукой, в смысле – «туда» и исчезали в непонятном направлении.

Не будучи завсегдатаями, ребята в первый момент растерялись. Тут им на помощь пришла очень элегантная женщина, которая участливо спросила: не может ли она чем-нибудь помочь.

– Мы ищем отдел рукописей, – объяснила Леля.

– Тогда вам не сюда, пойдете, я вас провожу.

– Спасибо, – обрадовано произнесла Леля, – но мы можем, конечно, и сами.

– Мне совсем не трудно. Я сама собиралась туда зайти, – пояснила дама, и представилась: «Меня зовут Алла Сергеевна».

Она при этом так искренне улыбнулась, что Леле стало стыдно своего чувства антипатии, которое у нее вдруг воз-

никло. Она изо всех сил загнала его обратно и так же приветливо улыбнулась. Хотя, на всякий случай, представляться не стала.

Женщина довела их до входа в отдел рукописей, отворила огромную резную дверь и первой вошла внутрь. Ребята последовали за ней. Они оказались в узком проходе между витринами, придвинутыми к задникам старинных шкафов, к недрам которых вправо и влево вели тесные проходы. Впереди дорогу перегораживал огромный круглый стол, заваленный папками со старинными гравюрами. Алла Сергеевна уверенно обошла стол и двинулась вглубь прохода, туда, где виднелась еще одна массивная дубовая дверь. В следующем помещении у Лели и Сережи появилось ощущение, что они снова попали в музей.

Они вошли в небольшую полутемную залу, сплошь уставленную резными столами под зеленым сукном. На каждом столе горела лампа с зеленым же абажуром. Вокруг все стены от пола до потолка были заставлены старинными книжными шкафами, разделенными такими же, как в Эрмитажных фондах, карнизами.

Но если в музее трогать ничего было нельзя, то здесь, напротив, к шкафам то и дело подходили люди, открывали их, брали старинные книги в кожаных тисненых переплетах и относили их на свои столы. Леля с Сережей тоже решили занять какой-нибудь стол, однако, это оказалось не так просто: почти все места были заняты. Ребята растерянно огляну-

лись. И тут сзади себя они заметили дежурного библиографа. Эта была красивая молодая женщина, сидевшая за огромным письменным столом со стопками книг и что-то сосредоточенно писавшая. Стоящая перед ней табличка гласила: «сегодня дежурит библиограф Наталья Александровна N*». Ребята радостно устремились к ней.

Наталья Александровна как-то сразу догадалась, кто они и от кого пришли. Видно было, что Рита Сергеевна уже успела позвонить ей и рассказать эрмитажную сенсацию.

– Я слышала, вы взволновали весь Эрмитаж! – сказала она тихим голосом, улыбнулась и посмотрела на них так, как будто они сами сделали эту шкатулку. – А что бы вы хотели посмотреть у нас?

– Мы хотели пройти в фонды и посмотреть библиотеку Козицкой, – сразу сообщила Леля, решив, что время не ждет.

Но Сережка уже попал под обаяние этой женщины. К немалому удивлению Лели, он вдруг заговорил проникновенным голосом:

– Не могли бы Вы рассказать нам, если это Вас не затруднит, о том, что произошло в Покровском монастыре, когда там пребывала Евдокия Лопухина?

Наталья Александровна взглянула на него, широко открыв глаза:

– А в каком объеме? Это же любимая тема всех историков. Столько всего написано и придумано, не передать.

Сережка смутился.

– Нет, я, в общих чертах, конечно, в курсе. Нас интересует больше Твердышева, про нее говорила Рита Григорьевна. Якобы это она могла быть владелицей шкатулки. Хотя все, конечно, интересно, – добавил он, – Ну, все, что сочтете нужным.

Он запнулся и окончательно замолчал.

Смущение Сережи передалось Наталье Александровне. У нее зарумянились щеки, и она начала рассказывать:

– Лопухина, как известно, первая жена Петра Первого. Законная русская царица, которая совершенно незаконно была сослана им в Покровский монастырь города Суздаля. Двадцать лет она жила в монастыре вдали от двора, и, если когда-то и желала власти, то за эти годы, я думаю, стала совсем другим человеком. У нее появилось много друзей из духовенства, ее любили в Суздале. И главное: она встретила свою настоящую любовь, любовь сильную и взаимную. Так что домыслы о ее интригах и посягательстве на престол, появившиеся в ходе следствия, были выдумкой и предлогом для жестоких казней, которые затем последовали.

Петр получил донос о том, что Лопухина переписывается и иногда даже видится со своим единственным сыном Алексеем. Выяснилось также, что духовенство разрешило ей не жить по-монашески, и что она носит обычное платье и даже имеет друга. И тут весь этот ужас и начался.

Наталью Александровну очень красил румянец, который не переставал играть у нее щеках во все время рассказа, по-

догреваемый Серезиным вниманием.

– Велось дознание по поводу заговора, допрашивались и все монахини. В этой связи в документах впервые всплывает фамилия Твердышевой. Второй раз о ней говорится в материалах о переводе Лопухиной на жительство в Успенский монастырь в Старой Ладогe, где она впоследствии прожила еще семь лет. В церковных книгах Старо–Ладожского монастыря через восемь лет после прибытия туда Лопухиной зафиксирована смерть монахини Твердышевой. Вроде все. Хотя вот что удивительно: Петр очень жестоко расправился со всеми участниками или подозрительными, заодно казнил всех, кто хотя бы проходил рядом. Непонятная жестокость, ведь двадцать лет прошло! А своего родного сына, как известно, собственными руками замучил до смерти. Но почему-то Твердышеву не тронули... Думаю, она была очень умна и вовремя уехала с глаз долой. Тогда ведь специально не искали, перевешали всех, кто под руку попался, а про остальных забыли.

Она грустно улыбнулась Серезе.

– А как ее звали? Вы не помните? – Сереза с восхищением смотрел на Наталью Александровну.

– Твердышеву? Отчего же, знаю. Ее звали Татьяной. А вот мирское имя не известно. Старица Татиана, да и все. Знаете, я ведь была в Суздале, работала в фондах. Там такие вышивки царицы лежат – просто диво дивное. Она такую красоту руками создавала, что словами не передать.

И Наталья Александровна замолчала, очевидно, ей нравилась опальная царица гораздо больше ее прославленного супруга.

Леля, глядя на умильное лицо Сережи, неожиданно почувствовала, что злится. «Вот ведь прицепился. Мог бы и в интернете про Лопухину почитать!» – раздраженно подумала она и решила срочно вернуться в деловое поле.

– Очень интересная информация. Спасибо. Но нам надо теперь попасть в фонд и посмотреть библиотеку Козицких. Это можно сделать прямо сейчас?

– Я не знаю, надо посмотреть по каталогам, где библиотека находится. А у вас есть допуск к архивным фондам?

Леля отрицательно покачала головой. Наталья Александровна прелестно наморщила лоб, виновато улыбнулась и произнесла:

– Тогда я сама попробую найти, потому что вас пустить туда точно не смогу. А что конкретно вам надо?

– Честно говоря, я очень приблизительно представляю, – ответила Леля.

– Ну, хорошо, пойду, узнаю для начала, где хотя бы надо искать, – сказала Наталья Александровна и, действительно, сразу ушла.

Леля посмотрела на друга и покачала головой:

– Представить себе не могла, что ты можешь быть таким романтичным. Мокий, думаю, незримо смеется над твоим – «Наташа, если это Вас не затруднит!» – ехидно передразнила

она.

– Ничего подобного! – возмутился спелеолог, – я просто вежливо разговаривал. И если бы я не задал правильный вопрос, мы не узнали бы про Твердышеву. Надо мне спасибо сказать, а не ревновать без причины.

– Я ревную? Ну ты нахал, – Леля фыркнула, но передумала ссориться и серьезно сказала:

– Ладно. Надо срочно придумать, как мне попасть в архив. Ведь только Феодорит сможет показать, что и где надо искать.

– Не только тебе, но и мне, – ответил Сережа, – я могу уговорить Наталью Александровну меня провести. Если меня поймают – придумаю что-нибудь.

– О, нет! Только без жертв, я их вовсе не прошу, – театрально подняла руки Леля.

И в этот момент к ним подошла Алла Сергеевна.

– Ну как, нашли, что искали? – дружелюбно спросила она.

– Не совсем, – честно ответила Леля, – нам бы в архивные фонды попасть, чтобы найти одну книгу из частной библиотеки. Было бы быстрее.

– Что ж, у меня есть допуск в любые фонды и к любым изданиям. Я попробую вам помочь, подождите здесь минутку. – И она тоже ушла.

Леля удивленно повела плечами:

– Что это она такая любезная?

– А ты, наверное, голодная, – решил Сережка, – раз тебя

все раздражает. Надо сходить и поесть после архива. С утра ничего не ели, вот ты и злишься.

Леля сердито взглянула на него, но решила не вступать в дискуссию, и, отвернувшись, сказала:

– Феодорит, нас по всей видимости сейчас пустят. Скажи мне, пожалуйста, что хоть примерно искать?

– Надо найти издание Псалтыри от 1718 года, там на 33 странице вложено письмо. Оно нам и нужно. Когда подойдем поближе, я тебе подскажу.

Алла Сергеевна действительно имела большие возможности, поскольку буквально через пять минут ребят пригласили в архивный отдел.

Нужные полки с помощью Натальи Александровны нашлись довольно быстро. А дальше с помощью Феодорита письмо нашлось еще быстрее.

– Сегодня у вас день находок, – сказала Наташа своим нежным голосом.

– Да? А что еще сегодня нашли? – как бы невзначай бросила Алла Сергеевна, помогая расставлять папки.

– Не могу сказать, это Эрмитажная работа, и она еще не готова. Так что до публикации это тайна, – улыбнулась Наташа, чем приятно порадовала Лелю: хоть не болтливая.

Алла Сергеевна понимающе кивнула, и не стала ничего больше спрашивать. Всем не терпелось скорее прочитать найденную бумагу.

Письмо инокини Твердышевой своей родственнице ока-

залось сопроводительной запиской к эрмитажной шкатулке. Леля торжественно и медленно прочитала вслух:

«Возлюбленная сестра моя Александра! Письмо сие пишу в многотрудных обстоятельствах, в коих пребываю с Великою Государыней моею, Евдокией Феодоровной. А бедная Государыня моя уже давно каменная сделалась от горя. И молчит она все время и не говорит ни слова, даже слезы уже иссякли в глазах ее, и сама она, как мертвая уже много ден. А я, многогрешная, чем могу помочь ей, Государыне моей? А утром сего дня вдруг заговорила она со мной, сердечная. Дала она мне шкатулку грецкой работы и велела сберечь ее, а что было в ней, сохранить в потаенном месте. Видит она: грядут ей новые тяжкие гонения, и боится, горемычная, что не сможет сохранить тайны, врученной ей. Уж еле схоронила, говорит, сию шкатулку от окаянного Гришки.

Сестра моя, тайна той шкатулки превеликая и исконная, но какая – не ведаю того. Знаю только, что доверена она Государыне моей у Покрова Божьей Матери по пророчеству от другой Царицы–инокини.

Молю тебя, возлюбленная моя Александра, храни ее паче зеницы очес своих. И молю Бога и Отца нашего за блаженного отрока Кирилла, взявшего на себя многотрудный подвиг доставить тебе сие письмо и шкатулку. Прощайте, родные мои. Низкий всем поклон. Мое благословение чадам твоим. Помолитесь о своей грешной сестрице.

С любовью о Господе нашем и Спасителе Иисусе Христе,

раба Божия монахиня Татиана».

На обратной стороне в форме креста была сделана еще одна, очерченная прямоугольником, надпись:

«Простерши руци крест образуем.

Многие силы в нем показуем.

Небесна Царя есть скипетръ сущий

Над царствы земли власть имущий».

За последнее время Леля пережила много волнующих минут. Но почему-то письмо неожиданно оказалось самым сильным впечатлением. Она реально почувствовала прикосновение к мыслям и чувствам женщины, которая была ее предком. И именно в тот момент, когда она писала письмо, в минуту наибольшей опасности. Ведь в нем она будто прощалась со своей семьей, не зная даже, переживет ли эту ночь. Лельке захотелось во что бы то ни стало помочь ей. Даже сейчас, спустя несколько столетий, она чувствовала тревогу ее сердца, надежду, что тайна будет сохранена и открыта только достойным.

«А кто может быть достойнее ангелов? – подумала Леля. – Я обязательно все сделаю правильно, матушка Татьяна, только ты мне помоги. Дай понять, что надо делать, куда в первую очередь идти». – Она зажмурилась, чтобы не видеть окружающих, и чтобы они тоже не увидели переполнявшие ее чувства.

Пред ней ясно встали последние строки из письма, жирно обведенные прямоугольником. «Стихотворение! Именно

в нем – разгадка, – осенило ее. – Конечно, надо прочитать перевод текста из шкатулки и, сложив его со стихотворением, я получу возможность понять, что мне делать дальше».

– Наташа, – произнесла она, хриплым от волнения голосом, – мне надо скопировать текст, пожалуйста.

– Да, конечно. Я сейчас все сделаю, – раздался как бы издалека нежный голос.

«Какая добрая девушка, – Лельку захлестнуло чувство любви, – какие вокруг хорошие люди. Почему мне все так бескорыстно помогают? Удивительно!»

Она пребывала как во сне. Ей казалось, что она видит маленькую келью, горящую свечу и немолодую монахиню, которая чувствует приближение беды и пытается спасти всех, кого может. Конечно, ведь она должна была успеть предупредить царицу. Ведь у нее тоже был дар! Петр помиловал царицу, потому что не нашел никакой зацепки, чтобы казнить! Это она, Татьяна, сделала все, что было в ее силах. Но многие не поверили ей и погибли. Она увезет эту боль с собой в Старую Ладугу вместе с измученной царицей.

– Эй! Ты чего задумалась? – Сережа тронул ее за плечо, – мы будем что-нибудь еще смотреть? Наталья Александровна ждет.

– Нет, спасибо большое, – она вернулась к действительности, – владелицу шкатулки мы нашли, а это – главное. Надо теперь позвонить Рите Григорьевне: пусть эрмитажные будут в курсе. Подождем их заключения, здесь самим не разо-

браться.

Ей почему-то не хотелось ничего говорить, а тем более обсуждать в присутствии Аллы Сергеевны. Казалось, та читает ее мысли, и от этого девушке становилось не по себе. Любовь ко всем на свете, которая ее посетила при чтении письма, уже прошла. А в реальном мире ей хотелось скорее домой, подальше от людей, подумать и поговорить с ангелами. Впечатление от письма было настолько сильным, что не хотелось его потерять, променяв на вежливые разговоры. Хотелось снова побыть в этом счастливом состоянии любви, в котором, по всей видимости, и жила монахиня Татиана.

Она молча взглянула на своего друга.

Сереза почувствовал, что надо прощаться побыстрее. Он улыбался за двоих, и сердечно благодарил специалистов. Потом оглядевшись, взял под руку свою боевую подругу и повел в сторону выхода.

– Подождите, пожалуйста, – сказала вдруг Алла Сергеевна, и Серезка ощутил, как вздрогнула Леля.

– Не оставите свои координаты, вдруг мы еще что-нибудь найдем? – спросила она.

– Давайте лучше Ваши, мы перезвоним через день–другой. – Он улыбнулся самой своей невинной улыбкой. – Не хочется Вас затруднять.

– Конечно, – она порылась в сумочке и протянула им элегантную визитку. – Звоните, не стесняйтесь.

– Обязательно, – Серезка приветственно поднял одну ру-

ку, а другой потащил Лелишну к выходу.

– Ты чего? – удивилась она, – я сама прекрасно дойду.

– Сделай вид, что тебе нехорошо, – наклонился он к ней – сваливаем по-быстрому. Там в коридоре парень стоит, я его как-то у Льва Доберманыча видел.

– Не пугай меня, – шепотом ответила Леля, бледнея на самом деле.

– А может, они не за нами?

– Не будь наивной, если они сюда пришли, то точно не в читальный зал.

И он затащил ее в первую попавшуюся дверь, за которой оказалась небольшая комната, вся заставленная стройматериалами.

– Феодорит, Мокий, нужна ваша помощь, вы здесь?

Они с облегчением увидели своих друзей.

– Без паники! – бодрый голос Мокия вернул им присутствие духа, и они сразу заулыбались и почувствовали прилив сил.

– Спасайся, кто может? – поинтересовался он.

– С удовольствием, но мы не знаем, как.

Феодорит задумчиво посмотрел на Мокия.

– Как ты думаешь, они пролезут в отверстие, где раньше был дымоход?

– А почему нет? Трубочисты раньше везде пролезали, – бодро ответил тот.

– Феодорит, неужели это ты предлагаешь? – жалобно

спросила Леля. – А что, другой идеи совсем нет?

– Есть, но не такая интересная, – пояснил Мокий и показал на спецодежду строителей, сваленную на деревянных козлах для ремонта.

– Гениально, – мигом сообразил Сережа, – как в американских боевиках. Устраивают пожар, чтобы смыться, переодевшись пожарными.

– Ну, вам обоим переодеваться не обязательно. Вас ищут парочкой, а вы выйдете по отдельности. Девушка не привлечет внимания. Тут все сотрудницы – девушки. Главное, не отклоняйся от нужного маршрута, мы подскажем, как лучше выйти.

– А где мы встретимся? – спросила Леля, – может, в метро сразу нырнуть, там никто не найдет. А потом через час у тети Инны. Договорились?

– Хорошо, только ты иди первая, если что, приду на помощь.

– И не делай шпионский вид, – добавил Мокий. – Настоящий библиотекарь – быстрый, спокойный, без излишних эмоций. Правда, если с ним разговаривать томным голосом, – он с улыбкой посмотрел на Сережу, – он может и покраснеть. Но это бывает очень редко.

– Так... Я попросил бы без комментариев, – пропыхтел Сережа, втискиваясь в заляпанный комбинезон, и возмущенно добавил: – Чего-размер-то такой маленький, может, он женский?

– А может – детский? – поинтересовался Мокий.

– Не мучайся, возьми другой, – рассмеялась Леля. – Ну, я пошла. Феодорит, ты со мной?

– Конечно, выходи, и, не поворачивая головы, направо. Иди до конца по коридору, никуда не сворачивая.

С помощью друга девушка успешно прошла на выход и побежала в метро. Там она, следуя законам детективного жанра, поменяла пару поездов и через час вернулась в тетушкину квартиру дожидаться Серегу.

Феодорит куда-то исчез и Лелишна осталась наедине со своими мыслями.

Волшебное чувство, которое посетило ее при чтении письма, давно исчезло, осталась только тревога: как доберется Сережа? Воображение услужливо рисовало всякие ужасы, и она изо всех сил стараясь сосредоточиться на чем-нибудь обыденным. Например, на ужине. Обед давно закончился, и все нормальные люди шли домой ужинать. «А ненормальные бегают от бандитов», – грустно причислила себя Леля к определенной категории граждан.

Настроение было задумчивым, и она решила начать со звонка маме, чтобы потом на это не отвлекаться. Она позвонила маме с обычного телефона, и, выяснив, что все хорошо, никто не замерз и все сыты, оставила их на дальнейшее попечение тети Инны. Так уж получилось, что с тех пор, как мама стала часто болеть, Леля была за старшую в семье и так привыкла к этому положению, что не представляла, как маму

можно оставить одну с Машей без дополнительной опеки.

Леля сидела на кухонном диванчике, поджав ноги и мысленно перебирала все события сегодняшнего дня, пытаясь вспомнить подробности и составить цепочку событий.

Итак, монахиня Твердышева хранила шкатулку, в которой спрятала информацию о какой-то тайне. Или не она спрятала, но она об этом точно знала. И отправила эту шкатулку на хранение своей сестре. Но ничего больше, чем в письме, ей не сказала. Она, наверно, собиралась взять ее обратно, когда все закончится, но не успела. В результате шкатулка осталась у сестры, и она передала ее своей дочери, а та, в свою очередь, своей внучке. У той девочек не было, и шкатулка досталась сыну, который продал ее Лихачеву, а печать спрятал.

Все понятно и логично. Ясно и то, что никто из них о секрете в шкатулке не знал.

Знала только монахиня. Но кто спрятал текст? Очевидно, что какая-то их прабабка, а вот когда – скажет Феодорит, когда прочитает.

Все отлично, решила она, только Сережи давно нет, и ангелы куда-то пропали.

– Не дай Бог что-нибудь случилось, – подумала она, и тут же пожалела, что позволила этой мысли залезть в голову.

Бабушка Нина ей всегда советовала сражаться с такими мыслями, как с врагами. Потому что они несут вред здоро-

вью. И, действительно, тревога вместе с адреналином застучала где-то в районе желудка. Тетя Инна при этом начинала есть, и желудок на время успокаивался, но у Лели этот номер не проходил, желудок сжимался и отказывался вообще что-либо пропускать внутрь. Поэтому она стала ходить из угла в угол, боясь позвать ангелов. Вдруг они его выручают, а она своей истерикой все испортит. Нет, надо просто подождать, скоро сами объявятся.

Феодорит с Мокием появились неожиданно, когда Леля уже готова была заплакать.

– Ну, что? Где Сережа? Я вся извелась! Его поймали эти уроды? Да? Ах! Нельзя было его отпускать в этом маскарадном костюме, конечно, его вычислили.

– Лелечка, успокойся, все хорошо, – ласково проговорил Феодорит, и у нее сразу отлегло от сердца. – Он жив и здоров.

– Пока здоров, – добавил весело Мокий. Феодорит с укоризной взглянул на него.

– А что? Неизвестно, что с ним будет под конец смены, – шутливо оправдался Мокий.

– Какой смены?! – вскричала Леля.

– Понимаешь, – проникновенно начал Мокий, – когда мы уже собрались уходить, вдруг приходят рабочие вечерней смены. Бригадир его и спрашивает: «Ты что, новенький?» А Сереже ничего не оставалось, как кивнуть головой. И его, не долго думая, отправили на объект вместе с двумя другими рабочими. Он вначале хотел свинтить, а потом неудобно

стало: ведь работы на троих дали. Так что теперь работает.

– Вы серьезно? – она вопросительно взглянула на Феодорита, пытаясь увидеть шутку в его глазах, но поняла, что это правда.

– Не переживай, отработает – вернется.

– Он же голодный, когда у них рабочий день заканчивается?

– Уже скоро. Я за ним присмотрю, – Феодорит заботливо улыбнулся Леле.

Она кивнула головой и плюхнулась на диван. Феодорит исчез, а Мокий заговорил неожиданно грустным голосом:

– Хороший, наверное, был бы человек этот завхоз библиотеки, если бы не был таким бессмысленным.

– Какой еще завхоз?

– Тот, который ремонтом руководит. Разрушает историческую ткань и даже не понимает этого. Нет у человека чувства истории. А значит, и Бога в душе нет.

– Почему это? – Леля заволновалась: история никогда не была ее любимым предметом, и особым интересом к ней она тоже похвастаться не могла.

– Лелечка, а что такое история? Это же Промысел Божий на земле. И человек, живущий вне истории, не ценящий ее свидетельств, живет вне Бога и вне Его Промысла.

– Я не понимаю, – Леля почувствовала, что этот разговор задевает ее все больше.

– Проще говоря, жизнь на земле – это повесть, которую

рассказывает Бог. Сравнение, конечно, очень приблизительное, но зато понятное. А человек, живущий так, как будто мир появился с его рождением и с его смертью закончится, напоминает фразу, вырванную из текста этой повести. А такая фраза всегда лишена смысла.

– Не слишком ли это жесткое определение? – Леле показалось страшным, что такой веселый и добрый ангел как Мокий говорит такие ужасные слова о бессмысленности жизни, может быть, миллионов людей.

– Не огорчайся, – ответил ей Мокий. – У тебя все впереди. Наполняй свою жизнь смыслом.

Сергей появился совсем под вечер. От радости, что все снова вместе, Леля бросилась ему на шею.

– Ух ты! Мне сегодня определенно везет, – спелеолог радостно схватил Лельку в охапку. Та сразу смутилась и стала вырываться, чем развеселила его еще больше.

– Ладно, Леля, я же шучу. Не хочешь обниматься – давай корми, что ли. А то я голодный и усталый, короче, как рабочий после смены.

Они посидели на кухне, весело обсуждая прошедший день. Беззаботно смеясь над своими приключениями, особенно над тем, что Сереже пришлось поработать маляром в Публичке. Потом решили, что на серьезные размышления у них нет никаких сил, оставили Феодорита и Мокия изучать рукопись, а сами разошлись по комнатам спать.

Когда они ушли, Феодорит вздохнул и посмотрел на Мок-
ия:

– Они будут счастливы вместе.

– Только пока об этом не догадываются, – улыбнулся в
ответ ангел.

– Всему свое время. Время молчать и время говорить,
время любить и время ненавидеть.

– И нет ничего нового под солнцем.

Глава 17

У Льва Григорьевича был суматошный день. Он нервно ходил по своему кабинету в ожидании информации от агентов. Все шло не так быстро, как ему хотелось. Во-первых, он никак не мог связаться с Ровшаном и очень нервничал, не предпринял ли тот своих шагов. Очевидно, что беседа не удовлетворила этого гордого азербайджанца, и он ни за что не согласится быть вторым лицом при раздаче пирога. Во-вторых, его команда была незаменима при выбивании денег, но в качестве сыщиков она являла собой полную безнадегу. Бандиты радостно отрапортовали, что в Эрмитаже все прошло без накладок, но их шеф в этом сильно сомневался.

Чтобы не ошибиться в столь важном деле, он принял решение пригласить специалиста с корочками сотрудника федеральной службы. Фраза «в целях государственной безопасности», как известно, открывала все двери, да и в большинстве случаев гарантировала высокий профессионализм.

А пока Лев Григорьевич ждал и раздражался от своих мыслей. Он не мог понять такое поведение. Зачем, имея на руках такие ценности, эти ненормальные таскаются по музеям и библиотекам? Или они пытаются оценить находку самостоятельно, или у них есть информация, которую они проверяют. Но зачем так сложно? Почему они ничего не боятся? Может, кто-то их крышует? Но этот кто-то давно бы уже с

ним связался, и они все обсудили бы на понятном языке.

Гордыня тоже терзала душу: а вдруг они считают его идиотом, не способным найти их в столь маленьком городе? Тогда они об этом пожалеют. У него есть связи, он не последний человек в Петербурге. Сами придут и все принесут, и еще просить будут о помощи. Его лицо жестко напряглось и оскал приобрел хищное выражение. Мысленно он уже отрезал всем головы. Но, поймав себя на отвлеченных эмоциях, не позволил желаниям уйти в сторону. Итак, первым делом Алла Сергеевна, потом Ровшан. Эмоции для женщин. Охотник должен уметь ждать.

И все же нетерпение достигло своего апогея, когда вдруг спасительно зазвонил телефон, и он услышал сладкий голос Ровшана.

– Здравствуй, уважаемый Лев Григорьевич, Ровшан беспокоит.

И, после ответного приветствия, продолжил:

– Мне доложили, что твои ребята в полном составе пребывали на вернисаже в столь уважаемом заведении как Эрмитаж. У вас что, борьба за ликвидацию безграмотности проходит?

– А почему тебя волнует этот вопрос, дорогой Ровшан? Желаешь присоединиться? – зло ответил Лев Григорьевич, сразу закипев от намека на недостаток образования.

Но Ровшан не отреагировал, а продолжил более конкретно:

– Я знаю, что они нашли в Эрмитаже...

– Кто они?

– Твоя Лара Крофт со своим приятелем. Хочешь об этом поговорить?

Он сделал выразительную паузу и жестко закончил:

– Приезжай в обычное место через два часа.

– Я буду, – лаконично ответил Лев Григорьевич.

Он отключил трубку и аккуратно положил ее на стол. Ему ужасно хотелось швырнуть ее об стену, но он не разрешил себе это сделать.

Он и так позволил себе огрызнуться на Ровшана, что очевидно было зря. Он помнил бабушкин совет: только глупцы хлопают дверью и уходят. Умные хлопают, и остаются.

Соответственно, надо брать азербайджанца в союзники и в долю. А там посмотрим, – решил антиквар.

Минут десять он обдумывал разговор и уже вполне спокойный встретил Аллу Сергеевну своим собачьим оскалом, попытавшись придать ему самый симпатичный вид. Она ответила ледяной улыбкой вежливости и сразу перешла к делу.

– Они искали письмо монахини Твердышевой к своей сестре. Это письмо – сопроводительная записка к какой-то шкатулке. Вот копия письма. Вот подробный отчет с исторической справкой. Имейте в виду, девчонка очень осторожна и умна. Оба из библиотеки исчезли быстро и сразу. Думаю, почувствовали опасность.

– Ваше мнение по поводу письма?

– Последний стих имеет смысл. Но должно быть что-то еще. Письмо, кстати, осталось в библиотеке, я просмотрела его на предмет скрытых записей – ничего нет. Мне нужно больше информации. Свяжитесь, когда что-то появится. Я попробую помочь.

Лев Григорьевич учтиво поклонился и проводил даму до дверей.

– Благодарю покорно и, с Вашего позволения, буду звонить сегодня–завтра.

Она холодно кивнула головой и ушла.

А Лев Григорьевич вызвал машину и поехал на встречу с Ровшаном. К вечеру у него была вся информация, не было только самих ребят. Они умудрились выскочить незамеченными из библиотеки. Разгневанный и встревоженный, он отзвонился своему дольщику, и Ровшан его успокоил. Никуда не денутся – найдутся. Охотник должен уметь ждать.

Глава 18

Следующий день был ясным и солнечным. Снег растаял и забылся, как неприятное недоразумение. Весна снова вернулась в Петербург. И от этого в душе было радостно, как бывает только весной, когда хочется верить, что отныне жизнь будет полна всего самого прекрасного и чистого. Именно с таким счастливым ощущением Леля прискакала на кухню, напевая и улыбаясь.

– Всем доброе утро, – пропела она и сразу стала накрывать на стол, кипятить чайник и придумывать завтрак.

– Доброе утро, – в тон ей ответили ангелы.

– Сережа тоже встал и делает зарядку в коридоре. У него от непривычной работы что-то спина побаливает, – с улыбкой доложил Мокий. Буквально через минуту на кухню пришел сам спортсмен и понюхал воздух. – Кажется, пахнет пищей! Самый чарующий запах на свете, когда ты реально голоден.

– Ну и замечательно, – сказала Леля, – мне нравится кормить голодных. Они непривередливы и все съедают. Вот попробуй накормить мою сестру Машу – это сложный и наукоёмкий процесс, как скажет моя мамочка.

– Заканчивайте завтрак не торопясь. Мы будем ждать вас в гостиной, – возвестил Феодорит, и они с Мокием исчезли, быстрее, чем Леля сказала: да что вы, посидите с нами.

– Куда это они? – спросила она недоуменно.

– Не знаю, может им не хочется нам мешать.

– А они нам что, мешают? – удивилась она еще больше.

– Кто поймет, что у ангелов в голове? – Сережа улыбнулся Леле и, почувствовав запах кофе, зажмурился от удовольствия.

– Люблю запах хорошего кофе, даже больше, чем его вкус.

– Очень экономно, – рассмеялась Леля, – ты будешь нюхать, а я пить.

– Ну уж нет! Я люблю нюхать только перед тем, как его пить. Так что наливай.

Сережка пил кофе и задумчиво смотрел, как Леля беззаботно моет посуду, что-то напевая себе под нос. «Удивительно, как всего за два дня эта девчонка заполнила всю мою жизнь, – думал он. – Такое чувство, что я только сейчас начинаю жить, а все, что было до вчерашнего дня поблекло, как старые фотографии». Он мысленно покрутил себе у виска, и вслух сказал:

– Лелишна, давай закругляйся с хозяйственной частью. Пошли уже читать секрет из шкатулки, умираю от любопытства.

– Да, действительно. И о чем я сегодня с утра думаю? Конечно, нас ждет самая интересная на свете тайна. И знаешь, почему? Потому что она наша и настоящая. И еще – это тайна, *которая принадлежит истории*, – загадочным голосом закончила она. Виноградов удивленно поднял на нее глаза,

но у девушки был такой радостный вид, что он не стал ехидничать о глобальности ее мыслей, а просто согласно кивнул головой. Все собрались в гостиной и расселись на уже привычные места. На столике лежали копии бумаг, найденных в шкатулке.

– Ну, где перевод? – бодро спросила девушка.

– Перевод у меня в голове. Я же не могу написать его, – вежливо ответил Феодорит.

– Ой, извини, я не сообразила, давай я его запишу, а ты продиктуешь.

– Хорошо, только не торопись, пиши аккуратно и четко.

– Буду стараться! – голосом солдата отчеканила Леля. И она действительно очень аккуратно начала записывать текст, который медленно стал читать Феодорит.

– Буду стараться! – голосом солдата отчеканила Леля. И она действительно очень аккуратно начала записывать текст, который медленно стал читать Феодорит.

«В год 6747 (1239) попущением Божиим нечестивый и безбожный царь Батый пришел к городу Большому Китежу. Хотел сжечь город, церкви Божии разорить, людей мечу предать, детей ножом заколоть, а дев младых блудом поругать, но не смог. Господь Бог загородил ему путь водой. И когда отошли войска нечестивого Батыя, поднялась из воды гора огненная и взошла она на Небо к граду Святому Иерусалиму. И спустилась гора та горящая в другом месте, среди лесов непроходимых в стране Белого озера. И долго горела та

гора, и видно было ее пламя за сто верст кругом, и приходили к ней язычники и дивились и хотели подойти к ней, но не могли: Божественный огонь поपालял их. И когда кончила гореть гора, то стала она черной и называли ее люди Маурой. И произросли на Мауре цветы необыкновенные, но не смели к ним прикасаться, так как боялись гнева Божия. И оставлен был на Мауре след Ангела, который есть печать и знак того, что это место Божие и нельзя туда ходить язычникам.

И была та гора в основании двести сажен в длину и сто сажен в ширину, а высотой была с колокольню церковную по самую маковку, потому что заключен в ней святой град, который восхитил Господь Бог из озера. Потому что решил Господь, что негоже сокровенному городу быть в воде, а гоже ему быть горою, как Святые горы Фавор, Синай и Хорив, потому что на горе Бог являет себя человекам. И основание того города яспис, и смарагд, и сапфир. А стены его из золота, а ворота из цельного жемчуга. И дома того города сияют золотом, которое есть Слава Господа его. И кого избрал Бог снять печать с того города святого, тот должен взять сокровище, каждый свое. И сделается великое знамение на небе. И увидят они подобие печати. И вдруг печать эта станет Женою, которая несла младенца.

И была эта Жена как гора, а младенец этот был печатью и дверью в ту гору. И откроется через ту дверь Царствие, и то, что на Небе, и то, что потаенное в земле».

– Ну вот, – удовлетворенно улыбнулась Леля, – есть ответ на все вопросы. Наш город спрятан в горе, а не под водой. Осталось найти эту гору.

– Ну, если она, в принципе, существует под тем же названием, то это не проблема. Проблема найти вход. И, если нахально предположить, что мы и есть избранные, то остается найти сокровища. Только непонятно, что и где искать. – Сережа взял в руки бумагу. – Дай взглянуть поближе.

Он уткнулся в листок и сосредоточенно засопел. Леля последовала его примеру, ожидая, что ее неожиданно посетит разгадка.

– Так, понятно, что ничего не понятно, – через некоторое время опять констатировал Виноградов. Девушка чувствовала, что все ждут ее решения, но ничего на ум не приходило.

Феодорит удрученно посмотрел в окно. Леля это заметила и решила спросить:

– Ну, что ты там увидел, Феодорит? Ты вообще какой-то грустный сегодня. Что не так?

– Не хотел тебя расстраивать, Лелечка. Но здесь все время наши знакомые бесы рядом выются. Я имею в виду Сайгона и Петуха. Они как будто чего-то ждут. Нет ли какой неприятности впереди. Вот чего я боюсь.

Леля подошла к окну и задернула штору. Ситуация сразу перестала быть романтической и вернулась к реальности. Чувство опасности, появившееся у нее в тот же миг, обострило

и другие чувства.

Она постояла, размышляя над возникшей идеей, и, наконец, решительно произнесла :

– Нам нужна машина. Мы не можем ездить на такси все время, денег не хватит, а на улице показываться нельзя.

– Странный переход мысли, – сказал Сережа. – Извините, но моя машина не подойдет – они ее вычислят за минуту, а так, конечно, было бы здорово.

– Мы возьмем машину моего брата. Он в рейсе. А его жена Галюся мне не откажет.

Лелин брат ходил в море на сухогрузе и по несколько месяцев не бывал дома.

Сережа недоверчиво хмыкнул:

– Галчонок ни в жизнь не даст. К тому же, у тебя нет прав.

– Ха, зато у тебя есть. Да ей нужно просто саму идею правильно подать, тогда она и машину даст, и доверенность напишет, и денег на бензин добавит. Вот увидишь, – сказала она, – и нечего хихикать. Женское братство всегда работает в определенных ситуациях.

– Интересно, в каких?

– Сейчас поймешь, – Леля уже набирала телефон.

Галчонок по всей видимости еще спала, поэтому трубку взяла не сразу и разговаривать явно не хотела. Она вяло отвечала на дежурные вопросы, но Леля была неумолима и не отпускала ее обратно в кроватку, пока та окончательно не проснулась.

– Галюся, представляешь, как обидно, – наконец пожаловалась Леля, – Сережа Виноградов пригласил меня поехать загород на несколько дней, и вдруг у него сломалась машина. Я так расстроена, все срывается, опять одной дома сидеть, мама на даче... Просто чуть не плачу. – Голос, как и положено, слегка дрогнул.

– Тебя?! Загород?! Вы что, встречаетесь? Обалдеть! – Галюся окончательно проснулась. Было почти слышно, как она переваривает информацию. Наконец, она приняла решение и деловито выдала, – хороший парень, обидно будет, если упустишь. Берите Сашкину машину, я ему ничего не скажу.

– Нет, Галка, неудобно как-то.

– Очень удобно, даже не думай, приезжайте прямо сейчас, я вас отправлю в путешествие в лучшем виде. Все, целую.

Леля виновато повесила трубку, ей не хотелось обманывать, но ведь они действительно собираются вдвоем ехать, и действительно загород. Она посмотрела на Сережу и рассмееалась. Тот стоял с буквально отвисшей челюстью:

– Ты реально обалдела, что я потом твоему брату скажу?

– Потом расскажем правду. А сейчас нас о ней просто не спрашивают.

Сережа присвистнул и изрек:

– Кто-то умный посоветовал – послушай женщину и сделай наоборот.

– Не получится, я – главнокомандующий, так что – вперед.

Леля деловито стала собираться.

– А куда мы едем, командир? Или задание нам дадут после выброски десанта?

– Мы едем в Старую Ладугу, – заявила она и сама слегка удивилась этому решению.

Сережа издал протяжный стон, Мокий улыбнулся, Феодорит сдержанно вздохнул. И спелеолог послушно стал собираться, решив, что спорить бесполезно. В итоге, когда приехало такси, его походный рюкзак был готов к любым приключениям.

Галка встретила ребят таинственно улыбаясь и даже подмигнула Сереже, чем вогнала его в краску. Но, надо отдать ей должное, без лишних комментариев выдала им ключи и доверенность на машину и даже сложила корзинку с едой. Смущенные собственным враньем ребята выглядели очень естественно, так что у Галчонка не осталось никаких сомнений на их счет. Она наслаждалась своей ролью доброй свахи и убедила их не нервничать и возвращаться, когда смогут. Так что они получили отличную машину в свободное пользование без ограничений передвижения, и, как выяснилось, с полным бензобаком.

– Восхищаюсь женщинами, – только и сказал Виноградов, садясь за руль и выжимая сцепление.

– Итак, Старая Ладуга. Ты уверена? – спросил он, предвкушая удовольствие от вождения. Леля молча кивнула.

Увидев ее сосредоточенный вид, он больше не стал при-

ставать с беседой и начал пробираться через город в сторону Мурманского шоссе.

Глава 19

Мурманское шоссе, единственная трасса, которая тянется вдоль Ладожского озера вверх по карте из Санкт-Петербурга в Карелию. И, как все российские трассы, она поражает многообразием: от самого широкого автобана до узкой ухабистой дороги, больше похожей на танковый проезд. Но гордое название трасса федерального значения носят все без исключения участки.

Мурманское шоссе, действительно, очень красиво. Это удивительный путь, который пересекает пять крупных рек, следующих одна за другой: Нева, Волхов, Сясь, Паша и Свирь, – все глубокие и судоходные, они несут свои воды, прорезая густые хвойные леса и заливные луга. Здесь, на берегах этих рек, начиналась история Государства Российского. У огромного, как море, и такого беспокойного Ладожского озера выросла первая столица Русской Земли – Старая Ладога. Отсюда по Неве в Варяжское, ныне Балтийское море проходил путь из варяг в греки. Из Ладоги через пороги бурного Волхова русичи пришли когда-то к Ильмень-озеру, где выстроили Новгород, вторую столицу Древней Руси. По этой земле ходил легендарный князь Рюрик, здесь Вещий Олег был укушен «гробовой змеей». Здесь жили и сражались былинные герои. История русской земли начиналась именно в Старой Ладоге. И до сих пор эта земля таит так много за-

гадок и скрывает такое количество кладов, что открывать и разгадывать их придется еще не одному поколению романтиков и ученых.

Леля смотрела в окно и думала: «Мы так много знаем об истории Древней Греции и Рима, о египетских фараонах, о Западных рыцарях, но почти ничего не знаем о том, что было на нашей территории до Петра I. Из школьного учебника, конечно, что-то помним. Какие-то полудикие поляне и древляне бродили, потом Рюрика призвали. И все. А то, что археологи находят здесь поселения людей аж III тысячелетия до нашей эры, то есть, когда в Египте было Древнее Царство, никто, кроме ученых, понятия не имеет. И я не знала, пока вчера Сережа не рассказал. И, между прочим, он сказал, что это были не какие-то дикари с каменными топорами, а люди с металлическими орудиями труда и керамической посудой. И как эти знания наполнят смыслом мою жизнь? Но, наверное, как-то наполнят, раз Мокий сказал...»

– Ты знаешь, – вдруг, словно отвечая ее мыслям, сказал Виноградов, – Старая Ладога странное место. Для обычного человека – просто поселок. А для археолога – лучше, чем Клондайк. Каждый год раскапывают что-то сенсационное! Только сейчас это мало кому стало интересным.

«Потому что люди живут *бессмысленно*. И я жила так. А теперь не буду», – подумала Леля, но вслух ничего не сказала. Она теперь точно знала, зачем устремилась в Старую Ладогу. Именно сюда, в колыбель русской цивилизации, была

сослана царица Евдокия Лопухина. Отсюда Татьяна Твердышева послала свое письмо. Здесь должен начаться и их путь: «Мистическая логика, если такая может быть».

– Вперед, Виноградов! – засмеялась Леля, и ребята вырулили на мурманскую трассу, прибавив скорость.

Начиналась дорога замечательным автобаном, ехать по которому было одно удовольствие. Четыре полосы в каждую сторону, редкость в нашем регионе. Сразу хочется погонять. День был обычный, и народу на шоссе было совсем немного. Сережа выжимал педаль, ощущая удовольствие от управления новым автомобилем, маневренным и послушным.

– Классная машина, очень мне нравится, – поделился он впечатлениями со своей спутницей.

– Угу, – ответила та рассеянно.

Но Виноградову хотелось общаться:

– Ну, Лелишна, поговори со мной, что ты там нашла в окне.

– Не мешай, у меня появилась мысль, и я с ней работаю.

– Здорово, у меня отец, когда лежал на диване с газетой, тоже все время требовал тишины, под предлогом, что он работает с газетой. Он любил работать с книгой, с телевизором, с диваном, с чем угодно, лишь бы его оставили в покое на законных основаниях. Мама всегда мне говорила: тише, Сереженька, папа работает. Анекдот такой был, про бегемота, помнишь?

Он вдруг замолчал и начал крутить головой, Леля удив-

ленно подняла глаза:

– Ты чего замолчал? Какой анекдот?

– Слушай, не поверишь, но, по-моему, за нами хвост.

– Сериалов насмотрелся? – сказала Леля обычную фразу, хотя сразу поняла, что это вполне возможно.

– Конечно, я уже все полицейские фокусы испробовал: ехал то быстрее, то медленнее, перестраивался в разные ряды. Он висит, урод, не отстает, как приклеился. Сейчас попробую заехать на заправку, только ее что-то давно не видеть.

– А что мы можем сделать? Тут только одна дорога, прямо, никуда не спрячешься.

– Попробую от них оторваться. Здесь есть несколько съездов в садоводства. Надо повернуть так, чтобы они не увидели.

И они понеслись, прыгая из ряда в ряд. Машина, которая их преследовала, держалась сзади, как привязанная.

Автобан закончился неожиданно, и буквально – тупиком. Он вдруг резко оборвался и после поворота на девяносто градусов перетек в двух полосную дорогу с встречным движением. Леля, обалдев, посмотрела на машину, которая, по всей видимости, уехала прямо, не успев затормозить, и сейчас ее вытаскивали на шоссе с помощью тягача.

«Хорошо, что там не обрыв, а просто поле. Иначе убились бы точно», – подумала она и сказала сосредоточенному Сереже:

– Как ты успел повернуть? Я думала, что мы тоже улетим прямо.

– Спокойно, я видел предупреждающий знак, хотя, согласен, за такой поворот надо в тюрьму сажать. Слышала, как эти бандиты тормозами заскрипели? Небось колодки-то сожгли, – добавил он злорадно.

– Ага, но не отстали особенно.

– Ничего, держись, сейчас мы в сторону уйдем, сразу после следующего поворота. Я добавлю скорости.

– Сережа, если они нас не убьют, мы сами уьемся, – пропихала Леля.

– Не бойсь, где наша не пропадала!

Виноградов ощущал себя героем, и его несло с огромной скоростью.

Леля зажмурилась и почувствовала, как Сережа ударил по тормозам и съехал направо в какое-то садоводство. Машина запрыгала по ухабам, но скорость держала приличную. Однако через пару минут они увидели, как их преследователи свернули в ту же сторону и несутся следом.

– Вот уроды! Ну держитесь, гады!

Сделав почти полицейский разворот, он рванул им прямо навстречу и, чуть не столкнувшись, пролетел мимо. Те уехали в кювет и остановились.

– Сережа, – через некоторое время сказала осторожно Леля, – эти уроды покрутили нам у виска, ты видел? Как ты думаешь, что они имели в виду?

– А ты ждала, что они нам заплодируют? Но я, честно говоря, не видел, я смотрел, как бы самому не убиться. А кто в машине-то сидел?

– Я не поняла, вроде парень с женщиной или два мужика. Они уже относительно спокойно ехали по дороге, Леля переводила дыхание и смотрела на раскрасневшегося Виноградова, у которого тоже начался «отходняк».

– Смотри, вон бензоколонка, давай остановимся, мне надо в туалет, да и попить тоже хочется. Нам, вообще, надо успокоиться. А мы их не убили, как ты думаешь?

– Если они повертели тебе у виска, значит, были точно живы и здоровы. К тому же, они съехали в небольшую канавку и при этом на маленькой скорости. Думаю, они даже машину не поцарапали.

– Тогда они будут снова нас преследовать, нам нельзя останавливаться.

– Ерунда, они не сообразят, что мы свернули на заправку. Иди и не нервничай, я куплю тебе зеленый чай.

– Лучше простой воды. И чего-нибудь сладкого. Тете Инне обычно помогает успокоиться шоколад.

– Отлично, шоколад в кафе купить проще всего. Вот если бы ты попросила персик...

– Ладно издеваться, – Леля шмыгнула носом и с несчастным видом поплелась в туалет. Ей хотелось отвлечься и не думать о том, что произошло и что может произойти дальше. К тому же как-то очень быстро они вычислили их машину.

Нигде нельзя себя ощущать спокойно.

Она стояла в туалете, охлаждая горящее лицо холодной водой. Кровь, которая застыла в жилах от этой гонки, возвращалась на место, пульсируя в голове. Ужас! А если бы мы разбили Сашкину машину? Если бы мы убили своих преследователей или убились бы сами? Если за нами погналась бы милиция? А если бы на трассе было много машин, мы могли бы устроить аварию, и погибли бы люди. Кошмар какой! С обреченным видом потенциального убийцы Леля вышла из туалета и увидела Виноградова, который стоял на улице рядом с машиной их преследователей и смеялся. Преследователи, довольно молодая пара, тоже улыбались, и все вместе махали ей рукой.

Ожидая все что угодно, она с натянутой улыбкой подошла ближе.

– Леля, ты представляешь, они нас просто перепутали.

– В каком смысле?!

– Понимаете, – начал мужчина, – мы приехали в Питер погостить. Нас друг пригласил на дачу и велел ехать за ним, не отставая, чтобы мы не потерялись. А машина точно такая же, как ваша и номер вроде похож. Мы его потеряли на какой-то момент, а потом увидели вас. И решили, что вы – это он. Ну я и сел на хвост, а вы тут как начали петлять! Ну и чего делать, я тоже гонщик, стараюсь не оторваться... Жена мне в какой-то момент говорит: «Славик, по-моему, он пытается от нас действительно сбежать», а я ей: «Да не волнуй-

ся, ерунда, спешит просто». Мы звоним, а он – вне зоны. А уж, когда вы на нас наехали, тут-то мы и сообразили, что вы – это не он. В общем, мы сами испугались, особенно, когда вы в лобовую атаку...

Он начал смеяться так открыто и искренне, что развеял всякие Лелины сомнения.

– Ну надо же! – повторял он, – приняли за бандитов! А я-то все думаю, чего Колька несется, как бешеный, будто за ним кто гонится?

Леся смеялась вместе со всеми, радуясь, что все оказалось такой ерундой. Но потом все-таки спросила:

– А где Колька, нашелся?

– Нет! Не знаем даже куда теперь рулить, – ответил «преследователь» и захохотал еще громче.

Они отлично посидели в придорожном кафе, ребята оказались очень симпатичными: Марина и Слава, жили и работали под Вологдой, в Питер приехали погостить.

Николай вскоре нашелся сам, увидев машину друзей на парковке. Зайдя внутрь, крепкий и загорелый, он стал ругаться, что они тут чай пьют, пока он по всей трассе носится, как бешеный пес. Но потом, услышав историю погони, пригласил всех к себе на дачу, причем обязательно и сегодня.

– Такой способ знакомства может стоить жизни, – резонно решил он. – А раз все обошлось, то теперь вы – кровные братья.

Дача оказалась недалеко от Новой Ладogi на другой сто-

роне Волхова, в деревне Нямятово.

– Все, решено, ждем вас сегодня в гости, с ночевкой, чтобы нормально посидеть, не напрягаясь. Рыбкой угостим, так что приезжайте, будем ждать.

– Спасибо, – ребята были почти растроганы: удивительно, думали враги, а оказались друзья.

– Вот–вот, – пробасил Николай, – заодно расскажете, кто вас так запугал. Мы, глядишь, и поможем.

Он весело подмигнул ребятам и строго сказал:

– Славка, быстро за мной, меня мой командир ждет с пельменями дома, да и вас тоже. Надеюсь, вы тут не наелись?

И, оставив схему проезда и телефон, их новые друзья умчались по шоссе вперед.

Глава 20

Ребята неторопливо покатали следом. Сережа всю дорогу до Старой Ладого качал головой и тихонько посмеивался, а Леля так расслабилась, что даже задремала. Перед поворотом на Старую Ладого Виноградов растормошил подругу.

– Давай, Лелишна, просыпайся, а то непонятно куда ехать дальше. Нам в саму крепость надо?

– Не, – зевая сказала она, – нам надо в монастырь, в Успенский. Хотя, конечно, хочется по крепостным развалинам походить, но потом успеем. А где мы сейчас?

Она стала внимательно смотреть в окно, пытаясь сориентироваться на местности. Везде была весна. Она чирикала, зеленела, улыбалась солнечными лучами и сияла белыми подснежниками. Леля радостно заулыбалась ей в ответ. За городом было хорошо, в окошко задувал чистый и свежий воздух, сразу захотелось выйти из машины и пойти прогуляться.

– Чудесное место – Старая Ладога, – сказал вдруг Сережа, отвечая ее мыслям. – Хотя таких крепостей в Ленинградской области несколько, но именно здесь всегда охватывает ощущение причастности русской истории. Гордости, что ли... Пусть развалины, село заброшенное, а место чудное. Сейчас модно говорить – энергетика хорошая, но мне это определение не нравится. Техническое слово к ощущению

души как-то не клеится. Скажешь, как обидишь.

– Согласна, не по-русски звучит. Может слово «дух» подходит?

Сережа усмехнулся:

– «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Правда, в детстве мы Пушкина вспоминали, когда навозом в деревне заволяет. Но в данном случае лучше фразу не подобрать.

Они неторопливо ехали вдоль Волхова, отмечая произошедшие за последние годы изменения. Никольский монастырь обновили, сделали красивым и аккуратным. Старую крепость превратили в музей, теперь она в основном выглядела безопасным туристическим объектом. Правда, опытный глаз Виноградова подметил халтуру в новодельной кладке. Но Леля этого не замечала, ей все нравилось.

– Ничего, в дождь заметила бы...

– А почему?

– А потому, что такая кладка насквозь протекает. И это плохо. Вода на старые стены течет и наверняка размывает их.

Но это мрачное замечание настроения не испортило. Все вокруг было такое свежее, умытое, ясное. Все обновлялось и жило так радостно, что сердиться не было никакого желания.

Они подъехали к небольшой речке Ладожке и за ней через мостик увидели сделанные из красного кирпича стены древнего Успенского монастыря. В нем тоже шел ремонт. Но пока чистили только здания. Территория вокруг была в запустении, кое-где стояли развалины уродливых советских по-

строек.

Ребята медленно поехали вдоль забора, соображая, что делать дальше. Поразмыслив, решили поискать могилу Твердышевой. Кладбище, правда, не сохранилось, но в надежде, что им повезет, они вышли из машины и пошли, прогуливаясь, через монастырский двор. Увидев старые ворота, ведущие к реке, Леля радостно побежала к ним.

И тут ее насторожил крик галок, разместившихся на ветвях прибрежных деревьев. Леля удивленно остановилась. Такого количества птиц она еще не видела. Их было несколько сотен. На фоне едва распустившихся листиков они выглядели довольно зловеще. Казалось все деревья покрывает черная шевелящаяся тень. Галки сидели, наблюдая за людьми, вполне спокойно. Но как только ребята попытались выйти из ворот монастырского двора, птицы начали предупредительный галдеж.

– Сережка, они что на нас нападут?

– Да вряд ли. Это у Хичкока птицы на людей нападают, а здесь, может, им просто не очень нравится, что мы их тревожим. Или у них свои разборки.

– Нет, они на меня смотрят. Такое ощущение, что следят глазами, куда я собираюсь идти. Жутковато как-то.

– Не придумывай, пожалуйста. Пошли, вон там какие-то камни торчат из земли, вдруг надпись надгробная есть, хотя это и не похоже на кладбище. Но хоть что-то.

– Да, действительно, надо бы взглянуть.

Ребята совсем немного спустились вниз по склону, как галки вдруг слетели со своих мест и, шумно крича и хлопая крыльями, стали кружить над их головами. Леля от неожиданности вскрикнула и побежала, а огромная стая непонятно почему разозленных птиц, понеслась следом с победными криками. Сережа схватил первую попавшуюся палку и начал махать ею, пытаясь разогнать стаю, но получилось не очень эффективно.

С визгом Леля забежала обратно на территорию монастыря. Она решила спрятаться в церкви, но галки почему-то оставили ее в покое, едва она ворвалась за ворота и с удвоенной силой набросились на Виноградова. Героически сражаясь, он отступил к подруге. И с удивлением отметил, что как только он отошел на определенное расстояние, мерзкие птицы успокоились, расселись на своих ветках и стали победно отряхиваться. Очевидно, их конкретно куда-то не пускали. Галки следили за ребятами своими круглыми глазами, периодически возбужденно перекрикиваясь, но не предпринимали никаких агрессивных попыток ровно до тех пор, пока Сережа не попытался снова пробраться к берегу. Тут же раздался гвалт, и стая закружила над его головой, загоняя за монастырскую ограду.

Ребята были обескуражены таким поведением.

– Может, у них брачный период? Ты не в курсе? – Виноградов пытался найти разумное объяснение.

– Откуда я знаю? Я же технарь. К тому же, они больно

умные и явно что-то охраняют. Смотри, вон женщина сюда идет, может, ее предупредить, чтобы не ходила?

– Нет, не поверит. Если что, конечно, поможем, а так неудобно. Вдруг они только на твою красную куртку реагируют.

– Очень смешно. Даже быки на красный цвет не реагируют, да будет тебе известно.

Женщина, тем временем, вышла за ворота и спокойно пошла по тропинке куда-то по своим делам. Ребята молча смотрели ей вслед и делали это так выразительно, что она даже обернулась. Леля улыбнулась в ответ и обреченно произнесла:

– Эти галки нас караулят. Вот мерзавки! – и погрозила им кулаком.

– Значит, мы на правильном пути, раз они нас туда не пускают, – оптимистично сказал Сережа, – Послушай, они ведь на нас не сразу напали, а только когда мы уже прошли какое-то расстояние.

– Да, вначале они только кружили, а драться стали, когда я подошла близко вон к тому кусту. Но там вроде ничего не торчит из земли. Надгробие намного правее.

– Странно и интересно. Мистика какая-то, без ангелов нам явно не обойтись. И куда они запропали? Мокий, Феодорит! Нужен ваш совет, – позвал он друзей.

И они с удовольствием услышали родной голос:

– Ну, наконец-то позвали, а то мне уже скучно. Феодо-

рит говорит, не вмешивайся, они должны сами определиться. Человек идет по человеческому пути, нам нельзя встречать без разрешения.

– Конечно, – продолжил тихий голос Феодорита, – зато они нашли, где искать. А разгони мы сразу птиц, так и прошли бы мимо.

Он махнул рукой, и Леля увидела, как стая галок с шумом снялась и улетела на другой берег реки.

– Эти галки – привет от Сайгона. Ему здесь нельзя находиться. Монастырь для бесов невыносимое место. А галок насрать в его репертуаре. Но он глуп и не понял, что только помог вам. Они ведь должны были вас куда-то не пустить. Зато теперь мы знаем куда.

Мокий был очень доволен.

– Давай, давай! Пошли скорее. Ну, в каком месте они напали?

– Вот, именно здесь. Только тут ничего не видно.

Ребята присели на корточки и стали разгребать еще холодную землю.

– Подожди–ка. Совсем забыл, – Сережа скинул свой рюкзак и достал оттуда небольшую саперную лопатку. – Вот так будет быстрее и надежнее.

Несколько взмахов, и лопата ударилась о твердый камень. Сергей начал методично и терпеливо расчищать поверхность. Камень был обычный, серый, но через некоторое время стало понятно, что он обработан человеческими руками,

так как имел округлую и плоскую форму.

Еще через полчаса работы стало видно, что перед ними большой плоский камень размером два на два метра. Летом его невозможно было бы найти: примерно в десяти сантиметрах под землей, весь поросший травой, он вообще никак не выделялся бы на поверхности. Только весной можно было нащупать его контуры.

Работа по очистке камня заняла довольно много времени. Леля сбегала к машине за ведром, и они терпеливо поливали его водой, отмывая поверхность, в надежде обнаружить какую-нибудь надпись или рисунок.

Ангелы предупреждали их о редких прохожих. Завидев их, они усаживались на берегу, как просто отдыхающие на природе. Наконец, труд был завершен.

Перед Лелей и Сережей лежала огромная плита с рисунком, выдолбленным по всей поверхности. Они тщательно расчистили от земли все выемки и замерли от удивления. То, что в конце концов получилось, потрясло их до глубины души. Это было изображение человека в полный рост, в тунике, с широко раскрытыми руками, как будто он изображал собою крест. Но это было НЕ Распятие. Это была просто человеческая фигура в виде огромной округлой геммы.

В восторге Леля прошептала:

Простерши руци крест образуем.

Многи силы в нем показуем.

Небесна Царя есть скипетръ сущий

Над царствы земли власть имущий.

– Это откуда? Я забыл, – тоже шепотом сказал Сережа, чувствуя важность момента.

– Из письма монахини Твердышевой к сестре, – торопливо зашептала ему в ответ Леля. – Неужели ты не помнишь?! Мы нашли, что искали. Спасибо галкам. А я их еще мерзавками обозвала. Ну, давай, ложись сюда.

– Это еще зачем?! – сразу нормальным голосом сказал Сережа. – Да и куда ложиться-то?

– На камень, это же ясно. Руки, ноги, – полностью на фигуру. Не зря же она в человеческий рост изображена. Посмотри, она и сделана словно ложе.

– Лель, ты фантазируешь уже ... – начал Сережа. Но его перебил Мокий.

– Давай, спортсмен, все равно ведь не отстанет. С ней проще согласиться, полежишь минутку, и все.

Сережа взглядом попросил у Феодорита поддержки, но тот пожал плечами и кивнул головой, в смысле – не спорь лучше.

– Понятно, сговорились. Решили простудить, уложить на мокрый, грязный камень, да еще почти зимой. Да-а, такое не каждый придумает, – ворчал спелеолог, тем не менее, послушно укладываясь.

Леля внимательно руководила его действиями.

– Ногу левее и голову опусти. Да положи ты ее полностью, не держи на весу. Так нечестно. Полностью ляг, ну пожалуйста-

ста.

Она для надежности придавила его сверху руками. И тут раздался скрежет, от которого Сережа утрамбовался в камень, как влитой.

– Что ты сделала? – испуганно спросил он. – Я куда-то провалился.

– Да нет, если только чуть-чуть, – встревожено отозвалась Лелишна, – А откуда такой звук?

Звук действительно нарастал, казалось, что-то тяжелое с трудом сдвигают с места.

– Ух ты, – восторженно воскликнул Мокий, – здесь проход образуется.

– Какой проход? Где? Подо мной? – Сережа попытался подняться, но не мог. Камень был скользкий, и при этом он плотно лежал в углублении, так что не мог самостоятельно даже сесть.

– Лель, да вынь ты меня отсюда! Мне же ничего не видно, что происходит.

– Извини, давай руку! – Она помогла ему выбраться, заодно объясняя происходящее.

– Изображение ушло вглубь и, наверное, сдвинулся какой-то механизм. Проход образуется как раз рядом с тем надгробным камнем, который ты заметил. Вон Мокий руками машет.

В возбуждении они бросились к ангелу, забыв обо всех предосторожностях:

– Ну, что там? Видно что-нибудь?

– Тихо, Лелечка, – раздался спокойный голос Феодорита, – не привлекайте внимания, здесь все-таки монастырь, кладбище. Мокия ведь никто не слышит, а на ваш крик вся Ладога сбежится.

Леля виновато закрыла рот рукой.

– Ой, спасибо, что напомнил. Сережка, кричи шепотом, а то нас в милицию заберут за вандализм.

Она, прикусив губу, подбежала ближе и увидела обалдевшее от счастья лицо Виноградова.

– Вот это да! Сбылась мечта идиота, – спелеолог даже охрип от волнения.

В наклонной части небольшого холма, в том месте, где только что лежал камень, образовалось отверстие достаточное большое, чтобы в него мог войти человек. Почти вертикально вниз шли полуразвалившиеся ступеньки.

– Ой, как интересно! – Леля сразу же рванулась посмотреть, но в Сереже уже проснулся профессионал.

– Куда? Стоять!!! – схватил он ее за шкурку. – Надо подготовиться. Мы туда влезем не раньше, чем я возьму все необходимое. Понятно?

– Да понятно, понятно! Пусти! – стала выворачиваться Леля, – Спокойно, я никуда не полезу, не надо меня больше держать.

Сережа разжал руку:

– Извини, я испугался за тебя. И, кстати, надо замаскиро-

вать все, что мы раскопали. Я буду собираться, а ты засыпь камень старой листвой. Мокий, Феодорит – смотрите, чтобы никто не появился.

– Я так понимаю, командир ставит ангелов «в дозор»? – поинтересовался Мокий.

– Попрошу без лишней критики, – спелеолог был непробиваем, как скала, и уже не принимал никаких шуток.

Он быстро собирался. А Леля сфотографировала камень с десяти позиций, потом лаз, потом общий вид, потом вид со стороны монастыря. Увлечшись, она могла продолжать фотосессию еще долго, но вмешался Виноградов. Получив выговор за безделье, Леля с сожалением заложила дерном и засыпала ворохом старых листьев уже столь любимый ею камень.

Виноградов, тем временем, сходил в машину и вернулся оттуда с кучей полезных вещей, вроде троса и фонаря. Он перепаковал свой рюкзак, выдал Леле на голову платок и в руки фонарь, а потом спросил невинным голосом:

– Слушай, может, я туда один схожу, а ты меня здесь подождешь? А?

– Фигушки, даже думать не смей. И, кстати, нам фонари не особо нужны. Ангелы светятся в темноте очень приятным светом. Мы уже лазали вместе по подвалам, – добавила она гордо.

– Хорошо. Мокий, посмотри, пожалуйста, там не опасно?

– Ну хоть кто-то сообразил попросить, удивительные вы

люди, – произнес Мокий и уже через мгновение сообщил:

– Здесь большая зала, потолок довольно высокий, похоже на подземную часовню, есть ходы в две стороны. Ничего опасного не вижу.

– Опасность может быть не видна, так что будьте ко всему готовы, – добавил Феодорит.

– Всегда готовы, – радостно ответил Сережа и, привязав веревку, стал спускаться вниз. Спуск оказался неглубоким, не более трех метров. Леля полезла следом и почти свалилась вниз, так как часть ступеней не выдержала вторичной нагрузки и обвалилась. Тихо охнув, она оказалась на земляном полу, но не ударилась, так как Сережа успел ее подстраховать.

– Ужас, назад полезем по канату? – жалобно простонала она, глядя на кусочек неба над головой и висевшую веревку.

– Не страдай, лазанье по канату сдавать не будем, только подтягивание на перекладине, – Сереже стало смешно, но взглянув на ее обреченное лицо, он добавил:

– Не бойся, я вылезу сам, а потом вытащу тебя. Это мне вполне по силам.

Леля сразу перестала об этом думать и начала оглядываться по сторонам. Они стояли в небольшой зале, из которой уходили два коридора в неизвестных направлениях.

Феодорит и Мокий, склонив головы, предстояли большому каменному кресту и слегка светились, от этого казалось, что и сам крест мерцает золотом. Подойдя поближе, Леля

увидела, что огромное Распятие вырублено прямо в скальной породе, блестящей вкраплениями слюды и кварца. Перед Распятием из того же камня был сделан высокий престол, на котором лежала каменная доска с какой-то надписью. Чтобы разглядеть ее получше, Леля стала сдувать пыль, чихнула и, не удовлетворившись результатом, решила протереть доску рукой. Тяжеленная на вид плита неожиданно легко сдвинулась с места.

– Смотри, она двигается – радостно обернулась Леля, – Под ней может быть тайник!

– Подожди, ничего не трогай, – зашипел он, но было поздно. Раздался знакомый скрежет и камень, который закрывал проход в часовню, медленно вернулся на место. Тишина, которая возникла, была абсолютной до ужаса.

Если бы не ангелы, Леля, наверное, заплакала бы от страха. Она тихонько предложила:

– Я попробую пододвинуть обратно. Дверь, наверное, откроется?

– Ничего. Не трогай. Больше. – Отчеканил спелеолог. – Механизм не работал лет триста, он может вообще больше не сработать. Смотрим, что надо и потом попробуем выйти, все ясно?

– Вполне, – виновато прошептала Леля.

Сережа кивнул головой и включил фонари. Они стали тщательно осматривать подземелье. Кроме креста, столика с доской и двух проходов, больше ничего не было видно. Се-

режа решил изучить начало коридоров, а Леля встала перед огромным крестом и принялась его рассматривать.

Крест был вписан в круг и покрыт красивым плетеным орнаментом по всей поверхности. Нижняя его часть образовывала постамент, испещренный замысловатым узором из древнеславянских букв.

– Тут что-то написано? – спросила она Феодорита.

– Да, это охранительная молитва Честному Кресту от врагов. Начинается словами «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Очень сильная молитва.

– Здесь, наверное, молились о помощи в лихие времена.

– Конечно, все подземелья строились для того, чтобы в них прятаться самим и прятать все ценное от грабежей. И, конечно, везде были подземные церкви или часовни, чтобы люди могли молиться Богу даже под землей. Тогда это было не менее важно, чем хлеб и вода.

Повинуясь внутреннему порыву, Леля опустилась на колени и, перекрестившись, проговорила:

– Помоги и спаси нас, Господи!

Ангелы бесшумно опустились рядом, склонив головы.

С трепетом в душе, Леля неумело помолилась, а потом искренне залюбовалась простой красотой этого алтаря. Свет, исходящий от ангелов, освещал крест снизу, и она вдруг увидела, что концы перекладин действительно блестят в четырех местах.

Это было так необычно, что Леля встала, подошла вплот-

ную и осторожно провела по кресту кончиками пальцев. И, действительно, с краю оказалась металлическая вставка в виде креста, но размером не больше ладони. Крест был запылен, но после того как Леля на свой страх и риск все-таки протерла его краешком рукава, засверкал сильнее. Леля попыталась его взять, и он вдруг сразу вынулся. Леля даже зажмурилась, решив, что сейчас рухнет потолок или закроются проходы, но ничего не произошло. Тогда она аккуратно вынула со всех концов перекладин оставшиеся кресты и положила их на стол. Кресты были немного разные с виду и очень красивые.

– Феодорит, а мы можем это взять? Мне почему-то кажется, что это то, что мы искали.

– Я думаю, да – произнес Феодорит, – в любом случае, такая вещь должна быть у людей. Это необычные кресты, сделанные по заказу. Я чувствую их силу.

– А для чего они здесь?

– Древние, по всей видимости, воспринимали их как святыню. Они вставили их в каменный крест для освящения алтаря. Но нельзя исключать, что их здесь прятали. Ведь маленький крест можно унести, а большой нет.

– А я не буду воровкой?

– Конечно, нет. Ты вернешь святыню людям. Здесь они исчезнут, а святыня должна служить.

– Мы подарим их Успенскому монастырю после того, как найдем наш город, – торжественно пообещала Леля,

– Конечно, – улыбнулся ангел.

– Ну, как успехи? Нашли что-нибудь? – Сережа подошел, отплеываясь от пыли. – Просыпалась какая-то труха, – пояснил он, трясая головой.

Леля гордо и торжественно показала ему свою находку. Он присвистнул и долго молча ее разглядывал.

Лелишна уже потеряла терпение, когда он, наконец, значительно произнес:

– Обалдеть! Целых четыре креста, и два из них с Христом в виде Ангела Великого Совета. Такие кресты, по-моему, стали делать только в XVII веке. А этот, очевидно, более ранний. Ты нашла исключительно редкую вещь, да еще в двух экземплярах. Фантастика!..

– А другие два?

– Тоже очень красивые, но на них Христос изображен в виде человека, это привычные Распятая. А эти два – даже не знаю, что сказать. Покажи-ка, как они стояли?

Они, не торопясь, все еще раз внимательно изучили и сфотографировали. Потом, решив, что пора вылезать, и что можно будет вернуться позднее, потянули на себя каменную дощечку. Раздался скрежет, который вдруг резко перешел в гул, потом снова в скрежет, и все остановилось. Камень почему-то не отодвинулся, и выход не появился. У Лельки от ужаса округлились глаза, Сережа молча забрался по канату на самый верх и попытался отодвинуть камень руками. Он висел на веревке, пытался от напряжения и ощупывал все, что

попадалось под руку. На него сыпалась земля, песок, камни, но ничего не происходило. Наконец, он спрыгнул вниз и посмотрел на Лелю:

– Только не вздумай реветь. Не пропадем.

– Конечно, – поддержал его Мокий, – ты же мечтала побродить по катакомбам. Представилась отличная возможность.

– Ну, если вы так считаете, то я тоже рада, – она кисло улыбнулась.

Но потом прижала руки к груди и жалобно проговорила:

– Только я очень боюсь, я ничего не умею, я не спортивная, и вдруг мы кого-нибудь там встретим?

– Ну и что? Вежливо спросим: Вы не скажете, как нам пройти в библиотеку Иоанна Грозного? Вдруг нам повезет? – пошутил Сережка, даже довольный намечавшимся приключением.

– Я имела в виду крыс размером с собаку или еще какую дрянь, сам ведь говорил, – обиженно прошептала Леля.

– Лелечка, у вас нет другого выхода. Надо идти, – Мокий тепло улыбнулся Леле и ей сразу стало легче.

– Да, действительно, что это я? Раз надо – значит, надо, – расхрабрилась она и бодрым голосом спросила:

– Ну, в какой проход пойдём?

И тут же тихонько добавила:

– Может, кто знает, какой покороче и побезопаснее?

Все рассмеялись. Сережа достал компас и пояснил:

– Для самых отважных, я думаю, подойдет правый. Он уходит вниз и, похоже, под реку. Нам же стоит прогуляться по левому. Что думают ангелы?

– Мы не можем руководить, но опасности явной нет. Выход есть не очень далеко, только неясно, сможете вы через него выйти или нет.

– А что нам помешает?

– Он закрыт кирпичной кладкой, но она новая, в один кирпич.

– Ну, это нам пару раз плечом ударить.

Он повернулся к Лельке и, взяв ее за руку, проинструктировал:

– Во-первых, – не волнуйся: первый раз всегда страшно. Здесь есть две известные пещеры: Танечкина и Староладожская. Я был в обеих и не один раз. Нам надо идти в сторону храма Иоанна Предтечи, там все основные выходы. У меня нет с собой карты, но здесь до храма действительно близко, я тебя не обманываю.

Компас у нас есть, так что направление не потеряем.

– А во-вторых, у вас есть друзья, – Мокий скромно улыбнулся, – Ангелы в пещере – отличная альтернатива фонарю и компасу.

Леля рассмеялась и благодарно улыбнулась,

– Спасибо, ребята, не волнуйтесь, я уже совсем не боюсь.

– Ну и отлично.

Сережа пошел впереди, освещая дорогу. Леля шла, акку-

ратно ступая за ним след в след. Ей было очень страшно ступить мимо. В голове сидели кадры из фильма про Индиану Джонса, где героиня шла по шевелящимся скорпионам и паукам, сама этого не зная. А в ее представлении ничего ужаснее и быть не могло.

Но пол был из плитняка и довольно сухой, дышалось вполне нормально, так что даже было странно – откуда здесь вообще берется воздух. Казалось, что еще чуть–чуть, и они выйдут на поверхность.

Глава 21

Но туннель все длился и длился и вдруг, совсем неожиданно, закончился развилкой. Один путь был завален, а другой уходил вниз, где явно шумела вода. Леля молчала, боясь упасть в панику. Она решила для себя, что надо положиться на волю Божию (тем более, что она помолилась) и идти, куда поведут. Они остановились.

Сереза тихо посоветовался с ангелами и оглядел завал. Видно чего-то решив, он взял в руки саперную лопатку, сделал несколько взмахов и пробил в нем небольшую дыру. Леля присела на корточки и не вмешивалась. Да и что она могла посоветовать? Ее мнение впервые не требовалось, и она радовалась, что с нее снята хоть эта ответственность. Наконец, спелеолог принял решение:

– Так, пойдём сюда, – тихо произнес он, – помоги мне. Надо раскопать проход.

Леля даже не поняла, сколько на это понадобилось времени. Ей показалось, что они трудились бесконечно долго. Сереза работал и иногда негромко переговаривался с ангелами. В конце концов, расчистился лаз, по которому, к ее ужасу, пришлось лезть прямо на животе. Лаз продолжился в узком туннеле, по которому уже можно было идти на четвереньках. Леля упрямо лезла вперед, глядя на Серезины ботинки, и старалась думать о хорошем, о маме, к примеру.

Она стучалась головой о какие-то острые выступы, царапала руки, но не позволяла себе даже охнуть. Ей не хотелось показывать свою слабость и вызывать чувство жалости, наоборот, было понятно, что своим молчанием она только помогает Сереже. Пахло сыростью и плесенью, но воздух, по-прежнему, откуда-то поступал.

Они проползли метров пятьдесят, не меньше и, наконец, к несказанному ее счастью смогли встать на ноги.

«Ура. Ура, наконец мы стоим», – измученная, она разогнула затекшую спину. Пещера, в которой они очутились, показалась ей просто огромной. Сережа осветил ее фонарем и ласково спросил:

– Ну так как, сокровище, жива?

– Жива, – ответила Леля, отряхивая штаны и куртку, – а нам еще долго, не знаешь?

– Нет, мы, я думаю, уже в системе староладожских катакомб. Штольня, в смысле выход наверх, должна быть где-то близко. Мы сейчас ее найдем, не волнуйся. В конце концов, мы ведь не одни.

– Вот именно, – веселый голос Мокия прорезал тишину пещер и в один миг вернул всем отличное настроение:

– Посмотри, как здесь замечательно, Лелечка! Удивительный подземный мир, полюбуйся лучше. Ангел засветился сильнее обычного, и Леля ахнула: такая красота была вокруг. Пещера была цветная: ее окружали не обычные серые камни, а изумительно раскрашенные.

– Здорово, это даже не описать словами, здесь все не так, как на земле. Все по-другому.

– Вот именно – все по-другому. Представляешь, как нам смешно, когда люди пытаются объяснить словами небесный мир. Совсем невозможно, слов таких на земле нет. Пока не увидишь – не поймешь.

– Да, теперь я понимаю.

Засмотревшись, чуть не упала, поскользнувшись в небольшой ямке.

– Очень осторожно! – испугался Сережа. – Здесь травму получить – раз плюнуть! Надо поискать, куда нам дальше идти.

Виноградов обошел по периметру всю пещеру, заглядывая в каждое ответвление. Путь, который он выбирал, по всей видимости, согласовывался с ангелами, так как периодически он тихо с ними переговаривался.

– А мне здесь даже нравится, – проговорила Леля, которую, наконец, полностью отпустила тревога. Она стала даже получать удовольствие. – Чувствуешь себя первооткрывателем. И тишина какая!

Вдруг Сережа улыбнулся и произнес:

– Ага! Ничего не слышишь?

– Ой, да, действительно, что-то слышу, только не пойму, что?

– Дурочка, это же человеческая речь. Ха, а вот и сами ребята. Везде ползают. Скоро по пещерам будут гулять, как по

паркам.

– Люди?! Вот здорово!

Тут она опять зацепилась за что-то ногой, и Сережка поймал ее в охапку. В тот же миг обнявшуюся парочку высветил луч яркого прожектора. В пещеру вошла группа спелеологов из трех человек, которые остановились и совершенно обалдевшим взглядом смотрели прямо на них.

– Привет, ребята, не подскажете, как нам быстрее добраться на поверхность? – приветливо спросил Сережа.

Если бы он спросил про библиотеку Ивана Грозного, они не удивились бы больше. Спелеологи были серьезно экипированы в специальные комбинезоны, каски, в руках держали снаряжение для спуска на глубину и, неудивительно, что разглядев влюбленную парочку в прогулочной одежде, они просто оцепенели. Их можно было понять, ты с риском для жизни спускаешься в подземелье, а там встречаешь почти экскурсию. Хорошо еще, что нет надписи: прогулочный маршрут №3.

Спелеологи молча показали рукой вверх, и Сережа понял, что надо дружить. Самим на такую высоту не подняться. Он представился и, слово за слово, они нашли общих спелеологических знакомых. После столь экзотического знакомства, со смехом и шутками, их транспортировали наверх, где в базовом лагере они произвели не меньшее впечатление.

Компания была небольшая, трое ребят и две девчонки, все были молодые и веселые, поэтому хохотали до упаду.

Оказалось, что они давно занимаются спелеологией и все в одном клубе, но не из Питера, а из Москвы.

После того, как был разлит чай, новые друзья потребовали подробности: как попали, где проходили, что видели?

Слушая Сережин рассказ, Леля поняла, что никогда не рассказала бы так же, и, более того, она и половины не видела из того, что видел спелеолог, не одурманенный ужасом. Ей даже стало обидно, что она пропустила столько интересного. Оказывается, они шли по коридору, но оказались в штреке, пришлось обходить сифон. Им повезло, что они нашли ход в шкурник, по которому и выползли в систему. Но больше всего ее потрясло, что Виноградов, как факир, достал из кармана какие-то старые монеты и даже наконечники от стрел. Монеты, что удивительно, оказались арабского происхождения, и что они делали в древнерусской земле, было совсем не ясно.

Леля, очевидно, была лишней на этом празднике подземной жизни. Разговор шел о вещах, которых она просто не понимала. И она дала себе слово обязательно во всем разобраться и тоже стать спелеологом.

Подарив ребятам найденные монеты, они не стали долго засиживаться у костра, понимая, что скоро вечер и надо думать о ночлеге.

Поднявшись на поверхность Леля совсем по-другому смотрела на окружающий мир. Все было новым, как будто она провела в пещерах несколько дней, а не несколько часов.

Она с удивлением оглядывалась вокруг.

Недалеко виднелся храм Иоанна Предтечи.

– Давай зайдем, – предложила она, – сейчас должна быть вечерняя служба.

– Конечно, я тоже самое хотел предложить. Ты читаешь мои мысли.

– Или они у нас сходятся, как у дураков.

Почему-то такое единомыслие их очень обрадовало, и они побежали наперегонки, как маленькие.

Глава 22

– Алла Сергеевна, дорогая, мы просим Вас еще раз хорошенько подумать, куда с этой информацией они могли поехать, – сладкоречивый Ровшан старательно обхаживал эксперта.

– Мне очень трудно судить, у нас разное образование и разный взгляд на вещи.

Алла Сергеевна расположилась за столиком в ресторане, курила сигарету и смотрела на сидевших напротив мужчин с легким раздражением. Лев Григорьевич пригласил ее на дружеский ужин поболтать о российской истории, а вместо этого она уже полчаса объясняет этому назойливому азербайджанцу все особенности древнерусского правописания. А теперь ему понадобилось сделать из нее следователя прокуратуры. Еще не хватало!

– Ну хоть что-нибудь! Нам нужна просто идея.

– Я не фантазерка, а реальный человек.

Ровшан прижал руки к сердцу, намекая заодно на свой бумажник.

– Ну, хорошо, – вздохнула она, понимая, что он не отцепится. – Подумайте сами. Им ведь нужен перевод. Я бы пошла в Эрмитаж или куда-нибудь еще. В Институт археологии, к примеру. Хотя можно также предположить, что у них есть свой переводчик и эксперт. Если так, то они идут уже

дальше.

– Предположим, что такой человек у них есть. Куда они могут пойти, имея на руках этот перевод?

– Я устала от ваших «куда», – Алла Сергеевна хотела подняться, чтобы уйти, но Лев Григорьевич почти бросился к ней с умоляющим видом:

– Нет, нет, еще не принесли десерт, я Вас никуда не отпущу. Пожалуйста, помогите нам, бестолковым. Для нас очень важно и ценно именно ваше мнение. Эксперт Вашего уровня – такая редкость. Мы просто не сможем найти другого.

Бабушка всегда учила Левочку, что много комплиментов не бывает, особенно для гордых людей. Ровшан поддержал игру просительно склонив голову.

– Если учесть, что у них есть перевод, куда они могут поехать? – Лев Григорьевич заметно нервничал.

Алла Сергеевна присела обратно за стол и задумалась. Она молчала прикидывая, различные трактовки перевода и потом произнесла:

– Очень любопытный текст, в нем самом загадка, которую, я уверена, они сами еще не разгадали. Одно ясно, у них есть какой-то ключ или знак, которого нет у вас.

– Печать?

– Нет, думаю, есть еще что-то. Давайте упростим задачу. Примите во внимание, что им надо как-то добираться до Вологды, а потом до горы Маура. Вряд ли они рискнут лететь на самолете. Это либо поезд, либо автомобиль. Реально по-

следнее, они уверены, что за ними следят. Машину взяли у друзей или родных. Ищите транспорт и найдете их. А они пусть сами разбираются со своими тайнами, вы успеете подключиться.

– А что за клад они ищут?

– Из известных ненайденных кладов в той области обычно ищут клад разбойника Кудеяра. Но я сомневаюсь. Это может быть все, что угодно.

Лев Григорьевич незаметно махнул официанту и изысканный десерт материализовался на столе через несколько мгновений.

– Так значит, Вы думаете, что это будет Вологда?

– Я думаю, что они поехали в сторону Кирилло-Белозерского монастыря. Из Петербурга в том направлении не так много дорог. Найдете, если будете знать, что искать.

Она изящно подцепила кусочек десерта и не менее изящно положила его в рот:

– Благодарю вас, очень вкусно.

Тема была закрыта и вскоре Лев Григорьевич проводил своего эксперта до машины. Галантно поцеловав ей руку, антиквар рассыпался в благодарностях до тех пор, пока автомобиль не тронулся с места. Вернувшись в зал, он нервно проговорил:

– Вот стерва, ничего просто так не скажет.

Но Ровшан, уже забыл про Аллу Сергеевну и давал указания по телефону. Кивнув Льву Григорьевичу, он продолжил

разговор по-азербайджански, предоставив ему пить кофе в одиночестве. Сладкоречивый голос набрал стали, и даже у опытного Льва Григорьевича от некоторых интонаций пробежали мурашки по спине. Наконец, Ровшан повесил трубку и, взглянув на собеседника, самодовольно проговорил:

– Завтра, в крайнем случае послезавтра мы их найдем. Эта проблема решаема. Кстати, не забудь захватить с собой эту красавицу. И не жадничай, Лева, я тебя прошу. Пара таких монет покрое любые расходы, поверь.

Глава 23

Ребята сидели в машине, пытаясь принять правильное решение. Ехать в гости после столь неожиданного знакомства на шоссе почему-то очень хотелось. Но, с другой стороны, авантюренность этой поездки была очевидна. Гораздо проще сейчас вернуться домой и спокойно лечь спать. Но если они не поедут сейчас, то потом уже неудобно будет звонить и напрашиваться в гости. Эта дилемма мучала их уже минут двадцать, при этом они оба уговаривали друг друга, что поехать, пожалуй, стоит, а то люди обидятся, но потом кто-нибудь снова говорил обратное, вроде: «А ведь позвали только из вежливости». И все начиналось сначала. Первым не выдержал Мокий:

– Мне положено не вмешиваться, но я опасаясь, что историческое решение о нашем дальнейшем курсе будет принято только во втором чтении после третьего голосования.

Леля хмыкнула и посмотрела на Сережу гипнотизирующим взглядом:

– Признайся, тебе ведь хочется поехать? Только говори честно!

– Ну да, ребята симпатичные. Хорошо время проведем, – оправдываясь, промямлил тот.

– Так чего ты мне голову морочишь? Мне тоже хочется, значит поехали искать это Немятово. Где листочек с планом

и телефоном?

Сережа поковырялся для вида в куртке и протянул ей смятую бумажку. Леля расправила ее на коленке и стала изучать.

– Так, все ясно, рули в сторону шоссе.

Виноградов тронулся с места, и они покатали вперед под невидимые аплодисменты Мокия.

Оказалось, что ехать было совсем недалеко. Перебрались через мост и вот оно Немятово, во всей его древней красе. Рыбацкое поселение действительно было очень старинным, дома там стояли из мореного дуба и на вид им было лет по 100, а то и больше. Во многих даже жили люди, хотя в некоторых окнах белела надпись: продается.

Дом Николая оказался не богатым и не бедным. Такая хорошая, социалистическая дача, с перекопанным под грядки участком, парником и большой верандой, на которой горел свет и звучала гитара.

Атмосфера уюта и хорошей компании чувствовалась даже у ворот и у ребят пропали все опасения, что они могут быть не ко двору. Идея, что это замаскированная ловушка (надо признаться, что и такая была), казалась просто смешной.

Они остановились у калитки, раздумывая – кричать отсюда или подойти поближе к дому.

– Так, что стоим? Кого ждем? – прозвучал прямо в ухо знакомый бас хозяина.

Ребята вздрогнули от неожиданности и обернулись.

– Ух, как подпрыгнули. Надеюсь, кувырок не сделаете и

отстреливаться не начнете? Ладно, шучу, шучу, – пошутил он, придерживая за ошейник огромную овчарку. – А мы вот перед сном прогулялись. Дон, да не лезь ты, свои! – и он закрыл ладонью огромный собачий нос, настойчиво пытавшийся обнюхать гостей.

– Проходите, не стесняйтесь, мы вас ждем. Картошку моя хозяйка для вас в газету завернула и под одеяло спрятала, чтобы не остыла. Сейчас мы ее с сигом копченым. Как идея?

Он так вкусно подмигнул, что идея показалась просто гениальной.

Веселый гул чуть захмелевшей компании встретил их на пороге. На веранде стоял огромный стол с самоваром, маленьким букетом цветов и огромной вазой с сушками, перемешанными с конфетами «Коровка». Над столом висела люстра в старом атласном абажуре с бахромой, отчего вся веранда была покрыта мелкими уютными бликами. Дом был хорошо протоплен, так что все сидели в одних футболках. В кружках дымился чай, а народ пребывал уже в той стадии, когда хочется говорить всем вместе и петь задушевные песни.

Увидев вновь прибывших, все радостно загудели, а Слава с Мариной даже встали обниматься и, заодно, знакомиться со всеми, как своих лучших друзей. Красивая жена Николая Ольга быстро собрала им поесть, и вскоре они слились с компанией.

И замечательный сиг, и рассыпчатая картошка, и соленые

огурцы, – все это было выращено, выловлено и приготовлено своими руками. Даже ржаной хлеб, как выяснилось, хозяйка испекла сама. Все было таким вкусным, что они не могли остановиться.

Компания состояла из хозяев, Славы, Марины и еще нескольких соседей по даче, друживших с Ольгой с детства. Так что разговор тек непринужденно. Ольга перебирала струны гитары и негромко пела низким, грудным голосом. Гости подтягивали ей, путая слова и мотивы, но дружно и с очевидным удовольствием. Как правило, слова знали только из первого куплета, а остальные сочинялись на ходу, но это никого не смущало. Пели бы до утра, но хозяин обещал на рассвете рыбалку, поэтому решили не засиживаться и разошлись спать еще до двенадцати часов.

Серее с Лелей достался второй этаж. Там была чистенькая мансарда, сразу с шестью заправленными кроватями, что еще раз указывало на удивительное радушие и гостеприимство этого дома. Ребята так устали от впечатлений, что заснули сразу, как только дотронулись до подушек.

Леля спала как убитая, и проснувшись, в первый момент не могла понять: куда она, вообще, попала? Но через секунду вспомнила вчерашний вечер и сладко потянулась.

– Здорово было, – Леля села на кровати и огляделась. Сергея нигде не было видно, солнце заливало всю мансарду, как днем, в окно галдели птицы, и снизу вкусно пахло едой.

– Интересно, а сколько сейчас времени? – девушка стала

быстро одеваться, – не могла же я проспаться полдня.

Услышав внизу шаги, она легко сбежала по ступенькам. В прихожей висели большие часы, которые показывали только девять утра.

Заглянув на кухню, она увидела Ольгу, которая хлопотала за плитой.

– Доброе утро! Как спалось? – хозяйка ласково улыбнулась.

– Спасибо, выспалась на неделю вперед. А где остальные?

– На рыбалке. Взяли катер и ушли пораньше, часов в семь. Пока не проголодаются – не вернутся. А проголодаются не скоро, сухой паек захватили. Так что умывайся и будем с тобой завтракать, мне одной скучно. Маринка, правда, тоже не поехала рыбачить, но дрыхнуть будет еще долго.

На завтрак подали вареники с творогом и черникой, слепленные вручную таким хитрым способом, что ни один из них не лопнул во время варки. Леле приходилось самой часто готовить. И хотя она не умела делать такие красивые и вкусные вещи, она уже научилась замечать и восхищаться чужим искусством.

– А сметана тоже своя? – Леля сунула ложку в банку и убедилась, что она густая, как масло.

– Нет, – рассмеялась хозяйка, – коровы у нас пока нет. Но я покупаю на местном рынке у одной женщины. У нее всегда все свежее и хорошего качества. Она и творог отличный делает, и сама очень симпатичная.

– А это важно? – удивилась Леля.

– Что? – не поняла вопроса хозяйка.

– Ну, что она симпатичная?

– Конечно, я уверена, что если хозяин на вид аккуратный, добрый, симпатичный, то и продукты у него хорошие.

Леля слушала рассуждения Ольги, наслаждалась варениками и думала, что именно эти слова подходят к самой хозяйке, хотя ее можно назвать даже красавицей. Высокая, черноглазая, рыжеволосая, она была олицетворением женственности и домашнего уюта. В разговоре выяснилось, что у них с Николаем двое мальчишек–близнецов, которых отправили на майские праздники к родителям мужа в Нижний Новгород.

Ольга стала расспрашивать Лелю о ее семье, о маме, о сестренке и оказалась такой внимательной слушательницей, что Леля едва не наболтала лишнего. Хотя ей все-таки пришлось поведать всю историю со Львом Григорьевичем. Прямой вопрос – от кого они убежали на шоссе? – требовал достаточно вразумительного ответа. Леля не стала сочинять ничего нового, только клад в ее рассказе нашелся в тетушкиной квартире, а не в чужом подвале и, кроме монет, там ничего больше не было.

– Я отдала им одну монету, но им мало, они все хотят. Да я бы все отдала, лишь бы знать, что они оставят нас в покое.

– Вряд ли. Такие люди будут считать, что вы самое ценное спрятали. Каждый мерит по себе! – возмутилась Ольга.

– Да, я все понимаю. Вот мы и уехали из города. Нашли бабушкину могилу, здесь, в Старой Ладогге. А сейчас собираемся поехать на Вологодчину. У меня есть одно семейное предание, связанное с горой Маура. Хотела давно посмотреть, как она выглядит в натуре.

– Я даже не слышала про такую гору, а это где поточнее?

– Маура – это рядом с нами, – зевая, сообщила всклокоченная Марина, появившись на кухне в одной пижаме. – Девчонки, привет!

– Проснулось чудовище от слова чудо! – пошутила Ольга, вставая. – Мыться будешь?

– Угу.

– Тогда держи полотенце, пойдем: я тебе воду горячую открою, а то у нас своя система, – и они вышли в соседний закуток с гордым названием ванная.

– Слово-то какое – Маура, сказочно звучит, – сказала Ольга, стоя в дверях и глядя на умывающуюся подругу. – У нас в России названия обычно попроще – Гаврилово, Кириллово, а тут – Маура!

– Не смейся меня! – раздался ответ, – У вас у самих родня в Нижнем Новгороде, могла бы и знать это место.

– Не обязательно, кое-кто и в Питере ни везде был, хотя тоже родни полно.

– Признаю критику! – Марина вышла из ванной, вытираясь, – мои знания ограничены нашим регионом. Работа экскурсовода обязывает. И я готова ими поделиться с особо

нуждающимися.

– Отлично, ты и будешь моим спасителем от абсолютного невежества. Блесну потом знаниями перед свекровью.

Болтая, Ольга не переставала что-нибудь делать по хозяйству. Руки что-то резали, мешали, мыли, убирали и все это с удивительной скоростью и сноровкой. Щелкнул электрический чайник, и она налила вскипевшую воду в кастрюлю.

– Так, я кладу вареники, давай быстренько за стол, – объявила хозяйка.

– Хорошо, – по-вологодски на «о» пропела Марина. Она убежала одеваться и что-то роняла в соседней комнате. Ольга принялась аккуратно укладывать вареники в кипяток.

– Предлагаю добавку! – улыбка досталась Леле.

– Нет, спасибо, и так уже лишнего съела. Надо совесть иметь.

– И напрасно! Меня так радует, когда гости хорошо кушают. У меня бабушка с Украины.

– Серьезный довод, тогда съем еще пару штук.

– И я с тобой, – Марина уже уселась за столом и подвинула себе банку с вареньем, – так вкусно, что не оторваться!

– Пробовала? – показала она на варенье и зачерпнула большую ложку.

– Нет, а что, надо было?

– Конечно, здесь все, что съедобно – кулинарный шедевр. Пользуйся случаем.

– Не перехвалите меня, а то пересолю. Маришка, кончай

есть сладкое – вареники не будешь. Лучше, рассказывай, что там необычного в этой горе, пока они варятся.

– Ты, как моя мама, честное слово, – она облизала ложку и подвинула банку Леле. Потом театрально взмахнула рукой в сторону воображаемой горы и профессиональным голосом экскурсовода затараторила:

– Гора Маура является достопримечательностью Вологодского края. Это уникальный природный и историко-культурный заповедник.

Она улыбнулась и по-простому пояснила,

– Туда возят всех туристов с речных круизов, потому что рядом протекает река Шексна, а в основании стоит Горицкий женский монастырь с очень интересной историей. С горы Маура, по преданию, преподобные Ферапонт и Кирилл Белозерский увидели место на берегу озера, где был построен Кирилло-Белозерский монастырь. Недалеко есть еще монастыри Павла Обнорского и на краю самой Вологды – Дмитрия Прилуцкого. И еще вокруг множество монастырей, но эти самые древние. Так что эта гора – центр Северной Фиваиды, так когда-то называли Вологодский край. Здесь жили знаменитые заволжские старцы, проповедовавшие аскетизм и нестяжательство. На вершине Мауры сейчас стоит крест и часовня. Так что место уникальное.

– А что тут такого? Ну, понятно – святое место, но на Руси их много. У нас рядом тоже много монастырей. Один монастырь Александра Свирского чего стоит!

– Ну, народ! Необычности им подавай. Просто культурного места недостаточно. Я даже не знаю, что и придумать, чтобы вас удивить? Ну, вот, к примеру, с точки зрения любителей НЛЮ, там полно аномальных зон. – Марина подставила тарелку под вареники и, с наслаждением вдохнув их аромат, добавила:

– Но, к счастью, от них и дачников есть защита мощная – слепни и комары. Нигде такого количества не видела. Миллионы. Никого не пускают. Надо очень сильными средствами мазаться, чтобы там минуту простоять. Они заодно и заповедник охраняют от костров и шашлыков. Иначе все бы уже затоптали, дачами застроили и замусорили.

– Вот это да! Все гениальное просто, – рассмеялась Леля, – а почему там заповедник?

– Там растения редкие растут. Например, тринадцать видов орхидей. Представляете? И, что удивительно, многие цветы встречаются только там. Их больше нет нигде на земле! И еще любопытно: все склоны сейчас покрыты густым еловым лесом, хотя сто пятьдесят лет назад там была в основном поляна. Короче, чудеса, а не гора!

– Такое ощущение, что сама природа туда не пускает лишних людей, – задумчиво проговорила Леля, – защищает свои забытые тайны.

– О! Ты любитель таинственных историй? – обрадовалась Марина, – тогда вам не туда. Хотя полно всяких рассказов, но, честно говоря, не очень необычных. Все странные исто-

рии – рядом с Нижним Новгородом, особенно в районе озера Светлояр. На полном серьезе, надо туда съездить. Там чуда сплошные уже много-много лет. Вот где одновременно можно увидеть представителей всех религий и философских учений. Кто-то энергию качает, кто-то шаманит, кто-то кругами счастье нахаживает, а кто-то просто водку пьет, развлекая себя этим зрелищем. Бесподобный аттракцион современной России. А ведь это святое место, легенду про Китеж слышали?

Девчонки кивнули головой.

– Вот это и обидно! Хорошо бы там тоже оводы завелись, чтобы всех лишних распугать. Говорят, там до сих пор слышат колокольный перезвон, а некоторые видят отражение города в воде. Очень интересно.

Марина принялась за вареники и, жуя, добавила:

– А гору Маура приглашаю посмотреть вместе со мной. Мы живем совсем рядом. Я там экскурсии провожу

Глава 24

Мужчины вернулись с рыбалки сплоченной командой и планами на завтрашний день, так что Леле пришлось смириться с мыслью, что они сегодня никуда не уедут.

Погода была солнечная, и уговорить себя отдохнуть еще денечек не составило труда. Правда, Леля, для очистки совести, переговорила с Ангелами. Они, конечно, согласились, что приглашение Марины поехать вместе вполне разумно и безопасно. Но в глубине души она прекрасно знала, что друзья примут любое ее решение, не споря, и даже, как уже выяснилось, не дадут совет, если не попросить. Очень сложно все время думать самой, так хочется, чтобы кто-нибудь строго сказал, что надо делать и когда, и как удобно быть маленькой и послушной.

Повздыхав по этому поводу, Леля вышла на крылечко и увидела мирную картину разборки улова. Это без сомнения была корюшка, она пахла своим огурцовым запахом и радовала глаз свежим видом.

Крылечко было большим, с мягкими подстилками для сидения, солнышко тепло пригревало и казалось, что нет более приятного времяпровождения, чем просто посидеть здесь после длинной зимы. Недолго думая, она уселась на крылечке и стала наслаждаться.

Марина с Ольгой, напевая, разбирали рыбу и мыли ее пря-

мо в ведре и, хотя Леле было немного стыдно, что она ничего не делает, шевелиться и помогать все равно не хотелось. Так приятно припекало, что весь организм быстро прогрелся до полусонного состояния, и Леля почувствовала, что проваливается в дрему. Борясь с этим желанием, она спросила бодрым голосом:

– Марина, а помнишь, ты сказала, что у вас есть женский монастырь с очень любопытной историей?

– Ну? – Марина утерла лицо рукавом и удивленно посмотрела на Лельку. – Я думала, ты дремлешь.

– Не, я просто балдею от тепла и вырабатываю на солнце витамины. Так там про что?

Марина рассмеялась:

– А вам про что надо, мадам?

– Нам все равно, рассказывай все подряд, – ответила вместо Лельки Ольга, – я тоже с удовольствием что-нибудь слушаю.

– Не вопрос – слушайте. Только можно я тоже не буду больше в рыбе ковыряться? Уже чуть-чуть осталось, – она умоляюще посмотрела на хозяйку, та хмыкнула и ответила:

– Я как раз собиралась тебя об этом попросить. Я одна быстрее сделаю, – и шутливо добавила:

– Как тебя замуж-то взяли, красавица?

– Надо правильно жениха выбирать, чтоб не придирался. – Марина радостно отмыла руки и уселась рядом с Лелей.

– Итак, женский Горицкий монастырь известен тем, что

его основала очень необычная дама – Ефросинья Старицкая, женщина удивительной судьбы. Родилась она литовской принцессой и вышла замуж за младшего брата царя Василия Третьего. Казалось, что может быть лучше? Но с мужем она ошиблась: быть братом царя очень опасно. И, ясное дело, только она родила сына, как Василий Третий внезапно умирает. По идее, она должна была бы стать царицей, так как сын покойного царя – младенец, и поэтому у родного брата все права на престол, но...

Марина сделала трагическую паузу и продолжила со значением:

– Тут на первый план выходит сильная женщина – вдова Василия Третьего Елена Глинская. Она была очень решительная дама, и, пока народ соображал, что делать дальше, прибрала к рукам все царство. Братьев по мужу убила, всю родню арестовала, а через некоторое время – сослала. И пришлось Ефросинье ждать своего часа в Горицах, где она и основала женский монастырь.

Глинская довольно долго продержалась у власти, но ее способы решать проблемы не нравились боярам и, по обычаю того времени, ее накормили ртутью. Но когда к власти пришел ее сынок Иван, впоследствии прозванный Грозным, они, думаю, пожалели об этом... Когда их усаживали на кол...

– Фу, Маринка, как тебе не стыдно, – возмущенно рассмеялась Ольга, – откуда такой цинизм!

– Извините, я пытаюсь придать рассказу красочность.

Марина устроилась поудобнее.

– Вернемся к нашей Ефросинье. Тетушку пригласили вместе с сыном к царскому двору, и первое время Иван Грозный даже дружил со своим братом. Но тут случилась у него тяжелая болезнь, и все решили, что царь умирает. Начали определяться с преемником. Наша Ефросинья Старицкая резонно, но опрометчиво предложила своего взрослого сына Владимира. Сын Грозного тогда был еще младенцем, и у Владимира было много шансов стать царем по праву. Но царь, как известно, помирать передумал, поправился и запомнил, кто претендовал на его трон. А тут еще внезапно умерла его молодая и любимая жена...

Марина опять сделала выразительную паузу и закончила мысль:

– С этого момента все желающие на престол были обречены... Если вы смотрели старый фильм «Иван Грозный», где царя играет Черкасов, Ефросинья Старицкая там самый плохой персонаж. Отвратительного вида старушенция, которая все время подслушивает и всех ссорит, и именно она травит бедную царицу. Но фильм советского периода, поэтому в реальности – все, конечно, было по-другому.

Ефросинья, имея такие возможности при рождении и будучи очень богатой женщиной, так и не смогла добиться власти. Но она смирилась с этим и всю свою жизнь посвятила монастырю и его золотошвейной мастерской. Ее вышив-

ки церковных покрывал до сих пор хранятся в Третьяковской галерее и в музее Кремля как высокохудожественные произведения. Жизнь вообще требовала от нее постоянного смирения: мужа убила Елена Глинская, детей – ее сынок Иван Грозный. Кстати, по его приказу всю ее родню истребили полностью. Последней казнили саму монахиню Ефросинью. Ее вместе с сестрами монахинями связали, посадили в лодку, закидали камнями и утопили в речке Шексна, на которой стоит монастырь. Вот такая грустная история.

Потом даже стало модным ссылать в этот монастырь надоевших жен. Только Иван Грозный дважды пополнял его ряды. Родовитые и известные, насильно постриженные монахини стали гордостью монастырской истории. Именно ими и знаменит этот монастырь: своеобразный памятник трагическим женским судьбам.

Ефросинья родилась принцессой, замуж вышла за царевича, собиралась стать царицей, а осталась в истории, как монахиня мученица. И почитается православной церковью как святая. Вот такая судьба. Резюме: хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах.

Марина постаралась закончить весело, но никто не расмеялся. Девчонки молчали, представляя себе чужую трагическую жизнь.

– Интересно, а при такой жизни можно чувствовать себя счастливой? – спросила вдруг Леля.

– Думаю, да, – ответила Марина задумчиво, – у нее была

вера, а это очень важно для человека, с ней можно перенести все. Ведь, если ты знаешь, что на земле ничего не заканчивается, и для тебя смерть только переход в Вечность, чего тебе бояться страданий? Они имеют смысл. *Бессмысленность* – вот самое ужасное для человека. Много можно вынести, если понимаешь зачем.

Глава 25

Ольга закончила с рыбой и присела рядом. Подруг охватила такая солидарность со всеми страдающими женщинами, что они даже возмущенно переглянулись, услышав радостный гогот мужчин, доносившийся со двора. Они дружно выразительно вздохнули: чего от них еще ждать?

Молчание прервала Леля. Она задала вопрос, который почему-то вертелся у нее на языке:

– Марина, а откуда в Вологодской области столько монастырей, и все в одном месте? Даже странно – зачем столько?

– Так получилось. Просто одновременно туда пришли сразу четыре ученика Сергия Радонежского. Они все поселились там и стали жить недалеко друг от друга. В те времена так христианство и распространялось. Ну, это был такой особый вид русского миссионерства, что ли. Приезжал монах, селился, строил церковь и начинал просто жить. Все язычники под воздействием его личного обаяния, доброты, отзывчивости, милосердия крестились и селились рядом. Так строились города, не то что монастыри. Представляешь, Леля, просто своим примером меняли всех вокруг, ничего специально не делая. Удивительно! И знаешь, что любопытно: есть предание, что у каждого из четырех учеников, пришедших в Вологду, был чудесный крест, подаренный самим Сергием Радонежским. И на кресте том Христос был изображен

в виде Ангела Великого Совета! Есть описания и позднейшие копии, а сами кресты, конечно, утеряны. Но люди до сих пор помнят их небывалую силу.

Леля просто обалдела, когда это услышала. Чтобы скрыть свое замешательство и подавить глупое желание достать кресты из сумки и спросить: «Эти?», она попросила рассказать ей про Сергия Радонежского поподробнее.

– Понимаешь, во всем мире не так много найдется людей, которые были бы удостоены лично от Бога в откровении получить знания о Нем. Один из них – он. Сергей Радонежский – особенный святой. Уже при жизни его называли игуменом всея Руси. У него было множество учеников, и учил он их Божественной любви.

В Евангелии говорится, что Бог есть Любовь. Он начало и источник любви, чистой и жертвенной, любви, которая объединяет. Пресвятая Троица, – Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух, – внутри Себя пребывает в любви. И люди должны не воевать и ссориться, а жить в такой же любви между собой. Ради этой любви и был создан мир. Вот о чем проповедовал Сергей Радонежский и умолял подражать Святой Троице: уничтожить ненавистные, разделяющие распри, войны между князьями, ссоры между близкими. От него и Троицкие церкви пошли. А до этого главными и в городах, и в монастырях были Успенские храмы.

Леля была потрясена, у нее в сумке лежит крест, который мог принадлежать самому Сергию Радонежскому! И, навер-

ное, все другие тоже. Ведь не зря их собрали вместе.

И тут ее осенило: они должны были лежать в шкатулке! И все, что написано в тексте имеет отношение к этим крестам. Просто монахиня Татьяна вынула и взяла их с собой. А шкатулку с текстом отправила своей сестре, чтобы сохранить тайну. Она ликовала, все сходится, так логично и понятно! В шкатулке лежали кресты!!! Ей захотелось срочно поделиться этим открытием с Виноградовым.

– Я, конечно, доверяю твоей интуиции, но уж больно мало совпадений, – Сережа, срочно вызванный на переговоры на второй этаж, недоумевал. – С чего это ты вдруг решила? Ведь такие кресты известны, уверяю тебя, эти не единственные в мире.

– А что тогда лежало в шкатулке, по-твоему?

– Да все, что угодно, драгоценности какие-нибудь.

– Стала бы монахиня переживать из-за драгоценностей, я уверена, это – кресты! Они все очень похожи друг на друга, разница только в изображении Христа, такого сходства случайно не бывает. Они были сделаны, чтобы дополнить друг друга! Ну, ладно, – рассердилась вдруг она, – не веришь, не надо. Пойду, спрошу у Марины: не было ли упоминания про шкатулку. А ты можешь развлекаться дальше.

И Леля ушла, оставив расстроенного Сережу в полном недоумении: чем он так провинился?

Марина уже весело болтала с мужчинами, и Леле пришлось почти час ждать, когда удастся вернуться к их разгово-

вору. Наконец, ребята пошли в сарай налаживать мотор для катера, а девочки снова уселись на крылечке, подставляя носы весеннему солнышку. Неугомонная хозяйка посидела с минутку, потом, вспомнив, что у нее что-то на плите, убежала в дом. И Леля, наконец, получила возможность возобновить разговор. Прямой вопрос задать она не решилась и начала издалека:

– Мариночка, расскажи еще что-нибудь интересное об учениках Сергия Радонежского. Я так мало знаю, а ты так интересно рассказываешь.

Марина улыбнулась:

– Вот лиса! Нахваливаешь ворону. Говори прямо, что хочешь знать.

– Мне интересно, нет ли упоминания в том предании про чудесные кресты, о шкатулке византийской работы. И еще: и если да, то у кого она хранилась?

– Да ты не простая любопытствующая. Расскажешь?

– Потом. Сразу не могу: вдруг все глупостью окажется.

– Ладно, я первая. Ты угадала, там действительно есть упоминание о старинной греческой шкатулке. Она уже в те времена была старинная, представляешь? И кресты там хранил Павел Обнорский. Ну, а то, что кресты чудесные... Так ведь и сами люди были не простыми. Им волшебные палочки были не нужны, через них Сам Господь Бог людей исцелял.

– А как же так получилось, что кресты потерялись, они ведь должны были их хранить, как зеницу ока.

– Вот этого я не знаю. Может, он подарил их кому-нибудь достойному или спрятал. Но упоминания о них в более позднее время не сохранились. Слушай, вы же собирались туда ехать? Вот и посмотришь все на месте. Если хочешь, я с удовольствием тебе все покажу. Сейчас самое удачное время, слепни на горе еще не зверствуют, спокойно можно погулять.

– Да, очень хочу, а когда вы собираетесь?

– Послезавтра с утра и уедем. Завтра у них еще рыбалка, потом коптить улов будут, и надо посидеть на дорожку, так что присоединяйтесь. Николай поедет за детьми через несколько дней в Нижний и к нам заедет. Сможете с ним вернуться. С ним рядом всегда безопасно.

– Да, – улыбнулась Леля, – он такой могучий и спокойный.

– Не только поэтому, – ответила Марина.

Но тут их разговор прервался громким Ольгиным криком:

– Николай! Что ты делаешь?

В ответ раздался оглушительный рев мотора, грохот, противный лязг железа, странный свист и пара нецензурных выражений басом. Девчонки оцепенели на мгновение и бросились за угол дома, к сараю.

Посреди дворика стоял Николай с ошалевшим взглядом, крепко вцепившись в мотор для катера, который продолжал подрагивать в его руках. Он сам и все вокруг него были мокрыми с головы до ног и молча моргали, не понимая, что произошло. Рядом стояла Ольга, скрестив руки на груди, и су-

рово смотрела на мужа.

– Зачем ты завел мотор в бочке с водой? – строго спросила она.

– Хотел проверить, как работает, – послушно ответил он.

– Ну и как, проверил?

– Проверил. Работает.

– А бочка где?

– Улетела к соседям, – он виновато посмотрел на супругу. – Я за ней схожу, ты не волнуйся.

Ольга покачала головой и пошла в дом, пряча улыбку.

– Эти мужики – хуже детей, честное слово. Хорошо, что никого не прибило этой вашей бочкой.

Ее добродушное ворчание вывело всех из оцепенения.

– А как она летела? Видели?

– Да, траекторию было не предугадать, хорошо, ты мотор удержал, а то бы мне точно башню снесло.

– Я сам обалдел, я его только завел, а она как рванет.

Николай рассмеялся, утирая мокрое лицо таким же мокрым рукавом. Напряжение спало, смеющиеся мужчины повалились на траву, раскинув руки. Стресс прошел и им было легко и весело. Но тут открылось окно и послышался Ольгин голос:

– Так, балбесы, земля холодная. Заканчивайте веселиться и идите сохнуть. На улице, между прочим, не лето.

«Балбесы» захохотали еще громче, но послушно пошли в дом. Это утреннее происшествие окрасило шуточным на-

строением весь день. Впрочем, и следующий день прошел так же несерьезно. Леля больше не говорила с Мариной о своих делах, оставив все «на потом». Хотя отвлечься полностью себе не позволила: в голове все время крутился текст из шкатулки. И, в результате, к отъезду она почти точно представляла себе, что им надо делать дальше.

Глава 26

Отъезд сопровождался пожеланиями, приглашениями и уверениями в скорой встрече. Отъезжающие, наконец, уселись по машинам и поехали в сторону горы Маура. А провожающие пошли досыпать, так как утро было ранним. Целый день прошел в дороге. До Кириллово, где жили Марина и Слава, оказалось относительно близко, и они добрались туда без особых приключений. Вечером Леля ничего не увидела, кроме обычных огней городка, который в сумерках ничем не отличался от других. Зато утром, проснувшись, она вышла на улицу и поняла, что ничего подобного в жизни не видела. Нет, конечно, она была в Крыму и даже в Сочи, но на севере России она оказалась впервые. В детстве мама возила ее в Новгород, но эти воспоминания совсем стерлись. И теперь она впервые по-настоящему почувствовала, что прикасается *к истории*. Цивилизация пощадила эти места и избавила их от неживой бетонно–пластиковой застройки. Всюду виднелись купола белокаменных церквей, невысокие домики. Знаменитый резной палисад хоть и встречался редко, но зато как радовал глаз! Воздух был особенно весенним, солнце ярким и умытым, небо голубым и прозрачным, а количество птиц превышало воображение. Сразу вспомнились пейзажи русских художников. И поскольку Лельку было не удивить весенней распутицей, настроение у нее было преотличным.

– Удивительно все-таки, – думала она, – как непохожи Москва и Санкт-Петербург на остальную Россию. Москва – европейский мегаполис, а Петербург скоро станет похожим на Нью-Йорк. Здесь же ощущение прошлого века. Появится извозчик, даже не удивишься.

– Леля, ты объясни мне поконкретнее, что бы ты хотела посмотреть на этой горе? Или тебе достаточно вида изда- лека, – Марина прервала Лелины философские размышле- ния. – Потому что там гулять можно долго, и, если тебе все равно – пойдем лучше по стандартной программе для экс- курсантов, там все предусмотрено.

– Нет, мне не все равно, мне нужен ангельский знак. Но я не знаю, что это такое. Ангелов уже спрашивала. Не помогло. Говорят – думай сама.

Марина расхохоталась:

– Так прямо и говорят?

– Ну вроде того, – Леля смутилась и тоже рассмеялась. – А я не знаю, что это такое, но точно знаю, что если увижу, то сразу пойму.

– Удобно. Всего-то и осталось – мимо пройти.

Марина задумалась, минут пять они помолчали, и она, на- конец, произнесла:

– Я, похоже, знаю, что это может быть. Но это мои личные домыслы, официальная точка зрения совсем другая.

– Давай, я никому не расскажу.

– На этой горе есть камень, как говорят, с отпечатком но-

ги Кирилла Белозерского. Туда водят всех экскурсантов, это очень известное место. Так вот, я думаю, что это вряд ли след святого Кирилла, это след ангела. Подожди, не перебивай. Дело в том, что человек на камне след оставить не может, может только преображенный человек, например, Богородица. А ангел – запросто. Известно, например, что ангел писал на камне пальцем, и слова просто отпечатывались, как на песке. Такая надпись была сделана на Святой горе Афон по просьбе одного старца. Отпечаток ноги человека остается только на глине, которая потом каменеет, а здесь – гранит, и я думаю, что если обсуждать что-то связанное с ангелами, то это самое подходящее место. Никто ведь достоверно не знает, откуда там этот отпечаток?

– И главное: зачем его оставили? – конкретизировала Леля.

– Вот именно. Надо с него и начать. Сегодня?

– А почему бы и нет? Только Виноградова позовем, и вперед.

Гора Маура оказалась не очень высокой, но, как объяснила Марина, для такой равнинной местности и это здорово. По пологому склону была проложена тропинка, укрепленная деревянными ступенями, которую с одной стороны ограждали ветхие перила. Это и был официальный путь к часовне на вершине, по которому водили всех туристов. Марина привычно вещала голосом экскурсовода о местных достопримечательностях, по пути привлекая внимание к наиболее ин-

тересным растениям и огромным, еще спящим, муравейникам.

Леля шла вся в напряжении. Ее пугала одна только мысль, что она идет по горе, в которой спрятан город Китеж. Ей везде чудились особые знаки и другие проявления чудесности места, ей слышался колокольный перезвон и даже особые песнопения. Но Марина вернула ее на землю, сказав, что совсем рядом Горицкий женский монастырь, про который она и рассказывала. Он действующий, и матушки в это время служат молебен у расположенного поблизости источника.

Путь на вершину был очень недолгим, и вскоре они увидели небольшую часовню, а рядом огромный камень, действительно с отпечатком босой ноги взрослого человека, судя по размеру – мужчины. Леля встала на камень с ощущением разгаданной тайны.

Никого рядом не было, ребята зашли в часовню и голоса их стихли, только шумел лес и пели птицы. Леля позвала ангелов.

– Мокий, Феодорит, это то, что мы искали? Это ангельский знак?

– Да, этот камень отметил ангел, – прозвучал тихий голос Феодорита.– Мы у цели.

– Так просто?!

Леля готова была расплакаться, так не хотелось ей, чтобы все закончилось. Ведь прошло всего несколько дней, а они уже нашли вход в город Китеж.

– Здесь вход?

– Нет, мы нашли только гору и ангельскую печать, подтверждающую правильность наших поисков.

– А как же открыть эту гору? Это тоже должна решить я? – Леля даже обрадовалась. – Я все еще нужна? А я думала, что это вы нам объясните, когда мы доберемся до места.

– Да что ты, Лелечка, – Мокий даже пожал плечами от удивления. – Ведь закрыли вход люди, а не ангелы. Именно здесь и начинается главная задача.

– Не поняла юмора. Вы что, знали про это место заранее? – Она задохнулась от обиды. – Наверное, было бы проще, если бы вы сразу об этом сказали.

Она отвернулась, махнула рукой и спрыгнув с камня, пошла к часовне.

– Лелечка, милая, успокойся, пожалуйста, – вмешался Федорит. – Конечно, мы знали, где спрятан Китеж, ведь его спрятали не люди. Но, уверяю тебя, мы не смогли бы взять кресты в руки и принести их сюда. Мы даже не думали, что они имеют отношение к нашим поискам. Это все выяснили вы. А что касается наших знаний, то поверь, ты должна была пройти весь путь до этого места сама. Иначе все было бы бесполезно. Представь, мы бы притащили тебя сюда прямо из дома Лавалей, и что? Ты ведь была совсем другая. К тому же, без людей нам не открыть вход.

Она стояла, опустив голову и в душе понимала, что Федорит безусловно прав. Вся сложность была в первую оче-

редь в ней, смешно сказать, но за эти несколько дней у нее изменился даже характер, не то что мировоззрение.

– Да, конечно, вы правы. Действительно, я очень переменялась и многое узнала. Я даже научилась управлять своим шестым чувством. – Она улыбнулась.

– Конечно, теперь я понимаю, вы знали и про шкатулку, которую Мокий мне подкинул, и про всех моих прабабушек тоже знали. Вы направили меня в Эрмитаж, в библиотеку, и даже помогли найти кресты. Ведь даже Сайгон знал, где они хранятся и наслал на нас галок. – Она усмехнулась. – Как я все-таки была ослеплена собственной значимостью. Мне казалось, что я все сама, а ведь нет. Вы меня направляли и защищали.

– Ну, к Сереже мы тебя не посылали, ты сама влезла в эту авантюру с бандитами, – развеселился Мокий, – Феодорит тебя предупреждал, но люди не всегда слушают, что говорят им ангелы.

– Я не жалею, что теперь Сережка со мной. Он столько знает, без него я не справилась бы. И, вообще, он замечательный. – Она с любовью посмотрела на ангелов, которые стояли рядом, слегка светясь. – А если бы вы сразу привезли меня на это место, я вообще не знала бы, что и делать. Я и теперь не знаю, только я не одна. У меня есть настоящие друзья. Все правильно.

В этот момент из часовенки вышел Виноградов.

– Лелишна, что загрустила? Как дела? Куда идем дальше?

Марина, выходя следом, пошутила:

– Ну, что тебе ангелы сказали? Это их знак или ищем дальше?

– Знак их, – радостным голосом ответила Леля, – но мы ищем дальше!

– Так я и знал, – расхохотался Сережка, – мы без трудностей не можем, а если их нет, то создаем сами!

– Так, ребята, если вы пойдете прямо вниз вот по этой тропинке, то выйдете к Горицкому монастырю, или можете погулять тут по лесам, только учтите, что по Мауре можно ходить только в обозначенных местах. Костров не разводить, окурков не бросать, бутылками не кидаться. А мне надо обратно: Славка должен прийти, и на работу я хотела забежать. Так что оставляю вас одних, не заблудитесь?

– Не переживай, тут теряться вроде негде, к тому же я опытный следопыт, – гордо сказал Сережа и сделал мужественное лицо.

– Ну и отлично. Всех целую! – Марина побежала вниз, оставив ребят около часовни.

Леля молча стояла на камне и о чем-то раздумывала. Виноградов, увидев ее сосредоточенное лицо и стараясь не мешать, улегся на траву и стал любоваться весенним небом.

Вдруг Леля тихо произнесла:

– Они специально сюда пришли.

– Кто? – вздрогнул от неожиданности Сережа.

– Ученики Сергия Радонежского. Он послал их в это ме-

сто – четырех своих учеников, для того, чтобы они закрыли вход в эту гору. Он дал им кресты, и они с их помощью запечатали вход в Китеж до Конца Света.

– Откуда ты знаешь?

– Сама не пойму, я вдруг это очень ясно увидела. Гору, почерневшую от огня, на которой растут удивительные цветы и совсем нет деревьев. Местных жителей, которые боятся даже близко к ней подходить, и четырех мужчин в монашеских одеяниях, которые стоят на коленях с крестами в руках. Ты помнишь, кто это был?

– Ну, в общем, я в курсе, прочитал путеводитель и примерно сам знаю. Это были Павел Обнорский, Кирилл Белозерский, Ферапонт Белозерский и Дмитрий Прилуцкий. Каждый почему-то основал свой собственный монастырь, и они так и сохранились. Правда, монастырь Павла Обнорского совсем развалился, только воспоминания остались, да пару икон. Но все церкви стоят, и везде снова службы идут.

– Отлично, значит нам надо понять, как они это сделали.

– В целом, все логично, – продолжал задумчиво рассуждать Сережа, – когда они сюда пришли, здесь христиан не было, только местные язычники. Если они видели, как гора прилетела, то, ясное дело, боялись ее до смерти. Но цивилизация развивалась, людей становилось все больше, приходили новые, которые не знали историю горы, поэтому ее пришлось защищать. Поэтому они основали рядышком монастыри, чтобы иметь возможность молиться здесь и заодно

просвещать язычников. Только как мы поймем, что надо делать?

– Все должно быть просто, раз вход закрыт до Конца Времен, значит должны присутствовать ангелы. А наши ангелы говорят о необходимости людей. И они стояли вчетвером с крестами...

У Лели загорелись глаза от возникшей идеи.

– Смотри, как все здорово складывается. Нас четверо: двое ангелов держат кресты с Ангелом и двое людей с крестами, где Христос – Человек. Элементарно. Только куда вставить? Может, прямо здесь?

Она радостно схватила сумку и достала оттуда кресты.

– Мокий, Феодорит, давайте попробуем, и встанем вокруг камня.

Сережа закатил глаза, но следуя сформировавшейся привычке даже не стал спорить: пребывая в таком состоянии, Леля не допускала обсуждений. Ангелы также беспрекословно протянули руки, и кресты в руках засияли.

Они вчетвером встали вокруг камня, и Леля с замиранием сердца ждала, что произойдет чудо. Но ничего не происходило. Она поменяла всех местами, потом еще раз, потом еще, но все было тщетно. Кресты сияли только в ангельских руках, а в человеческих даже не блестели.

– Чего-то не хватает, – в сердцах сказала Леля. – Надо подумать!

– Думать не надо, – произнес Феодорит, – попробуй по-

чувствовать сердцем и увидишь глазами. Ведь именно это твой дар.

– Ой, действительно! Ах, вот откуда у меня эти картины прошлого: я их словно вижу во времени. А я как всегда, все приписываю себе. Прости Господи, до чего же я неблагодарная и самоуверенная, – Леля покачала головой, – конечно, у меня крест в руках не засияет, это просто невозможно.

– Это обычная человеческая самонадеянность, – погладил ее по голове Феодорит, – но если ты это понимаешь, то уже половина пути пройдена.

– Не хочется прерывать ваше покаянное настроение, но, по-моему, у нас опять неприятности, – голос Мокия на этот раз был встревоженным, а не привычно веселым.

Невдалеке они услышали шорох листьев и человеческое ворчание. Кто-то шел по тропинке.

– Скорее в часовню, надо спрятаться. – Виноградов схватил Лельку и потащил за собой. Они забежали внутрь и стали прислушиваться.

Голоса оказались противно знакомыми.

– Ремонт, в натуре, на фига мы сюда притащились, – тянул занудливо Интурист. – Подругу их прихватили и хватит. Сейчас сами прибегут, как миленькие. Ясен перец, они уже отвалили отсюда, чего тут делать. Пейзажи наблюдать?

– Не гундось, Интурист, сказано проверить, вот и проверяем, Мне неприятностей не надо. Она сказала, что они пошли в сторону женского монастыря прямо по тропинке, вот

мы и идем. Дыши кислородом, умник.

– Я не могу, у меня от свежего воздуха голова кружится, и, вообще, если бы я любил погони с засадами, то работал бы в милиции. Understand?

Они услышали радостное ржание знакомой компании. У Лельки похолодело сердце, и она в ужасе вцепилась Сережке в руку. Он приложил палец к губам и потащил ее прямо к двери. Они прижались к стене так, чтобы открывшаяся дверь их загородила.

Дверь действительно немного приоткрылась, но тут же захлопнулась.

– Да не фиг им тут делать, уже за лопатами небось пошли, клад копать.

Все загоготали еще громче.

– Надо перекурить. Жора, дай сигаретку.

Компания расположилась прямо около часовни.

– Слушай, а кто знает, чего ищем-то? На фига бабу эту прихватили, надо было сразу ее отпустить, они, как выяснилось, только слегка знакомы. Я бы в жизнь не потащился искать кого-то, с кем два дня протусовался.

– Ты плохо знаешь жизнь, Жора. Надо быть ближе к народу. А наш народ будет чувствовать вину за то, что из-за них кто-то пострадает, и сразу придет на переговоры. Все культурно, просто шеф хочет без эксцессов. Понял?

– Все, кроме последнего слова, – огрызнулся Жора, – не можешь выражаться, как все люди? Интурист хренов. – По-

том упрямо переспросил:

– А чего ищем-то?

– Я до конца не понял, но эта тетка с вечно недовольной рожей, вещала Ровшану про какой-то клад Кудеяра. Он был налетчиком, денег нагробил и припрятал где-то здесь.

– Круто! Много бабла-то?

– Думаю, немерено, – Ремонт расхохотался, – не переживай, Жорик, на тебе не потащим. Фуру закажем вывозить.

– Надеюсь! А то чуть что, так – Жора, давай. Я вам что, выучная лошадь, в натуре?

– Ты не выучная, но самая здоровая. Так все, кончай балдеть, пошли дальше.

Разговор стих, а скоро затихли и шаги. В полной тишине ребята стояли, прижавшись друг к другу, пока не раздался голос Феодорита:

– Они ушли достаточно далеко, можно выходить.

Сережа нежно отодвинул Лельку и ласково спросил:

– Ты как, сокровище?

– Я ужасно, – проговорила она. – Интурист абсолютно прав, я пойду куда угодно, лишь бы найти Марину.

Губы задрожали, но она не позволила себе разреветься. Хотя очень хотелось стать слабой и все предоставить решать Сережке, но было ясно – от нее сейчас ждут решений, а не наоборот.

– Где твой мобильник?

– У меня. А зачем? Ты думаешь, надо позвонить Марине?

– Думаю, сначала ей. Пусть они не знают, что мы слышали разговор этих уродов. А если не получится, то звоним Льву Григорьевичу. Вся проблема в том, что мы оставили все монеты дома, и у нас с собой только печать.

– Да, такой обмен их не устроит. Хотя, насколько я понял, они рассчитывают, что мы приведем их к кладу Кудеяра.

– Кто он такой? Что за чушь в голове у твоего консультанта? Вспоминаю Некрасова, но что-то не особо.

Сережа скривился почти снисходительно. С точки зрения историка, это должны были помнить все, кто учился в школе:

– Намек на консультанта оценил. Но справку выдам. Кудеяр – это атаман разбойников, вроде английского Робин Гуда. Грабил богатых и помогал бедным. Самая распространенная версия, что он был сыном Соломонии Сабуровой от ее брака с Василием III.

– Точно, точно, мне Маринка рассказывала, что он ее в монастырь сослал. Что, телефон-то работает? – беспокойно спросила Леля.

– Батарейка села, надо спуститься в машину, оттуда позвоним. Пошли, все равно здесь оставаться нельзя.

Они стали спускаться по тропинке, тревожно оглядываясь по сторонам. Чтобы Леля меньше фантазировала про всякие ужасы, Сережа стал отвлекать ее историческими подробностями:

– Василий Третий был женат на Соломонии Сабуровой двадцать лет, но у них не было детей. Они ездили на богомо-

лье, кстати, именно в эти места, но все бесполезно, Господь им детей не давал. Тогда он решил развестись и жениться на молоденькой литовской княжне Елене Глинской. Но по тем временам это было неслыханно. Царь не может развестись со своей венчанной женой! В истории это был первый случай, представляешь? Ему запретили все русские священники, даже византийский патриарх. Но он сделал по-своему. В результате, когда он Соломонию сослал, выяснилось, что она была беременна. Но царь уже влюбился в молодую и оставил все, как есть. Царица родила в Покровском монастыре сына и сказала, что ребенок вскоре умер. Но, как было на самом деле, никто не знал. Ведь Соломония прекрасно понимала, что ее сына просто убьют, если узнают, что он выжил. Для нее единственным выходом было спрятать ребенка. Кстати, известный исторический казус: когда уже в двадцатые годы прошлого века вскрыли детскую могилу в Покровском монастыре, то там в усыпальнице нашли деревянную куклу в красивой одежде. Вот так. Возможно, что первый сын царя, законный наследник престола, выжил и стал разбойником.

Он помолчал, но не дождавшись никаких комментариев, решил, что можно продолжить.

– А Василия Третьего Господь наказал: по сути на его сыне от второго брака, Иване Грозном, род Рюриковичей прервался. Федор Иоаннович единственный выживший сын Грозного был больным и царствовал недолго, и после его смерти недолго поцарствовал Годунов, а потом вся страна

погрузилась в тяжеленное, так называемое Смутное Время, когда не могли выбрать нового царя. И в результате Россия чуть не перешла в польское владычество. Еле отмолили грехи. Уникальный феномен. Народ отказался принять католическую веру и подчиниться полякам, хотя боярство уже согласилось. 1612 год – Минин и Пожарский, неся пред собой Казанскую Икону Божьей Матери, освободили Москву. Выбрали на царство Романовых. Кстати, теперь празднуем этот день каждый год – 4 ноября. День Казанской иконы и День народного единства.

– Да, ничего уже не помню, даже странно, – вяло прокомментировала Леля, – Ведь все десять раз проходили. Слушай, мне в голову пришла мысль, а Покровский монастырь, это тот, который в Суздале?

– Ну да.

– Ее сослали в Суздаль?!

– Ну да. Не улавливаю мысли? – заинтересованно проговорил Сережа.

– Так вот о какой опальной царице пишет Твердышева – о Соломонии!!! Это она передала шкатулку с крестами следующей опальной царице Евдокии Лопухиной.

– Точно, – Сережа даже остановился. – Ну ты, Соловьева, голова! Как у тебя мозг-то устроен. Поражаюсь. А шкатулку ей дали здесь, когда они приезжали молить о ребенке. Гениально!

– Согласна, – Леля скромно потупила глаза, но тут же сжа-

лась, как от боли,— Сереженька, как же мы будем Марину выручать? А? Ведь у нас нет клада Кудеяра, а они не поверят, это точно.

— Ну придумаем что-нибудь. Не страдай так сильно, ты ни в чем не виновата, правда.

Но Леля покачала головой и бегом побежала к парковке, где стояла их машина. Марининой машины рядом не оказалось. Там вообще никого не было, все вокруг казалось тихим и спокойным. Но как только они подошли к машине и сели в нее, откуда ни возьмись, показался большой черный автомобиль и перегородил им выезд. Потом с другой стороны подъехала еще машина и встала так, чтобы отрезать все возможные отходы. Ребята молча наблюдали за этими маневрами, благодарно улыбнувшись ангелам, которые сразу стали видимыми и одним своим видом внушали им спокойствие.

Глава 27

Из первого автомобиля вышел Лев Григорьевич в элегантном пальто и шляпе и, придерживая полы от ветра, пошел в их сторону. Сережа решил тоже выйти из машины, попросив Лелю сидеть внутри. Разговор должен быть мужским, объяснил он. Они отошли в сторону, и Леля вся извелась, глядя, как они вежливо общаются между собой. Наконец, они разошлись, и через некоторое время бандиты уехали.

– Ну что? Почему они укатили? Где Марина?

– Марина в частном доме, который они сняли для проживания. С ней все в порядке, ее кормят, и она в тепле и чистоте. Мы можем ей позвонить, в течение получаса по этому номеру. Потом он работать не будет, при необходимости дадут другой.

Леля тут же стала набирать телефон.

– Подожди, – остановил ее Виноградов, – Ты не знаешь, что мы скажем, звонок только один и должен быть по существу, без лишних эмоций.

– Что они хотят?

– Они хотят слишком много. Они уверены, что мы ищем клад, точнее, уже у цели. По поводу Кудеяра – им начхать, кто его спрятал, им важно содержимое. Они хотят присутствовать при раскопках и готовы даже с нами поделиться. Но это так, для красного словца, я думаю. Хотя все равно, кла-

да-то у нас нет.

– И что мы будем делать, пойдём в милицию?

– Леля, бандиты даже в кино предупреждают – никакой милиции. Нам просто никто не поверит. Они ее заставили позвонить Славке и сказать, что она срочно поехала в Нижний Новгород к маме на пару дней, и мы с тобой тоже. Поэтому никто ни о ком не волнуется. Уверен, что и звонок из Нижнего организуют. Марина сделает, что угодно, лишь бы защитить Славу. И мы не имеем право его подставлять. Мы в полном тупике. Но должны придумать выход.

– Милые ангелы, нужен совет в земных вопросах. – Леля посмотрела на них жалобно.

– Мы не знаем, как вам поступить, но мы можем найти клад, – тихим голосом произнес Мокий.

Леля с Сережей удивленно уставились на них.

– На полном серьёзе? – проговорили они одновременно.

– Конечно, сейчас не время для шуток.

– И где?

– Нам нужно немного времени. Будьте благоразумны. Ни один человек не должен пострадать.

И они исчезли, оставив ребят в полном недоумении.

Леля опомнилась первой и сразу стала набирать телефон для разговора с Мариной. Марина говорила на удивление спокойно и доброжелательно. Она сказала, что уверена, что все разрешится к лучшему и готова подождать, пока они закончат поиски.

– Да, Лелечка, – сказала она под конец беседы, – если будет звонить Николай, не говори ему ничего, пусть к нам не заезжает, а едет сразу в Нижний. Скажи, я потом ему сама перезвоню. А то он собирался заехать по дороге. Ну, чтобы не получилось некрасиво – он приедет, а нас нет.

– Хорошо, – ответила Леля, и вдруг, не выдержав, почти разревелась в трубку, – Мариночка, прости нас, ради Бога. Так все глупо получилось, я должна была тебе все раньше объяснить.

Но разговор тут же прервался. Леля с тоской посмотрела на телефон и отдала его Виноградову.

– Все, она повесила трубку, или они разъединили.

Он обнял ее за плечи и слегка прижал к себе.

– Что будем сейчас делать, Лелишна? – тихо спросил он. – Надо устроиться куда-то на ночлег, нам нельзя к Славке возвращаться.

Она беззвучно кивнула. Они посидели немного в тишине, и Сережа прошептал ей прямо в ухо:

– Как мыслишь, почему она сказала про Николая?

Она так же беззвучно пожала плечами.

– А я вот думаю, – очень тихо ответил он сам себе, – чтобы мы обязательно ему позвонили, она уверена, что он сможет нам помочь. У нас остался телефон?

Леля полезла в сумку и также молча подала ему бумажку, на которой была схема проезда в Немятово, вместе с номером Николая.

Виноградов взял листок и вышел из машины. Леля проводила его удивленным взглядом и, подумав, вылезла следом. Сережа отошел довольно далеко в сторону, огляделся и только потом стал набирать номер. Леля подошла поближе и окликнула:

– Эй! Ты чего?

– Ничего! Не шуми, везде могут быть жучки, вдруг они нас слушают? Я уже один раз лопухнулся и недооценил эту братию. Так они нас быстро вычислили. А сейчас нельзя их на Николая навести. Хотя не представляю, чем он может нам помочь.

Разговор с Николаем оказался очень лаконичным. Он почти ни о чем не спросил, молча выслушал рассказ и назначил встречу завтра в Успенском соборе Кирилло-Белоозерского монастыря ровно в 15 часов. Посоветовал не делать глупостей и ждать его. Сережа пересказал все это Леле и добавил от себя:

– Не внушаем мы с тобой никому доверия, ангелы нас попросили не делать глупостей, и Николай – тоже.

Глава 28

Как и все люди на свете, Лев Григорьевич считал себя вполне хорошим человеком. И, действительно, он никого не убивал и не грабил. Он даже никого не обманывал, всегда предлагая свою цену за любую антикварную вещь. Если граждане отказывались, то это их вина, что он был вынужден ее отобрать. Ведь надо было обязательно сохранить редкость для последующих поколений. А сохранность гарантировали только хорошие коллекционеры. Он считал преступлением, если ценности хранились дома, без специальных условий и боролся с человеческим невежеством всеми способами. Вот и сейчас он был озабочен благороднейшей миссией – сохранить для потомков ценнейший старинный клад. Ведь даже представить страшно, как могут им распорядиться некоторые дилетанты, и будет совсем безобразие, если вмешается государство, и все разворуют еще в милиции.

Поэтому он был серьезно раздражен создавшейся ситуацией, когда командование над всей операцией взял в свои руки Ровшан. Как-то странно быстро он все захватил. Ведь это была его и только его тема. А теперь он командует им и его специалистами, как хочет. А ведь на самом деле этот жулик всю жизнь имел дело с ворами и черными археологами и понятия не имеет об истинных культурных ценностях! Конечно, его иногда принимало общество любителей стари-

ны, но только потому, что он обычно оплачивал ужин. «Как несправедливо!» – рассуждал Лев Григорьевич, сидя на веранде дома, который был снят для проживания на время операции.

А ведь он был неправ. Ровшан Маратович по праву занимал достойное место в этой компании. И не только из-за денег. Все они, белоручки, пользовались его способностью быстро найти нелюбопытного покупателя или замять ненужные разговоры. Сам же Ровшан считал себя даже слишком добрым и отзывчивым человеком. Сколько раз он страдал из-за желания помочь. Вот и сейчас ему просто стало жалко бедного Лева, который не сможет выжать максимума из этой ситуации.

Если бы не он, сидел бы Лева у себя в квартире с одной монеткой и мечтал об остальных.

– Эх, все приходится делать самому, – мысленно рассуждал Ровшан, сидя напротив антиквара на той же веранде, и потягивая коньяк мелкими глоточками.

– Дорогой Лев Григорьевич, почему бы тебе не выпить? От твоего кислого лица хочется шоколада наестся, а мне вредно.

– Не сегодня, мне нужна светлая голова, от коньяка я вялым становлюсь.

– Ну и отлично, это то, что надо! Отдохни, все идет по плану.

– Не нравится мне ваш план, – огрызнулся антиквар. – Я

и в клад не верю. Надо было брать их на квартире вместе с монетами. Так нет, притащились сюда. Хорошо хоть нашли. Почти случайно.

– Э-э, ты опять драматизируешь! Клад есть, что-о они по-твоему ищут? – тягуче рассуждал Ровшан, развалившись в кресле, чем еще больше раздражал антиквара.

– Не знаю, может, библиотеку Ивана Грозного или гроб Вещего Олега? У этих красных следопытов всякая ерунда в голове может быть. Когда я с ним у машины разговаривал, он аж побледнел, узнав, что они проблему со своей подругой закроют только после того, как мы клад заберем.

– Люди жадные и трусливые, не осуждай их. Все расскажут, как миленькие, я уверен, завтра уже все будет ясно. Ты договорился о встрече?

– В общих чертах. Сегодня вечером я им позвоню.

– Никуда не денутся, в машине наша прослушка, пусть принимают решение. А если будут выпендриваться, тогда добавим неприятностей.

Ровшан благодушно улыбнулся и спросил:

– Что твоя Алла Сергеевна? Приедет?

– Она сказала, что при необходимости прилетит.

– Осторожная дама.

– Еще бы.

– Только очень жадная. Скажи, Левушка, – философски зевнул Ровшан, – и чего люди такие жадные?

Лев Григорьевич слегка передернулся от такого обраще-

ния, но не стал поправлять, а только кисло улыбнулся. Настоящий охотник должен уметь ждать. И он подождет, когда можно будет избавиться от наглого азербайджанца.

Ребята стояли около своего автомобиля и боялись в него сесть, одна мысль о том, что их подслушивают, вызывала желание ходить пешком. Но ехать было надо. Они решили остановиться в гостиничном комплексе около Кирилло-Белозерского монастыря. Им повезло, сезон еще не начался, и свободных мест оказалось много. Ребята выбрали номер подешевле, но он все равно оказался очень симпатичным. На стене висела большая фотография монастыря, а деревянные кровати были застелены покрывалами в синюю клеточку. Такими же были и шторы. Создавалось ощущение загородного уюта и дачного отдыха.

– Представляю, как хорошо здесь летом, – проговорила Леля, в изнеможении плюхаясь на кровать. – Чур моя у окошка, я люблю спать под форточкой.

– Мне все равно, – рассеяно ответил Сережа, – где тебе удобнее.

Он все время о чем-то мыслил и прикидывал в голове, так что Леля, вначале вежливо молчавшая по этому поводу, не выдержала и спросила:

– Виноградов, сознавайся, о чем ты думаешь?

– Я думаю про меру измерения.

– Не поняла. – Она устало потерла глаза. – Прости, я что-

то плохо соображаю, ты вообще про что?

– Да про нашу гору – Мауру. Помнишь в тексте из шка- тулки даны точные размеры этой горы в саженьях?

Леля кивнула головой и села на кровати, чтобы слушать. Ей не хотелось, чтобы Сережа обиделся, увидев, что она ду- мает о другом.

– Так вот. Когда мы припарковались и прогулялись по мо- настырю, я вспомнил очень интересный исторический факт. Летописи рассказывают о золотом поясе князя Шимана, ко- торый был сделан в меру Гроба Господня. Этот пояс был ме- рой, по которой строили Успенский собор Киеве, а потом и все русские церкви. Это длина называется ростовой саже- нью. Понимаешь, раньше все церкви и монастыри измеря- лись в этих саженьях. То есть в нашем послании эти цифры даны не просто так! Они точно определяют размеры горы в тот момент, когда она прилетела. Ведь сейчас там совсем другие очертания. Столько лет прошло, водохранилище по- строили, все изменилось. Короче, нам надо вычислить осно- вание горы там, где оно было, а не там, где оно есть.

– Гениально, но что это нам даст? – Леля оживилась. – Хотя не исключено, что мы тогда сможем найти нужное ме- сто. Ведь в моем видении старцы стояли лицом к реке почти у подножия горы, а вовсе не на ее вершине. Я стояла на кам- не и видела их внизу.

Она закрыла глаза, чтобы вспомнить картину. Потом по- жала плечами, что-то прикидывая:

– Слушай, а сколько эта сажень в сантиметрах?

– 174,6 сантиметров. Кстати в 50-е годы в Чернигове нашли такой золотой пояс и именно такой длины. Сейчас в музее в Киеве хранится.

– Надо же! Может это и есть пояс Шимана?

– Есть такая теория. Правда, этих саженей была целая куча. Но мне кажется, что в данном случае измеряли все-таки мерой Гроба Господня.

– Откуда ты все знаешь? Я вот математик и ничего про измерения не помню.

– Да ладно, можешь не восхищаться, – отмахнулся Сережа, – Просто мы это изучали. Короче, нам надо туда еще раз съездить и все внимательно просчитать.

– Согласна, надо обязательно будет съездить, но, – Леля pokrивилась как от сильной боли, – к сожалению, придется заняться этим позже. Сейчас главное – это Марина.

– Кто бы спорил! – согласно кивнул головой Виноградов и стал разбирать свою сумку.

Всхлипнув от бессилия, Леля прыгнула с кровати и с отчаянием в голосе проговорила:

– Какие они все гады противные! Своей непомерной жадностью все испортили!

Она сжала свои кулачки и с ощущением непоправимой беды зажмурила глаза. Ей казалось, что ужаснее ситуации и быть не может, чувство вины жгло ее изнутри, хотелось плакать и кричать одновременно.

Сереза бросил сумку, молча подошел и обнял ее. Он сильно прижал ее голову к своему плечу, чтобы она почувствовала, что он рядом и готов помочь.

– Мы справимся, я тебе обещаю, – произнес он.

Прошло несколько минут, прежде чем она кивнула и, собрав волю, приказала себе успокоиться. Потом, чтобы показать Серезе, что она уже успокоилась, как ни в чем не бывало, спросила:

– Виноградов, я очень тебя огорчу, если первая займу душ?

Он тут же отпустил ее и ответил:

– Ни капельки, мне надо подумать. Очень интересная задачка получилась.

Когда через полчаса Леля вышла из ванной, Серези в комнате не было.

Но пока она стояла с полотенцем и размышляла, переживать ей или нет, он появился в дверях. Сереза принес пакеты с едой и, высыпая содержимое на стол, поинтересовался:

– Лелишна, ты, случайно, не волновалась? Извини, что ушел, не предупредив. На меня такой голод напал, что я чуть не умер. А потом я подумал, что вдвоем из номера пока не стоит выходить. Они сразу жучков напихают, и мы не сможем здесь разговаривать. Дождемся наших ангелов, и потом будет ясно, что делать.

– Да я никуда и не хочу. У меня настроения совсем нет, – она горестно вздохнула, – лучше бы я была заложником. А

ты бы меня выручал. Хотя не было бы этого противного чувства вины, что из-за тебя человек страдает.

– Леля, – с укоризной проговорил Виноградов, – сколько можно себя мучить? От этого что? Есть какой-нибудь толк? Эмоции – самый плохой советчик во всех вопросах. Ты должна доверять ангелам, они четко сказали – ни один человек не должен пострадать, или ты думаешь, они не держат свое слово?

Леля только раскрыла рот, чтобы выступить с ответной речью, как раздался знакомый веселый голос:

– Соскучились?

Оба с облегчением выдохнули:

– Не то слово!

– Ну почему вас так долго не было?! Я вся извелась, – воскликнула Леля. Она едва не заплакала от радости. Тревога, не отпускавшая ее ни на секунду, куда-то улетучилась в один момент. Ангелы стояли рядом и ласково смотрели на нее.

– Лелечка, с тобой все в порядке? У тебя был грустный вид. Не надо переживать. Мы нашли для вас клад, как и обещали. – Голос Феодорита был лучшим лекарством. И как она могла сомневаться, что все будет хорошо?

Глава 29

История о кладе оказалась совсем непритязательной и обычной: никаких разбойников и страшных похищений. А в исполнении Феодорита даже немного печальной. Ангел вещал тихим голосом, как обычно без особых эмоций, довольно монотонно излагая только необходимые факты.

– Легенда о сокровищах этого края сейчас совсем забылась. А ведь были времена, когда за местечко Крохин Посад шли бесконечные споры и судебные тяжбы. Сейчас там все затоплено водой и никому нет дела. Так уж получилось, что река Шексна почти полностью утратила свое старое русло в результате постройки Волго-Балтийского канала и Рыбинской ГЭС. Трудными человеческими произошло «чудо», вместо длинной, широкой реки, в которой ловили знаменитую шекснинскую стерлядь – два огромных водохранилища и немного болот.

Необходимо отметить, что ныне затопленный город назывался Белоозеро и был не маленьким городишком, а представлял из себя цветущую столицу местного княжества. Нас интересует семья по фамилии Гордеевы, которая проживала в этом городе, как вы уже догадались, в части под названием Крохин Посад. Гордеевы были весьма состоятельны и на свои деньги построили церковь, в подвале которой находился их семейный склеп. Однако, Господь попустил нашествию

на этот город эпидемии чумы.

Господа Гордеевы не стали дожидаться, когда беда постучит и в их дом, а собрали вещи и укатили в свое имение под Нижним Новгородом. Правда, они собирались вскоре вернуться, поэтому не стали забирать с собой золото, опасаясь ограбления в пути, а просто сложили все ценности в сундуки и отнесли в свою церковь. Там они похоронили их в одной из пустующих гробниц и замуровали вход в подвал до своего возвращения.

Но, к несчастью для жителей, страшная эпидемия терзала этот город более десяти лет. Она то оставляла его, то возвращалась за новыми жертвами. Семья Гордеевых так никогда и не вернулась за своим имуществом, опасаясь заразной болезни. В конце концов, и все жители были вынуждены покинуть город, навсегда бросив свои дома. На другом берегу реки ими был построен новый город Белозерск. И со временем все, что было связано с этой трагедией, забылось. Осталась только легенда о сокровищах в мертвом городе. Она несколько преувеличивает их количество, но они действительно существуют.

Честно говоря, о сокровищах Гордеевых слышали многие, даже настоятели близлежащих монастырей, поэтому местечко Крохин Посад, где стояла наша церковь, всегда являлось предметом торга и разбирательств. Монахи считали, что откапывать клад очень опасно, это может вызвать новую эпидемию. Поэтому ставили препоны желающим купить эти зем-

ли и хранили тайну основательно. И хотя никто толком уже не знал, что и где надо искать, желающие все равно находились. Но человеческая память не вечна, поэтому вскоре все про них окончательно забыли. Церковь несколько раз перестраивалась, а на данный момент весь город находится под водой Шекснинского водохранилища.

Но, – Феодорит сделал торжественную паузу, – нам повезло! Именно в том месте, где зарыт наш клад, существует так называемый Крохин брод. Там мелководе, и Рождественская церковь видна из-под воды. Как вы уже догадались, именно в ее подвале и спрятаны необходимые сундуки.

Он немного помолчал и, не дождавшись вопросов, закончил рассказ:

– Клад на месте, друзья мои! И вы вполне можете его найти.

Ребята сидели на кроватях и переваривали информацию. Но, как тут же выяснилось, мысли у них были очень разные. Первой высказалась Леля:

– Все очень интересно, только у меня один вопрос: а чуму мы, случайно, не раскопаем?

Увидев удивленный взгляд Сережи, она смутилась:

– А что? Я на всякий случай спросила.

– Я тебя умоляю, не придумывай дополнительных ужасов. Теперь всем известно, что чуму переносили крысиные блохи, кусавшие людей, – пояснил Виноградов. – Об этом раньше не догадывались, поэтому и не могли с эпидемией спра-

виться. К тому же, за пять столетий крысы и блохи, надеюсь, все передохли.

Виноградов хмыкнул, представив, какой вопль издаст Лелишна, если увидит крысу, не говоря уже о блохе.

– Самый важный вопрос, – улыбнувшись своим мыслям, продолжил он, – который меня лично беспокоит: Как мы преподнесем эту информацию Доберманычу? Он ведь не идиот: должна быть связь с посланием из шкатулки.

Но эта мысль меньше всего беспокоила Лельку.

– Какая разница, – махнула она рукой, – для них главное деньги, а не историческая справка.

– Не скажи, надо ведь заставить их организовать раскопки прямо в воде, а это тоже стоит денег. А где деньги, там нужны основания для трат. Нет, надо все продумать.

– Ладно, давай продумаем. Только чуть попозже. Сегодня уже мозг не работает.

– Лелечка, милая, они ведь нам позвонят сегодня.

– А ты назначь встречу на завтра и мы успеем все решить, – она мило улыбнулась и потянулась за бутербродом, – предлагаю пир! За Маринкину свободу! Феодорит, Мокий! Как здорово, что вы есть! Спасибо вам!

– Сдаюсь! – ответил Сережа и принялся за еду, – честно говоря, мой мозг тоже плохо работает без пищи.

Весь вечер они провели в номере, обсуждая подходы к кладу, и даже звонок Льва Григорьевича не нарушил их хорошего настроения. Без внутреннего напряжения не обо-

шлось, но Сереже удалось вполне уверенно потребовать разговора с Мариной, после которого он вежливо попросил дать им время до завтрашнего вечера.

Но от Льва Григорьевича нельзя было просто так отвязаться, он занудливо попросил объяснений, намекая на возможные неприятности. Он противно шелестел губами о трубку, высказывая свои требования, но Виноградов был спокоен и вежлив. В итоге, выдержав довольно длительное давление антиквара, Сережа не уступил и категорично пообещал дать исчерпывающую информацию завтра в пять вечера и не раньше. Затем потребовал полную безопасность для всех и в первую очередь для Марины, иначе неприятности могут возникнуть у обеих сторон.

Лев Григорьевич был несколько удивлен тоном разговора, но по сути остался доволен беседой. «Они знают точно, что клад есть и знают где, иначе этот спелеологический умник не корчил бы из себя бизнесмена», – решил он и удовлетворенно улыбнулся Ровшану. Деньги уже рядом, надо их только взять.

На следующий день Леля проснулась от звука хлопнувшей двери. Она подскочила на кровати и увидела, что Сережа куда-то ушел. Взглянув на часы, Леля стала быстро одеваться, понимая, что времени до пяти часов не очень много, а умная мысль никого еще не посетила.

Собравшись, она села у окна и стала ждать Сережу, пыта-

ьясь придумать, что сказать бандитам. Думать не очень получилось. Леля смотрела в окно и разглядывала туристов, собиравшихся после завтрака у автобуса. Один мужичок не вполне трезвого вида пытался им продать какую-то вещь, расхваливая свой товар очень назойливо. Народ отмахивался от него и отходил в сторону, но тот все равно приставал ко всем подряд. Она с любопытством изучала, как реагируют люди в такой ситуации. Кто-то вежливо отказывался, кто-то делал вид, что не замечает, а кто-то посылал на русский манер. И тут, к ее изумлению, к пьянице подошел Сережа и, немного поторговавшись, стал доставать деньги из кармана. Купив эту вещь, он радостно похлопал мужичка по плечу и, чуть не расцеловав, побежал к своей машине. Леля в недоумении смотрела, как ее друг укатил в неизвестном направлении. Проводив его удивленным взглядом, она посмотрела обратно на продавца и заметила, что дядька, покупавший что-то в ларьке, услышав шум отъехавшей машины, резко оглянулся. Злобно сплюнув и пихая в карманы свои покупки, он рванулся к стоявшей у обочины черной Волге и помчался следом за Сережей так, как будто от этого зависела его жизнь.

– Ничего себе! – присвистнула Леля, – хорошо хоть он не видел, как Сережа торговался. Хотя почему хорошо? Может, он купил какую-нибудь ерунду. Нет, вряд ли. Он так обрадовался, определенно что-то нужное приобрел.

Ее любопытство разгорелось с новой силой.

Ждать пришлось недолго. Виноградов вернулся с целой охапкой книг и в отличном настроении.

– Лелишна, пока ты дрыхла, меня посетила гениальная мысль.

– Иначе и быть не могло! – усмехнулась она, – объясни, пожалуйста, что ты купил у этого дядьки, я умираю от любопытства.

– А-а, понятно. Гениальная мысль меня посетила, когда ты уже проснулась и смотрела в окно. Я приобрел у него кусок старой медной пластины. Он нашел ее где-то в лесу и решил продать туристам. Я, очевидно, переплатил, но мысль, когда я ее увидел, того стоила. Короче, я придумал басню для Льва Григорьевича.

Он удовлетворенно сложил руки на груди:

– Требую твоих восторгов!

– Вначале расскажи, чем восторгаться-то надо.

План Виноградов был действительно очень прост. Если нет никаких вещественных доказательств существования клада, надо их создать самим.

Увидев медную пластинку, он сразу решил, что это идеальная вещь, на которой можно создать мнимую карту сокровищ. Что может быть проще? У них просто есть карта, и они по ней ищут клад. А эту карту оставили сами господа Гордеевы своим потомкам. Упоминание о горе Маура взято специально, чтобы потомки вспомнили, где было их родовое имение – рядом с горой в городе Белоозеро. Все просто!

Может, у них этих имений было великое множество, надо же объяснить, какое именно нужно. А история про гору, которая прилетела, была всем известна как легенда, объяснявшая ее странный вид.

Осталось только нацарапать схему поиска на дощечке. И все.

– Действительно, все гениальное – просто, ты – молодец! – Леля встала на цыпочки и поцеловала Виноградова в щеку. Он отчего-то вдруг смутился и слегка покраснел. Леля от неожиданности тоже покраснела и, чтобы загладить неловкость, спросила:

– А зачем столько книг?

– Как зачем, мы ведь должны где-то карту срисовать, нам ведь не современная нужна, а старинная. Вот смотри, как интересно.

Книжки были посвящены историческим и святым местам Белозерья. Одна из них оказалась музейным сборником выступлений на конференциях по этой теме. Редко читавшая такие книги, Леля с трудом понимала даже названия статей. Но с усердием решила вникнуть во все, скрупулезно собираемые учеными мелочи. Вдруг что-то пригодится в их поисках?

– Да, музейное дело не для меня, – вздохнула она, – не хватит терпения, но так интересно!

– Не увлекайся, надо искать только нужную информацию. Книжки наши, я их уже купил, остальное потом изучишь.

– Ладно, кончай меня воспитывать. Вот смотри лучше – древняя карта города Белоозеро, обалдеть! Как они ее составили-то?

– Супер! Давай ее сюда. Это то, что нам нужно! – Сережа деловито начал изучать карту.

– Ага, вот и Рождественская церковь. С нее и начнем.

Работа кипела полдня. Они прочитали и изучили столько сведений по этому краю, что у Лельки сложилось ощущение, что она может идти работать экскурсоводом. В конце концов, слегка одурев от обилия информации, они составили настоящую карту сокровищ.

– Феодорит, Мокий! – гордясь собственными трудами, позвал Сережа, раскладывая эскиз карты. – Посмотрите, пожалуйста, найдем мы по ней нашу церковь или нет?

– Карта неплохая, но друзья, зачем вы ее подписали буквой «Г»? – произнес Феодорит после внимательного изучения.

– И зачем гроб с крестиком внутри нарисовали?

– Но мы ведь не написали фамилию полностью, – оправдался Сережа, – а с гробом более эффектно.

– Правильно, надо еще череп с костями нарисовать! – усмехнулся Мокий. – Пусть думают, что по Шексне плавали пираты и это их клад. Творческий полет нельзя тормозить! – и еще веселее добавил. – А давайте еще парочку ложных путей нарисуем. Пусть поищут!

Феодорит улыбнулся:

– У меня есть еще одно замечание. Со временем медная дощечка окисляется, особенно в сыром месте, и изображение на ней может сохраняться только в окисленном слое.

– Я уже это продумал, – деловито ответил Сережа, – Я нанесу на нее грязь, начерчу на ней план, сфотографирую ее, а потом мы все сотрем. И скажем, что решили ее почистить, и в результате все стерлось. Поэтому она выглядит не так старинно. Я как археолог, конечно, должен это знать. Но, может, Леля решила ее помыть.

– Конечно, главная дурочка – это я. Хотя я действительно этого не знала.

– Осталось только четко определиться с легендой. Итак, мы нашли клад с монетами, печатью и медной пластиной. Печать привела нас к шкатулке, а та, в свою очередь, к письму Твердышевой. В нем есть стихи. Помните: Простерши руки крест образуем... – Сережкины глаза загорелись от возникшей идеи, – нам надо на пластине написать эти же стихи. Или нет! Мы нарисуем изображение с камня в Старой Ладоге, ну, на которое вы меня уложили, помните? И все будет связано в одну цепочку. Понятно, что остается только пойти и взять клад. Ура, все сходится.

И он начал замазывать пластину разведенной им глиняной грязью с купоросом, которая по его расчетам на фотографии должна была выглядеть пятисотлетней патиной. Леля даже рот открыла от такого полета фантазии, но решила, что Льву Григорьевичу вполне достаточно, а потом им будет

уже все равно. Деньги закроют глаза на все неточности.

Подготовка пластины прошла успешно, фотография получилась просто замечательной. Дощечку намыли и внимательно осмотрели.

– Определить, какого она века, теперь невозможно, – удовлетворенно произнес Сережа. – Аплодисменты?

– Класс, ты гений! – захлопала в ладоши Леля.

Ангелы заулыбались их ребячеству, а Мокий не удержался и вставил:

– Все-таки череп с костями надо было нарисовать, авантюристы из вас отличные получились.

Глава 30

Полдня было отдано подготовке к встрече с бандитами. Все вещественные доказательства собраны, и вариант версии тщательно продуман. Но до этой встречи должна была состояться не менее важная встреча с Николаем. Здесь обсуждение зашло в тупик. Реально признаться Николаю, что они с самого начала занимались поисками клада и неосмотрительно втянули в это Марину, было просто стыдно. Они с женой так хорошо к ним отнеслись, а тут черные археологи с жадной наживой. Стыдно и грустно. А сказать правду просто невозможно.

– Я рассказала Ольге про бандитов, про клад в тетушкиной квартире и про то, что они не поверили в столь маленькое количество монет. Вот и все. А на Мауру мы собрались, чтобы увидеть место семейного предания.

Сереза неодобрительно хмыкнул.

– Лучше промолчать, чем сочинять неправду. Надо было ограничиться кладом.

– Ну согласна, я увлеклась, но зато сколько всего нам рассказала Марина про эти места.

– Вот-вот, теперь это выглядит, как будто мы специально у нее информацию выуживали для своих корыстных интересов.

– Неправда, они так не подумают! Не станут думать! Мы

им покажем письмо из шкатулки и скажем, что поехали посмотреть на гору, которая прилетела. Реально ведь в это никто не поверит. Так, красивая легенда, не более того.

Леля раскраснелась и разнервничалась.

– Ты из вредности меня достаешь, я ничего такого не говорила.

– Ладно, – примирительно буркнул Виноградов. – Язык у девушек без костей, это всем известно. Предлагаю такой вариант. Мы расскажем Николаю в основном правду. То есть мы не знали про клад, но когда приехали на Мауру, догадались. А они за нами следили, подслушивали, и, пока мы решали, как поступить, они захватили Марину в заложники. Придется ему впарить и эту медную дощечку с кладом, иначе не поверит, решит, что у нас внутренние бандитские разборки, типа: мы не стали делиться и свалили, а теперь нас свои же ищут. От души надеюсь, он почувствует нашу искренность и поверит в нашу непричастность. Хотя реально, что можно сделать?

Он озадаченно почесал лоб и сказал ободряющим голосом:

– Но по сути, они эти места знают, может, сами Маринку найдут. Не так много народа здесь дачи приличные сдает.

Леля была так огорчена перспективой стать одним из членов антикварной мафии, что чуть не разревелась. Ей так нравились Николай и Ольга, что возможность потерять расположение этих людей показалась просто ужасной. Она постра-

дала немного, а потом, взглянув на часы, спросила:

– Кстати, а как мы пойдем с Николаем на встречу? За нами же следят. Я видела дядьку под окном, который за тобой помчался, когда ты за книгами поехал.

– Да ты что? – удивился Сергей, – я не думал, что у них так много народа, да и зачем? Куда мы денемся, пока у них Маринка?

– Как зачем? Каждый мерит по себе. Или ты думаешь, что поговорка: «Сам погибай, но товарища выручай» у них популярна? – язвительно спросила Леля.

Виноградов задумался и стал ходить из угла в угол. Было видно, как он размышляет, по ходу дела превращаясь в героя-спасителя. Выражение лица стало сокрушительным и деловым. Женщинам и детям места в его героической борьбе не выделялось. О чем он и сообщил Леле, велев ей сидеть в номере и ждать.

– Я сам прекрасно все сделаю, ты мне будешь только мешать. Я встречусь с Николаем и потом с Львом Григорьевичем. А ты, пока я говорю с Николаем, болтайся в поле зрения окна, чтобы они не догадались, что я ушел.

– И речи быть не может, сам сиди в номере, мне уже здесь дурно, – искренне возмутилась она.

– Леля, ты ведь прекрасно понимаешь, что я прав. Я выйду через балкон и спущусь по пожарной лестнице. Ты ведь так не сможешь? Кто говорил «я – не спортивная»? И высоты ты боишься, и подтянуться не сможешь. Лучше смотри,

чтобы меня не застукали, я вернусь через час, не позднее, и мы пойдем на встречу с Львом Доберманьчем. Туда я тебя возьму, обещаю.

Леля обиженно повздыхала, но встретившись взглядом с Феодоритом, который вдруг материализовался рядом, решила не возражать.

– Извините, что прерываю, но Сергею надо поторопиться, оба ваши соглядатая сейчас курят у машины, ты как раз можешь спуститься с другой стороны здания. Потом они могут разделиться. Мы с Мокием наблюдали за ними, они обходят здание по кругу регулярно.

– Все, я побежал, – Сергей схватил куртку и выскочил из номера.

Леля подошла к окну и незаметно выглянула наружу. Так ей во всяком случае показалось. Потом вспомнив старый шпионский трюк, полезла в сумочку и достала оттуда зеркало. Встав спиной к окну, с интересом стала наблюдать за событиями. Знакомый уже дядька беседовал с парнем вполне приличного вида. Вокруг них, у входа, толпилось много народу, видно было, что приехала какая-то экскурсия. Местные жители торговали сувенирами и выпечкой. Однако, спустя всего пару минут, Леля в ужасе заметила, что бандиты собираются расходиться в разные стороны и приветственно подняли руки.

– Мокий, скорей посмотри, Сережка уже ушел?

Через секунду ангел встревожено ответил:

– Нет, он почти спустился, но ему надо уйти подальше, иначе его заметят.

Тут Леля, недолго думая, распахнула окошко и гневно провозила:

– Если ты не прекратишь, я выкину твои бабки наружу!

В руке она зажала Сережин рюкзак и болтала им с угрожающим видом, будто пыталась выбросить.

Леля кричала очень громко, на это у нее был особый талант. Поэтому оба бандита с интересом остановились и стали наблюдать за происходящим.

– Нет, – кричала Леля, – не надо меня успокаивать, пусть все горит синим пламенем! Мне надоели твои обещания!

Увидев, что привлекла всеобщее внимание, она продолжила мнимый разговор потише, но руку из окна не вынимала. И даже делала вид, будто кто-то собирается отобрать у нее сумку. Внизу народ забавлялся зрелищем и ждал продолжения. Бандиты стояли, привалившись к машине, и посмеивались. Один из них даже нахально крикнул:

– Девушка! Вам помочь?

Тот, что постарше, пихнул его в бок.

– Кидай сюда! Не стесняйся!

Леля гневно сверкнула в их сторону глазами, и они оба заржали.

Наконец, раздался тихий голос Феодорита:

– Все в порядке, он ушел, Мокий с ним. Мне остаться с тобой?

– Нет, все хорошо, мне немного тревожно, но я позову, если что. Помогайте Сереже.

И она закончила представление, делая вид, что беседа перетекла в мирное русло.

Виноградов чувствовал себя необходимым героем, ловко перелезая через оградку балкона, выходявшего на пожарную лестницу. Спуститься вниз и спрыгнуть на землю для него не представляло большого труда, это было привычно и понятно.

– Как она умудрилась так изменить мою жизнь, – удивленно думал он, – я даже соображаю быстрее. Вспомнил про пояс Шимана. Странно, ведь я про это лет шесть назад читал. Мне не хочется валяться с книжкой на диване, даже про комп не вспоминаю. Я живу совсем другой жизнью, и все, что мне реально хочется, так это найти этот странный город Китеж. Но, если честно, больше всего мне хочется быть рядом с ней. Спорить, обсуждать, смотреть, как она переживает и радуется. Что с тобой, Виноградов? Уж не влюбился ли ты?

Он спрыгнул с лестницы и перебежал на другую сторону дороги. Народ что-то с интересом наблюдал у гостиницы. Воспользовавшись ситуацией, он пристроился к какой-то группе экскурсантов и, никем не замеченный, подошел к Успенскому Собору.

Собор был великолепен. Сережа обошел вокруг, потом зашел внутрь и начал с интересом рассматривать настенные

рописи.

Задумавшись, он даже вздрогнул, когда тихий голос Николая сзади произнес:

– Не оборачивайся, не торопясь, иди в сторону братского корпуса и заходи внутрь. На входе скажешь: с благословения настоятеля к брату Дионисию. Я буду тебя там ждать.

У Сережи сразу вспотел затылок от напряжения. Он захотел обернуться, но сдержал себя и внутренне рассмеялся, вспомнив старый китайский анекдот про белую обезьяну, про которую ни в коем случае нельзя было думать. Но тем не менее, чувствуя себя доблестным советским разведчиком, он послушно пошел в сторону братского корпуса. Пароль оказался верным, и его пустили без дополнительных вопросов, объяснив, куда идти.

Николай сидел за столом в маленькой комнатке и поднялся ему навстречу с широкой улыбкой. Потом пожал руку и, качая головой, назидательно сказал:

– Ну что, натворили дел? Сразу не могли все рассказать? Попросить о помощи?

И тут Сережа, к своему изумлению, узнал, что Николай является главой отдела регионального управления по борьбе с организованной преступностью, а короче – РУБОПа. У него даже внизу живота похолодело, когда он понял, кому придется врать про клад. Одно утешало: он действительно ничего не знал до вчерашнего вечера.

Выслушав версию событий, Николай усмехнулся и потер

свою могучую шею.

– Та-ак! История глупее некуда, но, по моему опыту, чем глупее, тем правдивее. Короче, вы готовы отдать клад бандитам в обмен на Марину, так я понимаю? Благородно!

– Ладно издеваться, мы и не собирались его доставать, на это у нас денег нет. Нужно же оборудование, чтобы подвал вскрыть и воду откачать. Потом мы ведь не знаем наверняка, есть там что-нибудь или нет. Так, исследовательский интерес. Собрали бы доказательства, может, потом нашли бы спонсора, получили бы разрешение и провели официальные раскопки. Так что даже не думайте, в обмен на Марину и чистую совесть мы готовы отдать все, что угодно.

– Ну, значит так. Слушай сюда. – Николай заговорил серьезным голосом. – Сегодня проводите встречу в гостинице, договариваетесь о выемке клада. Считаю, спонсора мы нашли. Разрешение негласное я вам организую. Будет проходить, как операция по раскрытию преступной группировки черных археологов, ну или чего-нибудь еще организуем. Оружия у них не видел?

– Видел. У Льва Григорьевича – пистолет.

– Отлично, потом обыск, незаконное хранение, кража человека, шантаж, накопаем лет на десять минимум.

– Они держат Марину на какой-то даче, может, ее найти?

– Дальше не твоего ума дело, – хмыкнул он, – Маришкой я сам займусь, о себе сейчас думай. Не исключено, что, добравшись до денег, они захотят вас ликвидировать, будьте

начеку. Я тут информации подсобрал уже. Он не один, ваш Лев Григорьевич, с ним человек посерьезнее. Так что лишнего не болтайте, требуйте своей безопасности, никуда не ходите. Лучше, если они за кладом поедут без вас.

– Вряд ли, они ведь боятся, что мы их обманем.

– Скорей всего. Ну ладно, бывай! – он встал и протянул Сереже руку, – держитесь и не волнуйтесь. Мы будем рядом. А сейчас, извини, надо идти. Времени мало осталось, мне надо успеть подготовиться. Он подмигнул Сереже и быстро ушел.

Глава 31

Виноградов вышел в коридор братского корпуса с ощущением оставленного груза. Чувство ответственности, которое не покидало его все это время, оказалось очень тяжелым. Точнее, он его не замечал, пока носил на себе, но когда от него избавился, почувствовал почти физическую легкость. Он глубоко вздохнул, потянулся руками и улыбнулся проходящему мимо послушнику.

Люди снова стали милыми и симпатичными, подозрительность улетучилась, и в каждом проходящем уже не мерещился вражеский агент. Леля ждала его в гостинице, и Виноградов заторопился к ней, заранее предвкушая, как она удивится. Перебирая в голове разговор с Николаем, он обдумывал свой рассказ, прикидывая, как можно более красочно его преподнести. Погруженный в свои мысли, он вышел из здания, и тут яркий солнечный луч ударил ему в лицо, на мгновение ослепив. Луч был теплым и весенним. Сережа, с удовольствием ощутил его и зажмурился, а когда открыл глаза, в первый момент просто не поверил, что перед ним собственной персоной стоит Лев Григорьевич и улыбается своей добермановской улыбкой.

– Здравствуйте, Сергей. Позвольте, полюбопытствовать: что Вы делали в этом здании?

Виноградов, который уже совсем вышел из образа народ-

ного спасителя и пребывал в приятной задумчивости, не нашелся, что ответить. Он молчал и с откровенным удивлением смотрел на Льва Григорьевича так долго, что тот даже занервничал. Пауза слишком затянулась, и антиквару пришлось первым прервать молчание.

– Не можете придумать, что сказать? – произнес он саркастически. Тут наконец Сережа очнулся и понял, что ему очень хочется врезать этому наглецу по физиономии. Выражение его лица переменилось, и это не ускользнуло от опытного Льва Григорьевича.

– Ладно, ладно, мне по большому счету все равно, кого из монахов вы посещали, – произнес он примирительно. – Я нашел Вас, чтобы обсудить нашу проблему пораньше. Сегодня в пять вечера я должен быть в другом месте. Пойдемте, поговорим в машине.

Идти в машину Сережа категорически отказался. Они дошли до небольшого кафе у входа в монастырь, и Виноградов быстро изложил ему заранее приготовленную версию. Потом показал ему фотографию пластины на мобильном телефоне и стал выяснять условия безопасности.

– Я не понимаю, о какой безопасности вы говорите? Вам абсолютно нечего бояться. Мы все интеллигентные люди и совсем не любим радикальных мер.

Лев Григорьевич изобразил оскорбленное самолюбие.

– Вы, молодой человек, насмотрелись глупых боевиков, а в жизни все не так. Ваши подружки, например, не привязаны

к потолку, а прекрасно себя чувствуют и отлично проводят время, болтая без перерыва.

И он улыбнулся своей мертвой улыбкой.

От этих слов у Сережки похолодело все внутри, и он оцепенел от ужаса.

– Что вы сделали с Лелей? Я порву тебя на мелкие кусочки, мерзкий урод! – шепотом прохрипел он.

– Угрозы в вашем положении выглядят, по крайней мере, смешно. Это не умно. Вы меня разочаровываете своей предсказуемостью.

И Сережа ощутил, как к его животу под столом прижался пистолет. Вокруг сомкнулось кольцо из молодых людей с лицами, обещавшими дальнейшие неприятности.

– Я все понял, – взял себя в руки Виноградов. – Что я должен делать?

– Сидим в гостинице до завтра и из здания не выходим. Я все проверю, завтра с утра пришлю за вами машину. Будьте готовы. Поедем, посмотрим на месте, где эта церковь. Если все будет в порядке, все спокойно вернутся домой. Обещаю.

«В гробу я видал твои обещания», – подумал про себя Сережа, но в ответ только кивнул головой.

Лев Григорьевич поднялся и вышел в окружении своей свиты. Часть бандитов уехала вместе с ним, а несколько человек остались наблюдать за гостиницей. Под их пристальным взглядом Сергей заставил себя подняться и пойти в номер. Сердце рвалось на части, хотелось зарычать, словно ди-

кий зверь, и пойти драться за Лельку. Победить или умереть.

Но именно этого он и не мог себе позволить. Холодная голова – единственный способ принять правильное решение. Все, что сделано в пылу эмоций, почти всегда неправильно. Жизнь не баловала Сережку, и он умел решать проблемы, но сейчас в беде был не просто какой-то человек, а его Леля. Он не спеша шел, чувствуя снисходительный взгляд временно победивших врагов, и старался о них не думать. Вся сила его воли сейчас была направлена на то, чтобы унять страх за Лельку, охвативший все его существо.

В номере ждал предсказуемый сюрприз. Все вещи были перерыты, сумки вытряхнуты прямо на пол. Деньги валялись на полу вместе с вещами. Было ясно: в таком количестве они явно не интересовали спонсоров раскопок.

Он сел на кровать и закрыл лицо руками.

– Как же мы ее не уберегли, милые ангелы, – подумал он.

И тут в сердце появилось приятное тепло, несущее покой, и уже родной голос Феодорита тихо произнес:

– Не надо грустить, Сережа, с ней действительно все в порядке. Там Мокий придает ей бодрость духа. Лелечка переживает больше за тебя: ведь тебе придется одному заканчивать эту историю с кладом. Но судя по твоему разговору с Николаем, все будет хорошо. Они проследили, где держат девушек, и контролируют ситуацию.

Сережка облегченно вздохнул и хотел открыть рот, чтобы выговорить свои тревоги, но увидел, что Феодорит жестом

приказал ему молчать.

Жучки, конечно, как он мог забыть! Он постучал себе по голове и виновато улыбнулся.

– Я буду тебе завтра помогать в поисках клада, – продолжил Феодорит, – а сейчас надо подробно продумать завтрашний маршрут. Общайся со мной мысленно, не говори вслух. Направляй мысль конкретно мне, и я все услышу.

Сережка кивнул головой и весь вечер прошел в размышлениях о том, как быстро, безопасно и неподозрительно найти клад.

Глава 32

Совсем поздно в номер тихонько постучали. Сережа заволновался, встал с кровати и на цыпочках подошел к двери.

– Кто? – хрипло спросил он, и не дожидаясь ответа, добавил, – чего, собственно, надо? Я сплю...

– Не открывай, письмо внизу, – раздался чей-то шепот. А потом громкое, – Петрович, ты что ли? Открывай!

– Здесь нет никакого Петровича, – ответил недовольным голосом Виноградов и увидел, как под дверью появился белый уголок письма. Наклонившись, он быстро взял его и услышал в ответ:

– Извини, старик, этаж перепутал.

– Бывает, – Виноградов услышал шарканье по коридору в сторону лестницы, и вскоре все стихло.

Он аккуратно, чтобы не шуршать, развернул бумагу и увидел письмо от Николая.

«Сергей! – писал Николай, – ситуация довольно непростая, а с учетом местности, откровенно тяжелая. Но за девочек не волнуйся: мы их нашли и заберем при первой же возможности.

Теперь по поводу завтрашнего дня. К островку, где зарыт ваш клад, можно подойти на лодках или вброд. Церквушка стоит прямо в воде, но внутри ходить можно. Думаю, оборудование для откачивания воды они завезут сегодня ночью.

Чтобы взять всех с поличным, мы должны дождаться, пока вы вскроете подвал и найдете клад. Засаду нам сделать негде, а поставить записывающую аппаратуру и прочие радости у нас нет возможности: любая возня в том районе тут же их спугнет. Так что ты останешься там совсем один. Действуй по ситуации. В любом случае, часа через три мы подедем, просто поинтересоваться, что происходит. Но их реакция непредсказуема. Будь осторожен. Береги себя: они наверняка при любом раскладе тебя собираются убить. Если что пойдет не так, просто беги. Мы сами со всем разберемся. Николай».

– Классное письмо, – подумал Сережа, – очень ободряет. Хорошо, что со мной Феодорит, не так страшно.

Следующий день начался для Сережи довольно рано. В номере зазвонил телефон, и знакомый высокий голос произнес:

– Доброе утро, мы ждем Вас внизу через десять минут.

Виноградов взглянул на часы и усмехнулся: было только полшестого утра. «Да, рановато», – подумал он и стал быстро собираться.

Впрочем, все было готово с вечера. Предусмотрев все возможные варианты, он упаковал рюкзак с особой тщательностью. Резкий подъем не застал его врасплох, он уже давно не спал. Но все равно звонок, дающий старт нынешнему дню, заставил пульс биться часто и напряженно. Адреналин поступал в кровь удвоенными дозами.

Перед тем как спуститься, Сергей выглянул в окно. Там был припаркован большой черный мерседес Льва Григорьевича. Рядом стояли Ремонт и Жора. Они пристально смотрели прямо на него. Выражение их лиц было холодным и жестким.

Принимая неизбежное, Сережа сглотнул и отвел глаза.

И тут он очень четко увидел блеснувший позолоченный крест на куполе храма. Сердце заняло в тревожной тоске и по сильному внутреннему порыву он начал читать единственную молитву, которую хорошо знал наизусть: «Отче наш Иже еси на небесех!...», слова молитвы рвались из сердца, и каждое слово звучало как призыв.

– Помогите и сохрани нас, Господи! – просил он и вдруг почувствовал полное спокойствие. У него возникло странное ощущение, что все его сомнения и страхи рассеялись, всю ответственность принял на Себя Он – Христос. И что теперь он свободен, страха перед будущим нет совсем. Он почти рассмеялся от ощущения свободы. Все просто и ясно! Он должен делать то, что должен. Делать как можно лучше, а итог зависит теперь не от него, а от Него.

Он увидел, как рядом засветился Феодорит, ангел молился молча, склонив голову. Сережа благодарно посмотрел на друга и произнес:

– С Богом, Феодорит!

– С Богом, – ответил ангел.

Через минуту они были уже внизу.

Глава 33

– Всем привет! – сказал Сережа, забираясь в машину. – Не могли найти кого похудее, – недовольно добавил он, стиснутый с двух сторон откормленными бандитами.

– Переживешь, – огрызнулся Жора и слегка пнул его в бок. – Тебя велено не трогать. Но ты болтай поменьше, а то можем не сдержаться, и нам потом попадет.

– По попе нашлепают малышкой? – ехидно спросил Сережа, за что тут же получил довольно сильный удар локтем прямо в почку. – Все, молчу, – охнул он, – нет у вас чувства юмора.

– У нас и чувства меры нет, обидим до невозможности, кровью писать будешь, понял? – хрипло добавил Ремонт.

Сережа предпочел больше не вступать в беседу и промолчал всю дорогу.

После погрузки на катер молчать больше не разрешили. Лев Григорьевич был несколько суетлив и желал постоянно беседовать с Сережей. Тема была одна – клад. Сережа, боявшийся наговорить лишнего, выкручивался, как мог. У него возникло ощущение, что антиквар пытается выяснить, был ли он раньше на этом месте или нет. Очевидно, что он никому не доверял и во всем сомневался. «Тертый калач, – подумал Сережа, – спинным мозгом чувствует опасность, вот и нервничает».

Рождественская Церковь в утреннем тумане возникла совсем неожиданно. Она стояла прямо на воде посреди большего озера. Обвалившаяся и облезлая, она не выглядела чудом, а скорее вызывала жалость.

– Вот, полюбуйтесь, древний памятник архитектуры, – кисло произнес Лев Григорьевич. – Посмотрим, что он для нас сохранил.

Около развалин на воде стояли две лодки с моторами, и перед входом покачивался довольно большой красный понтон из пластиковых квадратов. На нем плавала аппаратура для киносъемки и прожекторы. Подготовка была проведена основательная.

– Кино снимать будем? – Сережа посмотрел на антиквара с недоумением.

– Мы получили разрешение на съемку фильма. Чему Вы удивляетесь? Надо же как-то обозначить здесь свое присутствие. Нам нужен официальный статус, мы же не бандиты с большой дороги, и милицейские разборки нам ни к чему.

– Быстро вы, – ухмыльнулся Сережа, покачав головой, в очередной раз убедившись, что недооценивать противника нельзя.

Внутри вовсю уже кипела работа, вода была почти откачана, и хорошо просматривался пол во всей церкви.

– Ну-с, молодой человек, удивите нас своими возможностями. – Лев Григорьевич сложил руки на груди и отошел в сторону, скептически рассматривая Виноградова.

– Урод, – подумал тот, и огляделся. Люди здесь уже поработали, мусор был убран, и развалины, без современной грязи, выглядели даже таинственно. Древность этого места впечатляла.

Сережа молча прошелся по храму. Пол был выложен плиткой, покрытой зелеными водорослями и грязью. Для достоверности он достал фотографию медной дощечки и стал внимательно рассматривать ее.

– Ну, Феодорит, давай, выручай, – подумал он.

В ухе зазвучал размеренный голос ангела:

– Сережа, как ты, наверное, догадался, первый уровень церкви находится намного глубже. Посмотри сейчас направо, видишь в правой апсиде углубление в полу? Да не туда смотришь. Вот, правильно. Подойди ближе, остановись! Теперь отсчитай влево примерно три метра.

Сережа с умным видом специалиста честно отшагал три метра. Народ вокруг недоверчиво усмехался, но не мешал.

– Все верно, остановись, – продолжил Феодорит, – Вот здесь был спуск в подвал. Присядь, очисти ото мха стену внизу. Видишь, камни выложены полукругом? Это свод прохода в склеп. Тут была лестница, позже вход был заложен камнями и замазан глиной. Если все разбить, то там дальше вполне нормальный коридор.

Сережа присел у стены.

– Дайте какой-нибудь скребок и тряпку, – попросил он.

Какой-то рабочий принес ему ведро с тряпкой и присел

рядом.

– Давай подсоблю, – проговорил дядька и стал тереть стену.

Сережа благодарно улыбнулся, и они вместе быстро отскребли камни, и все увидели полуокружность, выложенную кирпичами. Она поднималась примерно на пол метра от пола. «Да, копать тут придется многовато, наверное, в человеческий рост шурф делать придется», – подумал Сережа и вслух резюмировал свои действия:

– Ну что? Все ясно, здесь надо вскрывать пол и копать.

– Почему? – язвительно спросил антиквар.

– Потому что в древности вход в усыпальницу всегда располагали в этом месте. Не забывайте, ведь я историк с образованием, – с достоинством произнес он и чуть не засмеялся, глядя, как Лев Григорьевич бледнеет от злости.

– Чего непонятного? Здесь находится спуск в подвал, – пояснил он, – видите свод? Чтоб туда попасть, надо для начала снять пол, прокопать глубже и разобрать проход.

Лев Григорьевич подошел к стоявшим в стороне рабочим и, к Сережиному удивлению, вежливо попросил их снять пол в этом месте. Несколько крепких молодцов с ломami в руках бросили сигареты и деловито начали забивать клин, чтобы отодвинуть плиту. Антиквар со своей командой стоял поодаль, молча наблюдая за процессом.

Снять пол оказалось непросто. Сережа работал вместе с нанятыми, как выяснилось, рабочими довольно долго. На

полу лежала цельная каменная плита, вокруг которой они долбили обычными ломами и кирками, стараясь отвалить ее в сторону. Прошло не меньше получаса напряженной работы, пока, наконец, не послышался долгожданный звук сдвигаемого камня. Его с трудом отвалили в сторону, и бандиты кинулись смотреть, что там под ним.

– Фу, какая дрянь, меня сейчас вырвет! – Жора, пригнувшись, побежал к выходу. Все остальные тоже с отвращением отпрянули. Огромное количество каких-то тварей возмущенно расплзлось, недовольное ярким светом. В зеленоватой жиже кишмя кишели белые черви довольно большого размера.

– Отвратительно, – проговорил Лев Григорьевич, прижав к носу платок.

– А что вы ожидали там увидеть? – хмыкнул Сережа и скомандовал, – давайте, ребята, еще чуть-чуть, там должен быть нужный нам проход. Он был специально замурован, – пояснил он работягам, – Церковь старинная, ее перестраивали за многие столетия и понятно, что нужный уровень гораздо глубже. Тащите насос, надо убирать воду.

Рабочие пожалы плечами и с бесстрастными лицами стали кидать в стороны грязь и копать землю. Через некоторое время свод замурованного подвала проявился совсем четко. Задача стала ясней, и работа пошла гораздо быстрее. Бандитов охватило лихорадочное состояние золотоискателей. Они подгоняли рабочих и все время заглядывали внутрь ямы. Те

сопели, потели, чертыхались, но не останавливались. В результате, довольно скоро они услышали, как кладка обвалилась куда-то вниз. Посыпались камни, и сильный затхлый воздух ударил в нос.

– Открывайте проход шире. Надо, чтобы воздух немного очистился. И готовьте свет. Будем спускаться вниз оборудование: там должно быть все в воде.

Глава 34

Во время работ Лев Григорьевич заметно нервничал, он никак не мог понять: по какому принципу действует Сережа. Откуда он вообще знает про это место? История с досечкой его не очень убедила. Слишком мало информации на ней нанесено. Странно также, что Алла Сергеевна отказалась приехать на раскопки. Ровшан сидит в лодке и ждет, когда его пригласят. Не хочет светиться, белоручка. Своих людей у него не много, в основном, люди Ровшана. Но их в церкви нет. Не задумал ли этот криминальный тип какой-нибудь подставы? От него можно ждать чего угодно. Мысли скакали в голове, мешая сосредоточиться. У человека всегда должна быть запасная дверка, учила его бабушка, через которую он может убежать. А сейчас этой дверки у него не было. И от этого он очень волновался. Он полностью в руках у азербайджанца. И чего они так копаются!

– Шевелитесь быстрее, мы должны все закончить сегодня. У нас только один съемочный день, – раздраженно пояснил он и пошел к лодке Ровшана: пусть катится сюда и сам всем командует.

Ровшан сидел в лодке и говорил по телефону. По телефону говорила вся его команда. «Почему они всегда говорят по телефону? – подумал антиквар. – Всегда трубка у уха. Хоть бы между собой поговорили, что ли? У нас это признак

неуважения к другим, а у них нормально».

Он постоял секундочку и, поняв, что ради него Ровшан трубку не положит, мысленно чертыхнулся и громко сказал:

– Уважаемый Ровшан, ставлю Вас в известность, что мы открыли вход в подвал, сейчас его очищают. Надо отпускать нанятых рабочих. Дальше обойдемся без них.

– Не нужны, так отпускайте, – махнул тот рукой.

– Надо поехать с ними и рассчитать, чтобы были довольны и меньше болтали. Я прослежу, чтоб было все в порядке, и вернусь.

– Не понял, Лева... Тебе не интересно, что будет дальше? – Ровшан наконец повесил трубку.

– Нет, просто я не люблю подвалы, внутрь сам не полезу. Я, откровенно говоря, боюсь темноты, духоты и грязи.

– Ты предлагаешь мне заняться этим? – удивленно проговорил Ровшан.

– Я пошлю Ремонта, он проследит за парнем.

Ровшан пожал плечами и скомандовал:

– Так! Начинаем съемку на воде, давайте старайтесь, сейчас разнорабочих повезут домой, чтобы все было натурально. Понятно?

Бандиты зашевелились и стали старательно изображать работу съемочной группы. Измазанные рабочие грузились в лодку и доверчиво наблюдали за этим спектаклем.

Спустя несколько минут на островке остались только бандиты во главе с Ровшаном и Сережа.

– Где Лев Григорьевич? – спросил Сережа, вылезая из подвала.

Он уже вполне освоился и совсем не нервничал. Работа захватила его полностью. Феодорит тихонько давал советы, каждый из которых можно было оценить только потом. Например, совет пригнуться или отойти в сторону становился очевидным, когда сверху высыпались залежи какой-нибудь дряни или выскакивал острый кусок деревяшки. Ему пришлось принимать участие во всем самому. Пока бандиты покуривали, он вместе с рабочими расчищал проход.

Вниз, в полную темноту, вела лестница с низким сводом. Ступени заканчивались в воде, уровень которой показался Сереже несерьезным. С учетом того, что вокруг озеро, стены подвала держали герметичность на удивление хорошо. Рабочие откачали воду, и спелеолог, чувствуя себя в родной стихии, освещая себя путь фонарем, медленно полез в темноту. В конце концов, он оказался в довольно просторном зале, в котором стояли три гробницы с надписями на кириллице. Со сводов и стен сочилась вода, сильный запах плесени и затхлости бил в нос, но все остальное было почти в идеальном состоянии. «Работы для археологов непочатый край», – с удовлетворением отметил Виноградов.

Все осмотрев и не увидев никакой опасности, Сережа вылез наверх, доложить, что все в порядке. Тут-то он и не нашел антиквара, который в самый интересный момент куда-то испарился.

– Да вышел куда-то, – махнули рукой мужики, в нетерпении ожидавшие его появления. – Ну, чего там?!

– Так, ребята, ничего особенного, пара гробов и все. Залезайте посмотреть.

Но мужики предпочли откреститься. Мертвых беспокоить нельзя: по ночам кошмары замучают. Раз нужно для кино съемки, то это понятно. Пусть ученые сами лезут и снимают свой исторический фильм. Они потом лучше по телевизору посмотрят. «Интересно, как они им мозги запудрили, что они верят во всю эту чушь и ничего не спрашивают, – вздохнул Сережа, глядя, как они перекуривают и болтают о кино съемках. – Наверное, очень хорошо заплатили. Другого варианта нет».

– Феодорит, – мысленно обратился Виноградов, – Где искать этот клад? Все гробы вскрывать, что ли?

– Что ты, Сережа, мертвых действительно не стоит беспокоить. Раньше хоронили не только в земле. Были также специальные ниши в стене, куда задвигали гробы. В такой нише все и лежит. Спускайся, пока они отвлеклись, я тебе покажу.

Сережа огляделся и увидел, что Льва Григорьевича все еще нет, рабочие пошли грузиться в лодку, а все остальные изображают съемочный процесс. Решив, что момент действительно удачный, он быстро юркнул в подвал. Фонарь осветил низкие заросшие своды и стены, так что ниш сразу было не видно. Следуя командам Феодорита, Сережа нашупал нужное отверстие и с ужасом сунул туда руку.

– Феодорит, ты уверен, что меня там никто не цапнет, – жалобно простонал он, ощупывая нишу. И тут его рука наткнулась на что-то твердое, похожее на край сундука.

– Все, отлично!– обрадовался он, – Феодорит, ты гений! Я его нашел!

И тут раздался хамоватый голос Ремонта. Яркий фонарь замелькал по стенкам:

– Тебе чего, спелеолог, жить надоело?

Потом показалась его настороженная физиономия. Увидев Виноградова, он облегченно произнес:

– А, вот ты где! Куда ж ты денешься с подводной лодки. Давай, показывай, чего ты тут шарить. А то я разнервничаюсь.

– Спокойно, я нашел сундуки. Зови всех, будем вытаскивать. – Сережа начал разгребать нишу от грязи.

Подвал в один миг заполнился людьми, они оттеснили Сергея в другой конец зала и стали, возбужденно галдя, вытаскивать сундуки наружу. С легким отвращением он наблюдал, как они бесцеремонно тащат древние вещи, не испытывая никакого трепета и уважения к уникальным находкам. Сундуки пятисотлетней давности бандиты тягали так, будто это были мешки с картошкой. Потом начали обследовать соседние ниши, ища, чем бы еще поживиться. Пытались снять крышки с гробниц, хорошо, силенок не хватило. Наконец, сообразив, что основная добыча уже вынесена, рванули наверх, боясь пропустить момент дележа. Сереже стало смеш-

но от такой наивности: кто им что-то отдаст? Просто идиоты.

Тут голос Феодорит мягко напомнил:

– Они сейчас начнут грузиться, тебе надо спрятаться. Иди направо, там в углу довольно большой лаз, быстро забирайся туда и ползи. Он очень длинный, с заворотом. Торопись.

Сережа выключил фонарь и стал пробираться к нужному месту. Феодорит мягко освещал ему дорогу. На его счастье, про него на время забыли. Наверху уронили сундук и часть содержимого высыпалась на пол. Раздался дружный вой, переходящий в хрип, и началась небольшая потасовка.

– Золотые! Ребята, точно, это золото!

– В натуре, ничего не трогать! Положь на место!

– Сам отвали!

Сережа не стал дослушивать и быстро юркнул в нишу, заползая в глубину.

Феодорит освещал непроглядную тьму и сообщал, что происходит снаружи.

– Их окружили катера, на них люди в форме. Они громко просят всех сдать. Бандиты делают вид, что не понимают, в чем дело. Но те настаивают. Теперь главный бандит по имени Ровшан показывает бумаги и разрешение на съемки. При этом обманывает и говорит, что золото не настоящее, что это просто реквизит к фильму о сокровищах. Так, внимание! Сюда идет Ремонт, не шевелись.

– Сереженька, ты где? – раздался дрожащий от ненависти голос бандита. – Куда спрятался, поганец? Или ты думаешь,

что я тебя не просек. Это ведь ты нас ментам сдал, подлый гаденыш. Твои девки сдохнут теперь, не сомневайся. Выходи, давай поговорим.

Не увидев никого, он методично стал заглядывать во все ниши и стрелять в них из пистолета.

– Боишься! Спрятался! Я все равно убью тебя, сволочь, – шипел он, круша все вокруг, пытаясь засыпать и разрушить укромные места. – Сдохнешь здесь, никто не найдет.

Сережка заполз за поворот и тихо молился, чтобы все не обвалилось, и его не засыпало живьем. Когда он уже не надеялся выскочить из этой передраги, издали раздался голос Николая:

– Руки за голову и лечь на землю, живо! – голос заглушил шум осыпающейся земли.

Глава 35

Сережа стал выбираться из лаза. Неожиданно ноги уперлись во что-то твердое. Он предпринял усилие, потом еще, но проход не пускал его обратно.

– Что это? Феодорит, посмотри, пожалуйста, мне не вылезти.

Ангел не ответил. Дернувшись еще пару раз, Сережка почувствовал, как холодный страх заползает внутрь. Он попытался его подавить, но никакие доводы, что все будет хорошо, не работали. Наконец, раздался печальный голос:

– Я очень сожалею, но проход обвалился. Думаю, тебе не пробить его ногами, надо ползти вперед. Этот лаз соединяется с другим, не очень близко, но все же. Тот проход почти не осыпался, можно разгрести руками и выбраться. Пули хоть и нанесли определенный вред, но не столь значительный.

– Нет, надо покричать! Там ребята! Меня услышат, вытащат, – Сережа стал громко звать:

– Эй! Я здесь, помогите, мне не вылезти! Николай, я здесь, слышишь меня?

Из подвала не доносилось ни звука. В отчаянии Сережа стал вопить еще громче, но все с тем же результатом. Наконец, спокойный голос Феодорита вернул его к действительности.

– Сережа, они все ушли из подвала, тебя не слышат. Этот

бандит по имени Ремонт сказал, что ты сбежал по воде, а он стрелял по нишам, чтобы все испортить, от злобы. Они все просмотрели, не нашли твоего тела и ушли. Так что перестань кричать, давай выбираться.

Сереза даже застонал от обиды: так все было удачно. Так нет! Под конец опять вляпался в историю.

– А куда ползти, Феодорит? Я не представляю! И дышать тут уже нечем.

– Не отчаивайся, я с тобой. Ползи вперед, больше некуда, а воздуха хватит, здесь полно воздуховодов, раньше убежища строили, чтобы люди здесь долго могли находиться. Дальше пошире становится, может, ты сможешь развернуться. Ну или хочешь, жди помощи, я уже предупредил Мокия.

Идея лежать в крошечной тьме и дышать пылью веков Серезе не понравилась. Надо бороться. И он пополз вперед, молясь и ругаясь попеременно. Через пару метров проход действительно стал повыше. Не шире, а именно выше. Еще немного, и можно будет подняться на ноги. Здорово! Сереза обрадовано встал на четвереньки, и тут его рука куда-то провалилась. Под ним посыпалась земля, и он скатился на животе в небольшое помещение, расположенное под проходом.

От огромного клуба многовековой пыли Сергей не смог крикнуть, легкие сжало спазмом, дыхание перехватило. Ему повезло. Он упал физиономией в воду, и от этого пыль слегка смылась. Резко подняв голову, он быстро вздохнул.

– Феодорит! – просипел он жалобно.

– Я здесь, здесь! – ангел засветился довольно ярким светом и Сереже полегчало. «Освещение – великая вещь», – подумал Виноградов, вытирая лицо рукавом. Но рукав оказался еще более грязным, от чего он начал чихать. Глаза слезились, тело чесалось, но бодрость духа, которая его было покинула, неожиданно вернулась.

Пространство, в котором он оказался, было совсем небольшим, и наполненным валунами. «Хорошо, что я не въехал в камень головой, – подумал Сережа, передернувшись от этой мысли.– О, уже что-то хорошее нахожу, прогресс налицо».

Вдруг ему на голову что-то капнуло. Вздвогнув, он с тревогой начал осматривать потолок.

– Это все, часом, не рухнет? У меня над головой что? Вода? – спросил он Феодорита.

– Нет, над тобой, слава Богу, церковь. Ты не особенно глубоко провалился, это пространство по уровню чуть ниже нашего подвала.

– А что это за дрянь лежит на камне? Это никак языческий жертвенник? – проговорил Виноградов. – Какой кошмар, куда меня занесло!

– Да, – согласился ангел, – к сожалению, мы действительно находимся в языческом капище. Неприятное место, согласен. Церкви часто строили на месте старых поклонений, чтобы освятить его и изгнать живущих там бесов. Так что ничего страшного уже нет.

– Феодорит, родное сердце, как выбираться будем? – Сережа расстроено вздохнул, – помирать на месте языческих жертвоприношений все равно не хочется, скажу честно.

– Тебе самому и не выбраться, друг Сережа. Тебе помощь нужна. Но ты не волнуйся, Лелечка в курсе, я уже связался с Мокием. Они придумают что-нибудь, надо подождать.

– Ты только свет не выключай, я тебя умоляю. Без него жуть, как страшно. Мне самому стыдно, но герой из меня уже не получился.

Феодорит улыбнулся и кивнул головой.

– Я с тобой.

От нечего делать Виноградов стал осматриваться, и постепенно в нем проснулся исследовательский интерес.

Место, в котором он находился, было действительно примечательным. В центре находился огромный почерневший камень, на котором был водружен череп коня или лося. А во рту у него лежал наконечник от кремневой стрелы. Вокруг основного камня располагались девять круглых камней поменьше. По краям же сруба в круг лежали еще камни примерно одинакового размера. Действительно, упасть сюда и не удариться головой о камень было почти чудом. «Спасибо, Феодорит, – подумал спелеолог, – твоя рука меня направила, не иначе».

Виноградов стал потихоньку разгребать верхний слой пыли в надежде найти что-нибудь интересное. Наконец, он разглядел деревянный настил, который прикрывал какую-то

яму. Присев на корточки, он решительно сдвинул в сторону гнилые доски.

– Ты не догадываешься, что это? – проговорил Сережа, но ангел деликатно промолчал, понимая, что вскоре он узнает ответ сам.

Сережа уверенно открыл жертвенник и вздрогнул. Он ожидал увидеть старинные украшения, доспехи, оружие. Но увидел только скелеты и большой нож, лежавший среди костей. Скелетов было несколько. Они принадлежали людям небольшого роста с широкими тазобедренными костями. Очевидно, скелеты были либо детские, либо женские. За что их убили в таком количестве? Ведь вроде уже не было человеческих жертвоприношений на Руси, все-таки век XI, не раньше. Виноградов недоумевал. Аккуратно достав нож, он стал его внимательно рассматривать. Рукоятка представляла собой бронзовую фигурку с четырьмя лицами. Нож был ритуальным, и перед ним были жертвы ритуального убийства. Языческие божки, убившие женщин, гордо смотрели на него и неприятно улыбались. И тут Сережа вспомнил знаменитого воеводу Белозерья Яна Вышату.

– Слушай, Феодорит, – заговорил он вслух, чтобы заполнить гнетущую тишину, – а ты знаешь историю про воеводу Вышату? Интересный был дядька, говорят, даже родственник Добрыни Никитича. О нем в «Повести временных лет» упоминается. Мне запомнилось одно его расследование по поводу волхвов, убивших много женщин. Волхвы утвержда-

ли, что женщины прятали в спинах пищу в то время, когда другие голодали. И даже показывали фокус: вскрывали тело женщины и доставали оттуда хлеб. Гуддини отдыхает! Рыбу вынимали из спины, объясняя, что ее в реке мало, потому что женщины ее прячут!

Абсурд, но люди верили. Причина этих фокусов, правда, была довольно прозаичной. Имуущество жертв волхвы присваивали. Ян Вышата раскрыл корыстный умысел, провел суд и казнил волхвов публично, чтобы больше неповадно было.

Так его потом некоторые историки осуждали за жестокое обращение с религиозными меньшинствами. Ничего себе! Если ты ударил человека другой веры, то ты негодяй, даже если этот человек вор и бандит. Отличный способ стравливать людей между собой. Отработан тыщу лет назад, а до сих пор все пользуются. Да и зачем менять, если работает?

Сереза вздохнул и уселся на жертвенный камень. Потом вдруг встревожился:

– А ничего, что я на нем сижусь? Это точно безопасно?

Феодорит улыбнулся:

– Когда ж вы, люди, определитесь со своими суевериями?

Ну что тебе камень сделает?

– А может на нем информация бесовская?

– На то тебе и Христос, чтобы спасти тебя от бесов. И внутренних, и внешних. Живи с Христом в сердце, и никто тебе не повредит.

– Помнишь пословицу: Свято место пусто не бывает. Там или Бог, или бесы. Соображаешь? – раздался вдруг веселый голос Мокия. И через секунду появился он сам. Сережа даже подпрыгнул от восторга:

– Мокий, вот здорово! Как там Леля?

– Думаю, значительно лучше, чем ты. Вид у тебя, прямо сказать, весьма потрепанный. А она выглядит вполне довольной, только нервничает, как тебя доставать будут.

– Ох, точно! Меня ведь вытаскивать срочно надо. А то я уже надыхался пылицей. Как моя спасательная операция идет?

– Полным ходом. Леля сочинила им, что у вас карта церкви была вместе с подвалом, и там эта комнатка обозначена. И что вы заранее договорились, что если совсем худо будет, ты в нее пролезешь. И потом будешь терпеливо ждать, когда она тебя спасет.

– И что, ей поверили?

– А ты что, не знаешь, что ей возражать бесполезно? Она своей энергией уже всех на ноги подняла. Думаю, тебя будет встречать местный губернатор и телевидение как героя Белозерского края.

– Нет, только не телевидение, в моем-то виде!

– Не скромничай, ты весь в средневековой пыли, и потом ведь это ты нашел бесценный клад. А по поводу бандитов не переживай. Взяли всех, кто был. Кроме вашего консультанта по старине, Льва Григорьевича. Так мне Лелечка сказала.

– Сбежал все-таки. Не зря он нервничал, он ведь мне не поверил, все подвоха искал. Опытный жулик! Так просто не попадется.

Глава 36

Леля сидела в лодке, подперев рукой голову, и грустно ждала. Ее почему-то в церковь пустили только показать, где надо вскрыть пол. Она с помощью Мокия успешно справилась, и ее тут же отправили ждать на улицу. Во-первых, было обидно, а, во-вторых, элементарно скучно. Мокий пошел поднимать моральный дух Сережи, Маринка рыдала на груди у растроганного супруга, который, кстати, с укоризной посмотрел в ее сторону. А сама Леля осталась, никому не нужной и заброшенной, без единого источника информации. И хотя лодка, честно сказать, была довольно большой и сидела Леля в каюте, с чашкой чая перед носом, это мало меняло дело. Она и так просидела целых два дня взаперти, ничего не делая.

Но Николай, памятуя, как она активно заставила всех прямо сейчас ехать спасать Сережу, решил оставить ее отдохнуть, а руководство взять на себя. Он почему-то верил, что Виноградов сам объявится с минуту на минуту, пояснив, что долго добирался до телефона или что-нибудь в этом роде. Времени с тех пор, как они закончили операцию, прошло совсем мало, поэтому Сережа мог оказаться в гостинице в любой момент.

Но его подруга была непреклонна, запугала всех, что герой погибнет, а они будут виноваты. Потом позвонила гу-

бернатору, потребовала подключить МЧС и создать спасательную экспедицию. Короче, оповестила полстраны, за что и сидела теперь в лодке в полном одиночестве.

Поскольку речь шла о кладе, весть распространилась мгновенно. Николая предупредили, что телевидение придет даже из Петербурга. Планируется снимать сокровища и тех, кто их нашел. А поэтому главного героя надо достать из ямы, куда он провалился, любой ценой. Николай не любил публичности, но вынужден был смириться, и спасение Сережи началось.

Клад действительно оказался богатым. Его уже увезли в местный краеведческий центр, где занялись изучением и оценкой. Но и так было ясно, что археологически он бесценен, и реально тоже дорого стоит. Земля была государственная, поиск клада разрешен, поэтому у Сережи было много шансов получить пятьдесят процентов от его стоимости по новому законодательству. Оценка, правда, пройдет по государственной цене, а не по коммерческой. Но, все равно, денег светило много.

Прошло уже три часа, а пол в том месте, где показала Леля, никак не вскрывался. Они уже прокопали довольно глубоко, но ничего не было видно, кроме воды. Николай, руководивший спасательной операцией, устало наблюдал за работой местного МЧС и жалел, что не предоставил эту возможность кому-нибудь другому. День был тяжелый и начался рано. Девчонок спасли без приключений. Толком их ни-

кто не охранял, заперли, да и все.

Потом с Ровшаном пришлось повозиться. Задержали, надо бы провести предварительный допрос, а тут Леля со своей спасательной операцией. Антиквар сбежал, улик против него нет. Получилось, что во всем виноват только этот Ровшан со своей командой. Глупость, да и только.

Досадуя на себя, Николай бросил сигарету и подошел к раскопу.

– Ну что там, ребята?

– Слушай, да вроде есть что-то внизу, звук изменился. По моему, мы в правильном направлении копаем. Самим бы теперь не провалиться. Позови свою деваху, она, как экстрасенс, носом чувствует. Пусть посмотрит поточнее.

Николай кивнул и спорить не стал. За Лелей побежали, и она впорхнула в церковь буквально через пару минут. Деловито спрыгнула в яму, покрутилась и ткнула в одно место.

– Пробеите здесь отверстие размером с человека и спустите туда веревку, он спортсмен, сам вылезет.

– Шутите, а вдруг он травмирован и ему нужна помощь.

– Да нет, у него все нормально, не беспокойтесь.

МЧС-ник посмотрел на нее с нескрываемым недоумением, но проговорил:

– Ладно, не вопрос, сейчас сделаем.

Он довольно быстро и аккуратно стал пробиваться в одном месте. Тут его лом провалился и послышался радостный голос Сережи:

– Ребята, ура!!! Наконец-то, я тут уже обалдел от грязи.

– Сам вылезти сможешь? – спросил МЧС-ник, расширяя проход.

– Да запросто!

– Ну, лови, – и он скинул веревку вниз. Через пару мгновений на поверхности показалась абсолютно чумазая, но счастливая Сережина голова.

Леля завизжала от радости и обняла Николая. Тот довольный ухмыльнулся и, глядя на вылезавшего Виноградова, произнес:

– Да-а! Повезло, тебе с девушкой. Я, честно говоря, не верил, что ты на самом деле там сидишь.

– Спасибо, ребята, огромное, столько трудов! – Сережа посмотрел на гору камней, которую перелопатили спасатели.

– Такая работа! – улыбаясь ответили мужики. – Главное, что не зря. Жив и здоров! Чего еще надо?

Все подходили посмотреть на Сергея, удивлялись, как он там выжил в полной темноте, с одним фонариком.

А Сережа держал Лелю за руку и от счастья, что все закончилось и уж точно ничего больше не произойдет, глупо улыбался и отвечал на все вопросы невпопад.

Потом их посадили в лодку, и Николай, спрятав ребят от понаехавших уже журналистов, проводил их в номер гостиницы.

– Отдыхайте, до вечера! Часиков в девять я за вами заеду. Пресс-конференция будет. Сережа, у тебя есть еще одежда?

– Ничего приличного нет, честно скажу. Журналистов не принимаю.

– Ерунда, от этого теперь не отвертишься, скажи Лельке спасибо. Ладно, сообразим что-нибудь. Отдыхайте.

Глава 37

Вечером после пресс-конференции ребята устало валялись на своих кроватях, вяло переговаривались между собой. С журналистами оказалось все просто: их больше интересовало содержимое клада, а не тот, кто его нашел. Сергея только спросили, что он будет делать со своей долей денег. Но тот так искренне удивился, что ему вообще что-то положено по закону, что журналисты сразу потеряли к нему интерес. Никто по-настоящему не знал, кому принадлежит эта стоящая в воде церковь. Клад не оценили, а только озвучили, что большую его часть составляют серебряные и золотые монеты. Также есть украшения и церковная утварь из драгоценных металлов. Все записав и сфотографировав, телевидение засняло речь руководства области по поводу великолепия Белозерского края, в конце которой всех пригласили приезжать регулярно на отдых. Ребята так активно выставляли вперед Марину как главного исторического консультанта, что она тут же простила им свое трехдневное заточение и с удовольствием давала интервью. В конце конференции она даже подписала контракт на книгу. Леля старалась совсем не участвовать в празднике, а только улыбалась всем и по большей части просто молчала. В конце концов, ее оставили в покое.

Суматошный день закончился спокойным и здоровым

сном в теплых кроватях, а не в подвале, и не на кладбище. С точки зрения Виноградова, это был отличный результат! Сережа пожелал Лельке спокойной ночи и провалился в темноту до самого утра.

Леля немного пофантазировала и незаметно для себя уснула, как все девушки, в ожидании волшебной сказки.

Сон Лели

Леля шла по улицам незнакомого города, который, в сущности, не смогла бы даже описать. Все было совсем не таким, как в обычной жизни. Хотя ей почему-то было абсолютно ясно, что это город, и что в нем живут люди. Люди действительно присутствовали, но на этом сходство с обычным Петербургом или Вологдой заканчивалось.

Было очень и очень светло. Даже мостовая, по которой она шла, была пронизана солнечным светом. Этот свет был везде, он пропитал все насквозь, он ощущался даже руками. Как будто теплый ветер вдруг остановился, и ты постоянно чувствуешь его неподвижный поток. Это было так неожиданно приятно, что она наслаждалась каждой секундой пребывания в этом золотистом воздухе. Он поддерживал со всех сторон, и казалось, что ты слегка плывешь, настолько меньше ощущался вес собственного тела. Ей было необыкновенно хорошо. Хотелось жить здесь всегда.

Она увидела дивный парк, или это был не парк? Ее при-

гласили принять участие в какой-то игре или танце? И она с легкостью согласилась. Она кружилась и веселилась с какими-то девушками и с удивлением обратила внимание, что все люди примерно одного возраста. Не видно ни малышей, ни стариков. Все знали, как ее зовут, и, как ни странно, она тоже с легкостью обращалась к другим по имени.

– Сколько времени я здесь нахожусь? – подумала Леля, – и как называется это чудное место?

Она спросила об этом у улыбчивой девушки, которую звали Вириная.

Та удивленно посмотрела на нее и пожала плечами.

– Что ты спросила? Я не поняла?

– Который час? – повторила Леля, – У тебя есть часы?

– А что это? – Вириная подняла черные брови и озадачилась. – Часы... Интересное слово, что оно обозначает?

– Как что? – Леля даже запнулась, пытаясь найти объяснение этому слову. – Ну механизм такой, со стрелками, измеряет время.

– А что такое время, и зачем его мерить? – Если бы Вириная не смотрела столь чистым и искренним взглядом, то Леля решила бы, что она издевается.

– Да так, ничего. Просто очень удобная вещь. – Она решила больше не мучить ее вопросом, объяснение которого заняло бы очень много времени.

Та вполне удовлетворилась, радостно кивнула и побежала к кому-то навстречу. Взглядом она позвала Лелю с собой, но

она решила отвлечься от игр и пошла к выходу из парка.

Она гуляла по чудесному городу и старательно задавала всем один и тот же вопрос. Люди были очень приветливыми и все изо всех сил пытались сообразить, о чем она спрашивает. В конце-концов Леля выяснила, что наибольшую трудность представляют ключевые слова: время и часы. Они просто не знали, что это такое. «Счастливики, – подумала девушка. – Может, поэтому никто некуда не торопится».

Тут она увидела симпатичного мужчину, который сидел и читал книжку, обложка которой показалась Леле знакомой. Подойдя поближе, она увидела сборник сказок, точно такой же был у нее дома. Она их очень любила в детстве. Только добрые и веселые сказки.

– Вы не скажете, который час? Я нигде не могу узнать время, – спросила она, почувствовав в нем единомышленника.

– Время?! – удивился он, – Шутите? Его давно уже нет.

– Как нет?!!!

И тут в голове у нее пронеслись слова ангела:

– После конца света времени больше не будет.

Глава 38

Леля проснулась с полным пониманием того, что увидела во сне. Сережа уже не спал. Он сидел за туалетным столиком и что-то писал.

– Времени больше не будет, – торжественно возвестила Леля Сережиной спине. Спина напряглась и обернувшийся затем Виноградов покачал головой.

– Соловьева, ты меня до инфаркта доведешь! Ты этого хочешь? Поясни нормально, на что у нас времени нет? И, кстати, доброе утро!

– Ага! – Леля кивнула головой в знак приветствия, – после конца света времени не будет. Вот что я говорю.

– Я в курсе. В Откровении от Иоанна ангел возвестил трубным голосом, стоя на материках, что времени больше нет. Ну и что? Тебе что-то приснилось? Дать тебе водички попить? Мне, когда страшилки снились, мама всегда давала попить, и я дальше засыпал.

– Нет, спасибо, – ехидно ответила Леля, – я больше спать не собираюсь. Меня просто посетила гениальная мысль, и я поспешила с тобой поделиться. Но раз ты вредничаешь – не скажу больше ни слова.

– Ладно, ладно... Уже начала, давай договаривай.

– Нет уж, мучайся теперь. Пойду, помоюсь. Поедим и потом, – она сделала выразительную паузу, – может быть, ска-

жу.

Виноградов сделал умоляющее лицо и извинительно сложил руки, но она молча вылезла из кровати и заперлась в ванной. Через десять минут Сережа постучался:

– Лелишна, я пойду поем? Больше не могу, ужас, как есть охота. Вчера на фуршете было не до еды. Короче, спускайся следом, я буду внизу в кафе. Одевайся и приходи.

Хлопнула дверь, и Виноградов ушел. Леля поняла, что он вышел скорее для того, чтобы дать ей спокойно переодеться.

– Джентльмен! – усмехнулась она ему вслед. Но не стала испытывать его терпение: есть ей тоже хотелось, и поэтому она довольно быстро сбежала вниз. Еще спускаясь, она услышала радостные аплодисменты и шум. Заглянув же в кафе, Леля увидела, как несчастный Сережа стоит, окончательно смущенный, среди местных работников и жителей. Девушки фотографировались рядом с ним и просили автограф. Увидев ее, все еще шире заулыбались и пригласили отведать, что Бог послал. Слегка ошарашенная подобным приемом, Леля села за стол вместе с Виноградовым и перед ними сразу появилось множество различных кулинарных изысков.

– Все бесплатно, в подарок от нашего коллектива! – радостно сообщили им официантки.

Какие-то бодрые дети голосом пионеров 70-х попросили их рассказать о том, как они догадались, где надо искать клад, и нет ли у них еще чего на примете. Их сразу задвинули в сторону и стали уговаривать гостей кушать, не стесня-

сь. Леля переглянулась с Сережей и поняла, что он хочет сбежать.

– Нет, – ответила она ему взглядом, – надо есть,

– Давай, люди обидятся, – добавила она вслух. Он кивнул и стал быстро набивать живот, под довольные улыбки работников общепита.

Все было очень вкусно. Сережа вскоре достиг состояния, которое можно обозначить как блаженство, и ему уже нравились восторги по поводу его героизма. Решив предупредить различные нежелательные ситуации, Леля стала спрашивать у местных жителей, куда они порекомендуют им сегодня сходить. Выслушав и торжественно объявив, куда они направятся, ребята, как заезжие кинозвезды, почти раскланиваясь, быстренько убежали в свой номер.

– Кошмар! Как трудно быть знаменитым даже на один день, – сообщил объевшийся Сережа, укладываясь на кровать.

– Да уж, – Леля рассмеялась, – что делать будем? Нам, чувствую, на улицу так просто не выйти.

Тут в дверь постучали. Сережа закрыл голову одеялом и застонал:

– Боюсь нам и в номере не спрятаться!

– Кто там? – спросила Леля, подойдя к дверям.

– Милиция, открывайте, – раздались, переделанные в строгий бас голоса Славы и Николая.

– Нас опять спасают, ура! – сообщила Леля и распахнула

дверь.

– Добро пожаловать, милиция, очень рады!

Все расцеловались, и Николай пророкотал:

– Собираемся и едем на пикник по поводу нашего дружного кладонаходительства. Приглашаются герои и потерпевшие.

– А также спасатели и спасители, – добавила Леля, улыбувшись.

– Ой, не могу, меня так накормили в местном кафе, что я еле дышу, – простонал главный герой из-под одеяла.

– Было так вкусно? – спросила Марина нежным голосом.

– Было абсолютно бесплатно, – пояснила Леля. – Поднимайся, прогуляешься – полегчает.

– У меня сегодня еще так мышцы болят! Вчера лопатой накидался, еле живой.

– Не пытайся нас разжалобить! Не пешком пойдем, а на машине поедem, – проговорил Славка, стягивая с него одеяло.

– Это меняет дело, тогда я с вами, – Сережа легко поднялся и взяв куртку в вытянутую вперед руку театрально произнес:

– Ни шагу назад, ни шагу на месте, только вперед, все вместе! Правда, есть условие – автомобиль.

Веселой гурьбой они скатились вниз и погрузились в машины. Под приветственные улыбки местных граждан, кортеж героя отбыл в сторону горы Маура.

– А зачем на Мауру? – удивилась Леля, сидя рядом с Мариной, – там же нельзя костры жечь, наверное.

– Конечно, нельзя. Но я решила тебя пригласить именно туда, потому что вспомнила одно очень интересное место. Мы пойдем там прогуляемся, а потом ближе к стоянке поставим мангал и сделаем себе праздничный обед. Там сейчас никого народу, рабочий день.

– Какое интересное место? – Леля почувствовала острейший интерес. – Расскажи мне сейчас, я ждать не могу, умру от любопытства.

Они ехали в Славкиной машине вдвоем, Сережа поехал с Николаем, и по дороге они решили заехать на рынок за зеленью.

– Я почему-то думаю, что тебя клад меньше интересует, чем ваше предание про гору Мауру. А что там написано?

– Там ничего такого не написано, кроме того, что прилетела эта гора издалека и что это место, отмеченное Богом. Ангельский знак – ступня на камне, и еще должно быть основание горы со смарагдом, жемчугом и прочими камнями.

– Вы ищите основание горы? Зачем?

– Да просто так, неужели не интересно?! Там ведь Богородица являлась, ангелы! Там специально святые наши молились. Для меня это место гораздо интереснее, чем эти клады. Какой в них толк? Попробуй, продай что-нибудь. А сколько риска? Сама убедилась, что обычным людям лучше на Бога уповать, чем с бесом в кладоискательство играть.

– Нет, Лелечка, я-то как раз понимаю. И спросила я тебя об этом, чтобы еще раз убедиться, что для тебя христианские святыни не пустые слова.

– Ну, конечно! Мы вообще за этим кладом не полезли бы никогда, если бы они нам ультиматум не выставили.

– Поняла. – Марина замолчала и молчала довольно долго. Наконец, решившись, произнесла:

– Мы со Славкой вчера посоветовались и решились тебе рассказать. Ты ничего не пожалела, чтобы меня спасти, и я хочу тебе поведать о нашей тайне.

Леля хотела вначале отмахнуться от благодарности, но услышав про тайну, замерла в ожидании.

– Когда мы только поженились, – начала она осторожно, – мы любили обследовать наши окрестности и устраивали разные прогулки. Так вот. Однажды мы гуляли по этому заповеднику и был прекрасный день. Ничего не предвещало дождя. И вдруг резко стало темно, и молнии засверкали, озаряя все с ужасающим громом. Мы особо не испугались, но памятуя, что около больших деревьев прятаться нельзя и идти тоже не стоит, решили залезть в густой невысокий ельник. Все мокрые, мы, смеясь и обнимая друг друга, сидели и переживали самый пик этой грозы. А она сверкала ровно над Маурой. Такое ощущение было, что мы в эпицентре взрыва. И тут молния ударила почти рядом с нами, и мы увидели, как небольшой склон осветился как будто изнутри. Из-под земли засверкали драгоценные камни, выложенные дивным

узором, и тут я увидела лик Богородицы с младенцем на руках. Огромная икона, выложенная изумрудами, рубинами, сапфирами. Красота необыкновенная. Мы со Славкой смотрели на нее и плакали от счастья. Восторг души, про который мы только слышали, ощущался реально. Это чудо длилось совсем недолго, но настолько ясно! И мы оба видели это. Ты веришь?

– Конечно, – прошептала Леля, – конечно, я верю. А потом?

– Потом гроза кончилась, и мы стали обследовать то место, но все выглядело как обычно, только простые камни и ничего больше. Мы никому не рассказали. Да и кто бы поверил? Или, не дай Бог, стали бы драгоценности откапывать. Мы сразу покрестились, стали ходить в церковь. Однажды я на исповеди рассказала эту историю старцу в Псково-Печерской лавре. И он мне сказал, что мне не случайно дали увидеть это чудо. У Бога случайностей не бывает. Значит, встретится мне на пути человек, которому надо будет показать это место. Я спросила, как я узнаю, а он мне сказал, что это будет обычная девушка. И мне сердце подскажет. Вот оно мне и подсказало. Мы покажем тебе это место. А теперь скажи, ведь ты его ищешь?

– Да, – выдохнула Леля, – я не могу тебе всего рассказать...

– Не надо, я понимаю, что в этих вопросах любопытства быть не может. Хотя, – улыbnулась она, – если можно, то

расскажешь потом, ладно?

– Потом – да, сейчас не могу.

– Договорились. Вот, кстати, и наша святая гора Маура.

Они припарковались на стоянке и вышли из машины.

– Мы будем ждать машину Николая? – спросила Леля, вся дрожа от нетерпения, или пойдем?

– Конечно, пойдем. Про Сережу старец ничего мне не говорил. Ты уж сама решай. Я попросила Николая, чтобы они с ним съездили на рынок, поболтали и приезжали через часик. А мы пока прогуляемся. Он не любит пеших прогулок, рыбак! В общем, он быстро согласился.

Слава закрыл машину.

– Ну что, девчонки, пошли?

Леля шла следом за Славой и старалась запомнить дорогу.

Но понимала, что ее топографический опыт крайне скуден, чтобы найти дорогу в лесу. Хоть бы ангелы помогли, мысленно взмолилась она.

И тут услышала:

– Не волнуйся, мы рядом с тобой.

Марина вдруг обернулась и сказала:

– Я потом нарисую тебе точный план, ты сможешь сама найти. Видишь вон ту елку, у нее пик самый высокий. Надо идти на нее, мы сами сначала так ориентировались. Это теперь можем дойти с любой точки. А само место ты потом не пропустишь, мы его отметили.

Очень скоро они вышли на небольшую полянку, окружен-

ную невысоким ельником. Пришлось продирааться сквозь густые лапы, зажмурив глаза. Ветки хлестались и царапались не очень приветливо.

– Они всегда такие и почему-то не растут, – Марина улыбнулась, – чувствуешь место?

Леля вдруг ощутила, как сердце у нее забилось от волнения, и уже знакомое ощущение неземной любви заполнило душу.

– Да, как тут хорошо.

Они остановились рядом с пологим склоном, на котором лежали еловые лапы. Слава убрал их в сторону, и она увидела прямоугольник размером два на три метра, не больше. Он был обозначен гранитными камнями, аккуратно выложенными, по всей видимости, самими ребятами.

– Это вы отметили?

– Да, практически в первый же вечер. Мы, чтобы не забыть, точно по тем размерам положили камни. Мы закрываем все ельником, чтобы никто не обратил внимания. Но здесь гулять запрещено... Хотя, конечно, народ наш везде ходит.

Все замолчали. Постояв немного, ребята сообщили, что они сходят к ручью, прогуляются, а Леля может побыть здесь одна. Они нырнули в заросли ельника и исчезли из виду. Через пару мгновений их шаги стали не слышны.

Леля благодарно посмотрела им вслед и, встав напротив воображаемой иконы, попыталась сосредоточиться на собы-

тиях тысячелетней давности.

Четыре монаха тихо идут по склону почти черной горы. Солнца не видно, рассвет только начинает светиться на горизонте. Вчетвером они еле несут что-то тяжелое, завернутое в покрывало. Они подходят к небольшой поляне диких орхидей, растущих на склоне, которые плотным узором теснятся только в этом месте.

– Здесь, – говорит один из них.

– Пора, – отвечает другой.

Они встают на колени с четырех сторон и начинают молиться. В руках они держат кресты. Постепенно кресты начинают светиться все сильнее и сильнее. И вот лучи их соединяются, и вся полянка озаряется ярким золотым светом. И под действием этого света все становится прозрачным. Они смотрят в склон горы и видят огромный город, который неизмеримо больше, чем гора, которая его скрывает. Это целый мир, который живет и существует в другом пространстве.

– О, Пресвятая Богородица, Дверь Небесная, указующая нам путь в Царство Славы, стань Дверью и града сего сокровенного, – произносит старец.

– Пусть не ведает о нем никто до поры, – отвечает второй.

– Господи, Дух Святой! Стань Печатью этой Двери.

– Пусть откроется эта Дверь только избранным Тобой, людям и ангелам. А кресты чудотворные станут ключами, ко-

торые засияют в их руках.

Они поднимают огромную икону, которую принесли с собой, и опускают ее по ту сторону прозрачного мира. Потом соединяют кресты в единый центр. Их общий луч озаряет ее ярким светом и заставляет играть камни на драгоценном окладе. Но постепенно изображение тускнеет, прозрачность уходит. Вся картина другого мира медленно исчезает, унося с собой и икону. И, наконец, все. Первый луч солнца залил уже простую полянку с цветами, на которой, склонив головы, стоят в круг четверо мужчин в монашеских одеяниях. Кресты, соединенные в центре, перестают светиться, и монахи произносят:

– Да будет так до скончания времени. Аминь.

Леля медленно открыла глаза, услышав, как ее зовут. Слезы текли у нее из глаз, и она прошептала:

– Какая красивая...

– Ты ее увидела, да? – стала тормошить ее Марина, – Увидела?

– А? – Леля не могла сообразить, кто ее дергает.

– Да это я – Марина. Ты что?

– А что?

– Не отвечай вопросом на вопрос, я себя глупо чувствую. Ты меня узнаешь? Только не спрашивай – ты кто?

Леля, которая уже окончательно вернулась в настоящее, грустно и ласково прошептала:

– Тише, не волнуйся. Все хорошо.

– Ну и слава Богу, – успокоилась Маринка. – А то мы вернулись, а ты стоишь, как неживая и плачешь. Ты увидела икону?

– Да, я видела ее, – она с сочувствием посмотрела на ребят, – только она по ту сторону нашего мира.

– В каком смысле?

– К сожалению, в прямом. Она в Божьем мире, в сокровенном городе, а здесь мы можем ее только ощущать, ну и иногда видеть.

– Я так и думала. Только очень хочется ее еще раз увидеть. Ощутить эту радость...

Леля обняла Марину и прошептала ей прямо в ухо:

– Спасибо, ты мне очень помогла. И не только мне. И ты обязательно ее еще раз увидишь. Чудеса случаются, правда?

Марина кивнула и шмыгнула носом. Они постояли, обнявшись, и медленно стали закидывать все снова еловыми ветками. Спрятав место, как обычно, они потихоньку пошли в сторону стоянки.

Глава 39

Красоту солнечного утра очень сложно описать словами. Но мы все это видели и чувствовали, поэтому никто не удивляется этой фразе и все сразу соглашаются: да, действительно, солнечное утро – это здорово!

Но как описать Китеж-град, кусочек которого увидела Леля, она не представляла. Поэтому на все Сережины вопросы

только отвечала:

– Я не могу. Я просто счастлива, что этот мир существует.

– Ну хоть что-нибудь расскажи? – допытывался Виноградов. – Там что? Дома старинные, церкви?

– Нет, ничего там такого нет.

– А что есть?

– Клянусь тебе! Я не знаю. Там все не так, как в обычной жизни. – Леля смущенно оправдывалась. Ей вовсе не хотелось, чтобы Сережа решил, что она что-то скрывает. Но при этом ничего более вразумительного не получалось.

Они сидели в своем номере после пикника, проведенного, в результате, на даче у Славиной мамы. Весь вечер Сережа терпел и не приставал к Лельке с расспросами, хотя догадался – что-то произошло в его отсутствие. И теперь обиженно хмурился, считая несправедливым ее отговорки.

– Я не верю, что ты не можешь сказать – есть какие-нибудь дома или нет? Ты просто не хочешь или не веришь, что я смогу понять.

– Да не там домов! А если и есть, то где-нибудь в другом месте. – Леля начала сердиться. – Понимаешь, я заглянула только в небольшое окошко. Как можно понять что-нибудь конкретно, взглянув в окно? Сам посуди. Да и не важно все это, пойми! Важно, что этот мир существует и это само по себе огромное счастье.

– Ага. А это ты как успела понять? – Сережка демонстративно улегся на кровать, сложив руки за голову. – Посмот-

рела в окно... И вот оно – счастье!

Леля вздохнула:

– Виноградов, ты невозможный тип! Ладно, не обижайся. Я попробую тебе объяснить. Только ты серьезно отнесись!

– Ну, наконец-то... Уговорил! Давай, я буду серьезен и ответственный. Можно лежать? – Он поудобнее устроился на кровати, подоткнул подушечку и сделал проникновенное лицо.

– Даже лучше, – отмахнулась Леля. Потом присела на край стола и закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться.

– Вот, представь – ты лежишь на берегу, шумит вода, греет солнышко, и так хорошо, что шевелиться не хочется.

– Ну, представил. Что-то вроде острова Баунти?

– Ну, вроде такого. Хотя как-то не по-русски, ведь в реальности ты там не был, поэтому представить все ощущения до мелочей не можешь.

– Могу. Я на море был, поэтому смогу, – заупрямился Сережа.

– Ну ладно, представляй, что хочешь. – Она вздохнула и решила не спорить.

– Вот тебе хорошо, – продолжила она терпеливым голосом, – и ты видишь рядом меня, к примеру.

– Еще лучше стало!

– Серьезнее, Виноградов, а то я объяснять не буду.

– Ну, я честно сказал, если ты будешь рядом, мне будет еще лучше.

– Ладно, – улынулась Леля, – не отвлекайся.

И стала говорить тихим, медленным голосом, зависая на каждой фразе, пытаясь передать свои эмоции и ощущения.

– Сосредоточься... Закрой глаза... почувствуй солнечное тепло... ветерок, шум воды... нежное пение птиц... и бесконечное небо. Вспомни эти ощущения на коже, услышь эти звуки. Смотри... Ты видишь, как красиво шевелятся листья... как бежит рябь по воде... и солнечные блики переливаются, как бриллианты. Так хорошо и так чудесно вокруг! И тут появляется радость внутри тебя, она разливается, и тебе хочется, чтобы я и все, кто рядом, почувствовали эту красоту, так же, как и ты, оставили все мысли и наслаждались.

Я читаю книгу, и ты смотришь и удивляешься, как я могу читать в такой момент! И тебе жалко, что я этого не замечаю. Тебе хочется поделиться своим состоянием, и ты говоришь мне – посмотри, как красиво вокруг, как хорошо! Но вдруг ты неосторожно отвлекся – и все... Только воспоминание и внутренняя тоска по таким минутам.

Она замолчала, не зная, что еще добавить. От эмоционального напряжения в горле появился комок, и захотелось заплакать. Леля смотрела на своего друга и изо всех сил пыталась передать свои чувства ему. Страшно было подумать, что он может посмеяться над ней.

Виноградов лежал не шевелясь, сосредоточенно работая над своими ощущениями. Наконец, он открыл глаза и сел на кровати.

– Я понял, – тихо проговорил он.

Его тоже переполняли чувства и, чтобы с ними справиться, он поднялся и подошел к окну. За окном садилось солнце, и небо было розовым. И тут он вспомнил, как был счастлив, когда они с рано ушедшим из жизни отцом любовались необычными красками заката. Как они делились своими восторгами и даже решили запечатлеть этот миг для себя. Он горько ухмыльнулся своим воспоминаниям и вслух произнес:

– Конечно, я знаю такие переживания. И воспоминания из детства всегда связаны с похожими картинками. Я помню закат, который мы фотографировали с отцом. Помню, как шелестит береза у бабушкиного крыльца, помню, как стою под летним дождем со своим приятелем, и мы хохочем от счастья.

– Вот-вот, – взволнованно продолжила Леля. – Самое важное в этом состоянии то, что тебе непременно хочется с кем-нибудь разделить эту радость. Этот момент душевного восторга, ощущения счастья и желание им поделиться – и есть истинная любовь. Это прикосновение к божественному миру, который мы смогли разглядеть в нашем мире. Только пойми – это сотая часть того счастья, которое я испытала в тот момент, когда просто заглянула туда, в Китеж, причем даже не в реальности. В реальности я бы не вынесла, и мое сердце лопнуло бы, переполненное эмоциями.

Леля встревожено посмотрела на Сережу. Понял ли он ее столь сумбурное объяснение? Не станет ли смеяться? Но она

встретила взгляд удивления и восхищения. Леля вздохнула, и слезы навернулись на ее глаза.

– Ну, вот и все, – она улыбнулась и протянула ему руку. – Я не могу описать, что я увидела. Я могу описать только свои чувства. Это ощущение бесконечной любви ко всему миру.

– Даже ко Льву Доберманьчу? – пошутил Сережа, беря ее руку в свою.

– Даже к нему... его сразу становится жалко. Он не понимает, бедный, чего может лишиться ради какой-то ерунды.

– Согласен, – он потянул ее к себе и нежно обнял.

Они постояли обнявшись, испытывая удивительную радость единения сердец.

– Какой ты хороший! Почему я тебя не замечала? – сказала Леля.

– А ты вообще – сокровище, – ответил Сережа, – Как я-то раньше жил без тебя? Тоже не пойму.

Леля подняла на него сияющие глаза. Сережка не выдержал и чмокнул ее в нос. Леля рассмеялась:

– Спасибо! Я так Машку целую, когда она прощения просит и жалобно глядит. Но я тоже извиняюсь, что не хотела с тобой эту тему обсуждать.

– Да, ладно. Я сам балбес. Чего обижаться начал? Как-то глупо.

Они смущенно улыбались, смотрели друг на друга и не могли расцепить руки, потом Леля тихонько высвободила пальцы и поправила волосы.

– Ну, все в порядке? Мы помирились?

– Конечно, – вздохнул Сережка и наклонился за рюкзаком, который валялся посреди комнаты.

– Надо вещи все сложить. А то эти варвары тогда все раскидали, толком еще не разобрался. Так побросал внутрь и все. И что меня больше всего удивило: кресты ведь в шкафу просто так лежали, а они их не увидели. Не иначе, как наши ангелы им глаза закрыли.

Сережа стал разбирать свой уникальный рюкзак, раскладывая его содержимое на одеяле.

– Так... – деловито проговорил он, спустя пару минут. – Какие у нас теперь планы? Что мы ищем дальше?

– Абсолютно ничего. Мы все уже знаем, – спокойно констатировала Леля.

Виноградов положил рюкзак и потрясенно посмотрел на подругу.

– Ты серьезно?!

– Более чем. Мы знаем – где, мы знаем – как. И мы даже знаем – когда.

– Действительно. Где и как, я понял. А вот когда – тоже имеет значение?

– Без сомнения. Когда – это очень важно. Я, кстати, пыталась сообщить это тебе сегодня утром, но некоторые не стали слушать, а стали острить.

– Некоторые потом извинились, но кое-кто заперся в ванной и отказался разговаривать. Но сама обещала все расска-

зять после завтрака...

– Конечно, я не возражаю. Может, сам догадаешься?

Леля снова пришла в обычное расположение духа. Глаза засверкали, и она загорелась новой идеей.

– Итак, я проснулась и сообщила тебе, что времени больше не будет.

– Точно, после конца света времени нет, – Сережка задумался. – Монахи закрыли вход до конца времен. Его смогут открыть два человека и два ангела с помощью крестов. Все равно когда, так как времени больше нет. Ангелы – есть, люди – тоже. Кресты имеются, место известно. Но время-то не отменить? Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю в момент, когда время меняется. Например, в полночь.

– Нет, все не так просто. Тем более, что часы переносят, и оно вообще менялось много раз. Надо в момент природного времени. Что, если на рассвете?

– Точно, вспомнила! Ангелы мне говорили, что пересечение нашего линейного времени и вечности проявляется в цикличном времени... В смене дня и ночи, например?!

Леля подпрыгнула на кровати.

– Сережка – это точно рассвет, до первых лучей солнца! В межвременье!

– Отличное слово придумала, – Сережка, как обычно, уже попал под ее настрой и вскочил с кровати.

– Я сейчас, быстренько смотаюсь к портье. У них там ин-

тернет ловит. Посмотрю календарь.

– Ага! Лунный, – Леля радостно кивнула головой.

Секунда... и Виноградов уже хлопнул дверью.

Леля сидела в радостном возбуждении, загадка, которой они жили эти дни, наконец, решена! Она не выдержала и позвала:

– Феодорит, Мокий! Мы все знаем!!!

Но вместо любимых друзей появился тот, кого Леля совсем не ожидала увидеть. Величественный Карл Иванович шагнул к ней и поклонился.

– Здравствуйте, Елена! Я искренне рад, что Вы в конце пути. Я пришел поблагодарить Вас.

– Карл Иванович! – прошептала Леля, вставая. – Спасибо, я тоже рада. Мне кажется, что мы разрешили эту задачу. И если все получится, то мы сможем открыть вход в Китеж уже сегодня на рассвете.

Но... Неужели вы все уйдете туда навсегда?!!!

Седовласый ангел ласково улыбнулся и неторопливо ответил:

– Нет, конечно. Ангелы – это Божественное войско и, как все солдаты, мы должны быть там, где наше служение. А наше служение на земле, с людьми. Мы должны помогать вам сражаться с бесами, сражаться за свою душу. Китеж нужен людям.

– Ничего не поняла... Я думала, что мне надо открыть вход в сокровенный город для ангелов.

– Мы не могли тебе сразу объяснить всю сложность этой задачи, но сейчас ты готова нас не только слушать, но и услышать. Истина в том, что древние старцы не закрыли вход в город, а создали его, чтобы при необходимости можно было его открыть. И сейчас эта необходимость появилась. Ведь это неиссякаемый источник благодати, которая льется откуда потоком и оживляет самые черствые души. По их молитвам, ради потомков, Господь запечатал вход до исполнения всех условий. И одним из условий было присутствие чистых сердцем людей.

– И после того, как мы его откроем, он будет всегда открыт?! – радостно подпрыгнула Леля.

– Конечно, только ангелы будут стоять на страже, чтобы никто из людей не пострадал. Человек может войти в горный мир только через смерть.

– А как же ангелы города? Они теперь никуда не уйдут? Все хорошо? Правда? – с надеждой в голосе перебила его Леля, сложив руки на груди.

– Ангелы города, – терпеливо продолжил Карл Иванович, – будут ждать там до возобновления служения. И как только в них будет нужда, они сразу появятся.

– Я не готова попрощаться с вами так надолго... – у нее на глаза навернулись слезы.

– Почему надолго? Ведь мы откроем источник благодати, и любовь на земле умножится. Нас позовут. Мы верим в разум людей.

– Я тоже... что еще остается...– вздохнула девушка.

Карл Иванович улыбнулся и попрощался, лучась добротой и любовью:

– До свидания, милая наша помощница. Мы будем ждать тебя на рассвете. Обещанное Господом должно свершиться. И Спаси Бог!!!

Глава 40

Серая северная ночь окутывала Мауру плотным пред-рассветным туманом, делая гору еще более загадочной и необычной. Темные ели выделялись своими макушками на серебристом небосклоне.

– Вон нужная елка, – прошептала Леля, указывая фонариком на высокий кончик, четко видный издалека.

Лесная тропинка, по которой они шли, еле просматривалась в темноте.

– И куда только наши ангелы подевались? Посветили бы немножко, а то мы ноги переломаем, – в сердцах прошептала Леля, споткнувшись в очередной раз.

– Спокойно, – также шепотом ответил Сережа, – До рассвета еще тридцать минут. Подождем.

– Да ладно, это я так. Просто нервничаю.

Разговор почему-то не получался. Шутить и смеяться не хотелось. Они очень сильно волновались, хотя каждый скрывал это от другого. Тишина, которая стояла вокруг, делала любую фразу очень громкой. Говорить казалось почти неприличным.

Они бодрились и делали вид, что все идет как обычно, хотя внутри все горело от ответственности. Весь вечер они провели в церкви. Ночью спать не ложились, Феодорит и Мокрый появились ненадолго и попрощались со своими друзьями-

ми. Они благодарили и ласково уговаривали Лельку не плакать и быть мужественной. Но все напрасно, девушка очень переживала предстоящую разлуку. А теперь ей еще надо было завершить их труды, ничего не напутав. Леля в сотый раз вспоминала, как стояли монахи, и кто и что произнес. И, хотя она все подробно объяснила друзьям, ее не оставляли сомнения, что она что-нибудь забудет и все испортит.

Виноградов тоже переживал. Ведь, в сущности, он в этой истории совсем случайно, и у него нет никакого права здесь находиться. Ну нет у него героических дедушек и бабушек! И его точно выгонят как недостойного. Что, кстати, будет вполне справедливо...

В таких сумбурных мыслях они, наконец, подошли к молодому ельнику.

– Сюда, – показала Леля и стала продираться сквозь ветки. Сережа молча полез следом. Они вышли на небольшую полянку, окруженную плотным кольцом елочек. И Сережа впервые увидел место, выложенное камнями. Сердце стучало в ожидании чуда.

– Ну, где же ангелы?! Уже скоро пора! – тревожно произнесла Леля, взглянув на часы, и тут весь склон горы залил мягкий струящийся свет.

Она ахнула, увидев вокруг множество ангелов, настоящих, с крыльями и ярким светом вокруг головы. Ни Феодорит, ни Мокий никогда не являлись им в таком образе. Только один раз, когда изгоняли бесов, да и то не так величе-

ственно. А здесь – настоящее Божественное войско. Ей даже показалось, что откуда-то заструилась музыка удивительной красоты. Она стала громче, и тут сделалось понятно, что это поют ангелы Света, и звук их песни заставил плакать и смеяться ее сердце.

Захлебнувшись от восторга, она дрожащими руками достала кресты из сумки и увидела, как они загорелись ярким светом у нее в руках. Она отдала один Сереже, который стоял, как зачарованный. Ей даже пришлось вложить крест прямо ему в руку. Виноградов вздрогнул, молча кивнул и занял свое место. Она встала напротив и только потом оглянулась в поисках Феодорита и Мокия.

Друзья оказались совсем рядом. Величественно и серьезно ангелы приняли чудесные кресты. Они загорелись еще ярче, и постепенно свет каждого преобразовался в единый луч, который бил прямо к центру круга. Ангелы произносили какие-то слова, и лучи волшебным образом соединились в единый поток, который ушел в небо и отразился оттуда на земле. Яркий свет залил небольшой склон, и тут они увидели, как земля становится прозрачной, и огромная, великолепная икона Богородицы с младенцем смотрит на них грустным взглядом, исполненным совершенной любви.

Леся увидела, как Сережа свободной рукой взялся за сердце и по щекам его потекли слезы. Она сама плакала от избытка чувств и не могла произнести ни слова, и вдруг ощутила руку ангела, который берет у нее крест и заслоняет со-

бой от яркого света. «Это мой Ангел Хранитель», – четко осознала она. Краем глаза она еще успела заметить, как другой ангел забирает крест у Сережи и тут поняла, что теряет сознание. Абсолютная темнота и покой заполнили душу и закрыли от происходящего.

Леля очнулась от света утреннего солнца, который залил вход в небольшую часовню на вершине горы. Она потянулась, села и с облегчением увидела, как рядом приходит в себя Виноградов и мотает головой, пытаясь сообразить, где они находятся.

Он был таким смешным и милым, что Леля невольно рассмеялась и сказала:

– С добрым утром, герой! Ты как?

– Вроде нормально, хотя еще не понял. – Сережа приподнялся и огляделся. – Знакомое место...

– Мы в часовне, – пояснила Леля.

– Точно, – кивнул Виноградов.

Они посидели немного, помолчали, и вдруг воспоминания нахлынули на них одновременно.

– Сережка! Мы ведь все сделали, у нас получилось! – первой заговорила Леля.

– Да, действительно! Я тоже все помню! – прошептал в ответ Виноградов, с восторгом глядя на нее.

– Ну и как? Как впечатление?

– Потрясающе! – признался он – Хотя, сознаюсь, был мо-

мент, я думал, что сердце сейчас разорвется. А ты сама-то как? Жива?

– Я отлично, – радостно закивала она. – Хотя если бы ангел не забрал у меня крест, я бы тоже умерла от избытка чувств. От счастья можно умереть, это я теперь точно знаю.

Они помолчали.

– А знаешь, – поделилась Леля, – мое сердце и сейчас поет от какой-то удивительной радости, которая внутри меня. Так странно!

Она прижала руки к сердцу, стремительно поднялась и встала на цыпочки. Ей казалось, что еще немного, и она сможет полететь, столько легкости было внутри.

– Вот, вот, – подхватил Сережа, глядя на нее. – Мне тоже хочется летать, как здорово!

Он вскочил и взмахнул руками.

– Я тоже это чувствую, – пропел он, – так хорошо, что даже глупо! Счастье! Просто потому, что я знаю!

Он подбежал к выходу и, встав на крылечке, воскликнул:

– Эй, люди! Божий мир существует! Его кусочек внутри меня! Господи, да какое ж это счастье!!! Пойдем, Лелечка! Пойдем!

Он, хохоча, вытащил ее из часовни и раскинув руки, закричал:

Простерши руци крест образуем.

Многие силы в нем показуем.

– Леля, смотри – я обнимаю весь мир!

– И я тоже-е! – закричала она в ответ, также раскинув руки и смеясь.

– Ты сумасшедший! Точнее, мы с тобой сумасшедшие!

– Мы не сумасшедшие, мы просто счастливые! Ты и я!

Великолепное весеннее солнце ярко освещало небольшую часовню и двух молодых людей, которые стояли, обнявшись, на большом камне и глядели в мир другими глазами. Глазами совершенной любви.